

Уилбур Смит
Золотой Лис
Серия «Кортни», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143167
Золотой Лис: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-078333-5

Аннотация

Африка. Арена Большой игры множества иностранных держав, преследующих здесь свои интересы.

Семье Кортни – одной из самых влиятельных в ЮАР – предстоит взять на себя в этой игре главную роль.

Спецслужбы сразу нескольких государств пытаются склонить непокорных магнатов к сотрудничеству, пытаясь найти их слабое место, и к дочери посла ЮАР в Англии Изабелле Кортни приставляют особого агента по прозвищу Золотой Лис.

Его задание – принудить Изабеллу к повиновению. Любой ценой.

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Уилбур Смит

Золотой Лис

Моей жене, моей драгоценной Мохинисо посвящается —с любовью и благодарностью за все волшебные годы нашей совместной жизни

* * *

Разноцветное облако бабочек засверкало в ярких солнечных лучах, легкий ветерок разнес его по летнему небу, и сто тысяч восторженных юных лиц обратились к нему, разглядывая проплывающее великолепие.

В передних рядах внушительной аудитории сидела девушка, та самая девушка, которую он выслеживал вот уже десять дней. Как и любому охотнику, тщательно изучающему намеченную жертву, ему уже казались как-то странно знакомыми каждый жест, каждое движение, то, как она оборачивалась и скидывала голову, когда что-либо привлекало внимание, как наклоняла ее, прислушиваясь, как встряхивала в раздражении или нетерпении. Теперь же, как бы пополняя его коллекцию, она устремила свой взор к сверкающему многокрылому облаку над головой, и даже на таком расстоянии он видел блеск великолепных зубов в обрамлении розового овала мягких губ.

Человек в белой сатиновой рубашке, стоявший на высокой сцене прямо перед ней, поднял над головой еще один ящик и с громким смехом вытряхнул из него новую легкокрылую волну. Желтая, белая, переливающаяся всеми цветами радуги, она взметнулась ввысь под восхищенные вздохи толпы.

Вдруг одна из бабочек прервала свой полет и резко устремилась вниз; и хотя сотни рук пытались поймать ее, она, словно заколдованная, облетела все препятствия и села прямо на лицо девушки. Счастливый смех долетел до него сквозь монотонный гул толпы, и он сам невольно улыбнулся.

Она подняла руку ко лбу и осторожно, почти благоговейно, взяла бабочку в ладонь. Поднесла к самому лицу, рассматривая этими сине-фиолетовыми, столь хорошо знакомыми ему глазами. Взгляд внезапно стал задумчивым, губы что-то шептали, он видел, как они двигались, но не мог расслышать слов.

Но грусть была мимолетна, и через мгновение улыбка вновь заиграла на прелестных губах. Девушка вскочила на ноги, встала на цыпочки и вытянула руки высоко над головой. Бабочка будто колебалась – сидела на кончиках пальцев, лениво шевеля крылышками, и в этот момент он услышал голос:

– Лети же! Лети!

И возглас был тут же подхвачен окружающими:

– Лети! Да будет мир!

В эту минуту она завладела всеобщим вниманием, все взоры устремились к ней, позабыв об одинокой экстравагантной фигуре на сцене.

Девушка была высокой и гибкой, обнаженные руки и ноги покрывал загар, и от нее прямо-таки веяло здоровьем и молодостью. В полном соответствии с модой юбка на ней была такая короткая, что, когда она потянулась вверх, все смогли свободно лицезреть полукружия ее маленьких упругих ягодичек, слегка прикрытые белоснежным кружевом трусиков.

Застыв на мгновение в этой позе, она как бы символизировала все свое поколение, свободное, необузданное и в то же время такое беззащитное, и он кожей ощутил тот еди-

ный порыв, что охватил всех смотревших на нее. Даже человек на сцене наклонился, чтобы получше ее рассмотреть, и его толстые лиловые, будто искусанные пчелами губы раздвинулись в улыбке, и он прокричал все то же слово: «Мир!» И его голос разнесся над толпой, тысячекратно усиленный мощными динамиками, которые возвышались по обеим сторонам сцены.

Бабочка вспорхнула с руки, промелькнула над головой и затерялась в пестром облаке своих подруг, а девушка прижала пальцы к губам, посылая ей вослед воздушный поцелуй.

Она опустилась на траву, и все сидевшие рядом потянулись к ней, чтобы обнять или хотя бы дотронуться.

На сцене Мик Джаггер широко раскинул руки, требуя тишины. Дождавшись, заговорил в микрофон. Голос, искаженный усилителями, звучал глухо и невнятно; акцент был столь силен, что наблюдатель едва мог разобрать слова; он произнес довольно путанную речь в память одного из членов своего ансамбля, который несколько дней назад утонул в бассейне во время веселой воскресной попойки.

Ходили слухи, что покойный вошел в воду, уже будучи практически в коматозном состоянии от чрезмерной дозы наркотиков. Это была воистину героическая смерть в век наркотиков и секса, «травки» и «колес», в век свободы, мира и чрезмерных доз.

Джаггер закончил маленькую речь. Она оказалась настолько краткой, что никак не повлияла на жизнерадостное настроение аудитории. Взыли электрогитары, и Джаггер всем своим существом погрузился в коронную песню «Женщины притонов». И вот уже сто тысяч сердец забились в унисон с его сердцем, сто тысяч молодых, здоровых тел задергались в такт и двести тысяч рук взметнулись вверх, раскачиваясь, как колосья пшеницы на ветру.

Космическая музыка наполнила воздух, грохоча, как пушечная канонада; рвала барабанные перепонки, врвалась в мозг, разрывая его на части, оглушая и отупляя. В мгновение ока она превратила слушателей в безмозглых маньяков, в некий единый организм, подобный гигантской амебе, корчащейся и пульсирующей в процессе размножения, сжигаемой неприкрытой, неудержимой похотью; и от этой живой массы разлило пылью и потом, одуряющим ароматом горячей конопли и мускусным запахом возбужденных молодых тел.

Наблюдатель был единственным человеком в толпе, не охваченным всеобщим безумием; грохочущая музыка ничуть не волновала его. Он не отрывал глаз от девушки, выжидая подходящий момент.

И хотя та раскачивалась в первобытном ритме, вместе со всеми остальными, стиснутая их телами, даже здесь ее отличала какая-то особая грация. Блестящие черные волосы, приобретшие на солнце красноватый оттенок, были собраны на затылке, но их густые пряди спадали вниз темными струящимися потоками, подчеркивая элегантную линию шеи и гордую посадку головы – точь-в-точь как тюльпан на стебле.

Прямо под сценой низким заборчиком была отгорожена специальная площадка, что-то вроде мест для избранных. Там сидела Марианна Файсфул в длинном ниспадающем платье, правда, при этом босая, в окружении других жен и сподвижников. Ее красота казалась отрешенной и неземной. Глаза были затуманены и неподвижны, как у слепой, а движения замедлены и сонны. У ног ползали дети, и все они были окружены цепью Ангелов Ада.

В черных вермахтовских касках, увешанные цепями и железными нацистскими крестами, с волосатой грудью, выпирающей из-под черных кожаных курток, усыпанных сверкающими металлическими бляхами, в мотоциклетных сапогах со стальными подковами, с замысловатой татуировкой на руках, они стояли в угрожающей позе, руки в бока, полицейская дубинка на поясе, сжатые кулаки в тяжелых заостренных стальных кольцах. Они окидывали толпу мрачными вызывающими взглядами, ища малейшего повода для вмешательства.

А музыка все гремела и гремела, час, затем другой, жара все усиливалась, пахло уже как в звериной клетке, ибо кое-кто из присутствующих, причем обоих полов, зажатых толпой и не желающих пропустить ни единой минуты представления, мочились прямо там, где сидели.

Подобная безнравственность, дикая разнузданность и разгул самых низменных страстей вызывали глубокое отвращение у наблюдателя. Это было надругательством над всем, во что он верил. Песок запорошил ему глаза, голова раскалывалась, в ушах билась музыка в такт аккордам гитар. Пора уходить. Еще один день потерян; еще один день прошел в тщетных ожиданиях подходящего случая. Но терпения у него не меньше, чем у хищного зверя, подкарауливающего добычу. Что ж, будут и другие дни; спешить некуда. Главное – дожидаться именно того, что ему нужно.

Он начал пробираться сквозь толпу, сгрудившуюся на небольшом возвышении, где простоял все это время, бесцеремонно расталкивая публику; впрочем, все были в таком гипнотическом трансе, что не обращали на него ни малейшего внимания.

Оглянувшись, и глаза сузились: он увидел, как девушка что-то сказала сидящему рядом парню, улыбнулась, покачала головой в ответ на его слова и поднялась на ноги. Затем она тоже стала пробираться сквозь толпу, перешагивая через сидящих, опираясь на их плечи и мило улыбаясь вместо извинений.

Наблюдатель тут же изменил направление, повернув вниз по отлогому склону ей наперез; охотничий инстинкт подсказывал, что судьба неожиданно дарит ему тот самый шанс, которого он ждал.

За сценой рядами стояли грузовики телевидения, каждый размером с двухэтажный автобус, припаркованные вплотную друг к другу, так что между ними оставались считанные сантиметры свободного пространства.

Девушка повернула назад вдоль низкого заборчика, пытаясь обогнуть сцену и выбраться из толпы, но здесь скопилось столько народу, что она не могла пройти дальше. Упершись в стену из человеческих тел, она в отчаянии озиралась по сторонам.

Внезапно направились прямо к заборчику; энергично работая локтями, вскоре достигла его, легко перескочила через это невысокое препятствие и скользнула в узкий промежуток между двумя огромными грузовиками. Один из Ангелов Ада, заметив столь вопиющее нарушение неприкосновенной границы, с громким возгласом устремился за ней; проход был настолько узок, что ему пришлось протискиваться боком, при этом он на мгновение повернулся лицом к наблюдателю, и тот ясно увидел довольную ухмылку, промелькнувшую на губах.

Наблюдателю понадобилось почти две минуты, чтобы добраться до того места, где девушка перемахнула через заборчик. Кто-то попытался остановить его, но он отшвырнул протянутую руку, в свою очередь, пересек запретную зону и оказался между высокими стальными бортами припаркованных грузовиков.

Ему также пришлось продвигаться боком; широкие плечи в данном случае были явной помехой. Он как раз поравнялся с дверью водительской кабины, когда услышал прямо впереди себя приглушенный крик. Этот звук подстегнул его, он быстро обогнул капот и на секунду приостановился, чтобы лучше оценить создавшуюся ситуацию.

Настигнув девушку, Ангел Ада прижал ее к переднему крылу грузовика. Резко завернул ей руку назад и вверх. Она стояла к нему лицом, а он наваливался на нее бедрами и животом, заставляя откинуться назад на стальное крыло. Навис над ней, пытаясь дотянуться до губ. Девушка, изогнувшись дугой, отчаянно мотала головой из стороны в сторону, но он только смеялся; широко разинув свою пасть, высунул язык и старался затолкать его ей в рот.

Одновременно правой рукой задрал коротенькую юбочку до пояса, и его волосатые, испачканные машинным маслом пальцы по-хозяйски шарили в кружевных трусиках.

Девушка колотила его свободной рукой, но он втянул голову в плечи, пряча лицо от ее ногтей, и в результате все удары приходились на обитую металлом черную кожу и массивные плечи – гору жира и мускулов. С громким утробным ржанием Ангел стаскивал с нее трусики, кружево с треском рвалось в его пальцах, сползая вниз по гладким загорелым бедрам.

Наблюдатель сделал шаг вперед и дотронулся до плеча Ангела; тот замер, но тут же резко обернулся. Его мутный взгляд моментально прояснился, и он с такой силой отшвырнул девушку в сторону, что она с размаху шлепнулась на грязную вытоптанную траву между грузовиками. Затем потянулся к дубинке, висевшей на поясе.

Наблюдатель протянул руку и еще раз дотронулся до него, на этот раз под ухом, чуть ниже кромки стального шлема. Нажал в этом месте двумя пальцами, и Ангел застыл как вкопанный; судорога свела его конечности, в горле что-то заклокотало, затем все тело забилося в конвульсиях, он мешком рухнул на землю и остался лежать, извиваясь и дергаясь, как эпилептик. Девушка стояла на коленях, машинально натягивая разорванные трусики и с благоговейным ужасом наблюдая за происходящим. Наблюдатель перешагнул через распростертого Ангела и поднял ее на ноги, как пушинку.

– Идем, – сказал негромко. – Пока его дружки не сбежались.

Взял за руку и быстро повел за собой, и она с детской доверчивостью последовала за ним.

Прямо за припаркованными грузовиками начинались заросли рододендрона, испещренные узкими тропинками. Они бежали по одной из них. Девушка, задыхаясь, спросила:

– Ты убил его?

– Нет. – Он даже не обернулся. – Не пройдет и пяти минут, как очухается.

– Ты разделался с ним, как с младенцем. Как это у тебя получилось? Ведь ты едва до него дотронулся.

Не ответил, но после очередного поворота тропинки остановился и повернулся к ней.

– С тобой все в порядке?

Она отрывисто кивнула.

Он внимательно смотрел на нее, не отпуская руки. Знал, что ей двадцать четыре года; эту молодую женщину только что пытались зверски изнасиловать, но взгляд ее темно-синих глаз был ровным и оценивающим. Ни слез, ни истерики, розовые губы ни разу не дрогнули, а хрупкая теплая ладонь твердо сжимала его руку.

Что ж, по крайней мере в этой части характеристика, данная ей психиатром и досконально им изученная, подтвердилась: несомненно, человек жизнерадостный и уверенный в себе; и уже почти полностью оправилась от пережитого потрясения. Тут он заметил, что на ее щеках и у основания длинной изящной шейки появился нежный румянец, дыхание заметно убыстрилось. Она явно была охвачена новыми и весьма сильными эмоциями.

– Как тебя зовут? – спросила, и он сразу узнал этот пристальный взгляд. Обычно все женщины именно так смотрели на него при первой встрече.

– Рамон.

– Рамон, – тихо повторила она, как бы вслушиваясь в музыку этого слова. Господи, до чего же он красив. – А как твое полное имя?

– Ты не поверишь. – Он говорил по-английски безукоризненно, даже, пожалуй, чересчур безукоризненно. Наверное, иностранец, но в любом случае его красивый, глубокий и в то же время сдержанный голос полностью соответствовал внешности.

– А все-таки. – Она почувствовала, как голос ее дрогнул.

– Рамон де Сантьяго-и-Мачадо. – Прозвучало как прекрасная мелодия; невероятно романтично. Это было самое красивое имя из всех, что она когда-либо слышала; идеальное имя для такого лица и такого голоса. – Надо идти, – сказал он; она все еще не могла оторвать от него глаз.

– Я устала. Не могу больше бежать.

– Тогда тебя повесят на руль мотоцикла вместо талисмана.

Она рассмеялась; ей пришлось прикусить губу, чтобы остановиться.

– Перестань. Не смеши меня. Мне надо в туалет. Я больше не могу терпеть.

– А, так вот ты куда направлялась, когда этот сказочный принц воспылал к тебе страстью.

– Я же тебя просила. – Она еле сдерживала смех, и он сжалился.

– Туалет есть у входа в парк. Дотерпишь?

– Не знаю.

– Ну тогда можешь воспользоваться кустами.

– Ну уж нет. На сегодня представлений хватит.

– Тогда пошли. – Он вновь взял ее за руку.

Они обогнули Серпентин, и Рамон оглянулся.

– Пыл твоего приятеля явно поутих. Что-то его не видать. Какое непостоянство.

– А жаль. Я бы с удовольствием посмотрела этот твой фокус еще разок. Долго еще?

– Да вот.

Они были уже у входа; она отпустила его руку и направилась к маленькому красному кирпичному домику, деликатно укрывшемуся за кустами возле дорожки, но у самой двери вдруг остановилась в нерешительности.

– Меня зовут Изабелла, Изабелла Кортни, а для друзей я Белла, – бросила через плечо и быстро скрылась за дверью.

«Да, – пробормотал он про себя. – Я знаю».

Даже в кабинке она слышала музыку, легко преодолевавшую расстояние и кирпичные стены; слышала и шум вертолета, пролетевшего, казалось, над самой крышей, но все эти звуки не могли отвлечь ее от новых мыслей. Она думала о Рамоне.

У умывальника внимательно рассмотрела себя в зеркале. Волосы совершенно растрепались; она быстро привела их в порядок. Волосы Рамона были густыми темными и волнистыми. Длинными, но не слишком. Стерла с губ бледно-розовую помаду, затем вновь их накрасила. Губы Рамона были пухлыми и в то же время мужественными. Мягкими, но сильными. «Интересно, какие они на вкус?»

Бросила помаду обратно в сумочку и нагнулась к зеркалу, чтобы получше рассмотреть свои глаза. Глазных капель ей явно не требовалось. Белки были такими чистыми, что отдавали синевой, как у здорового младенца. Она знала, что глаза были ее лучшим украшением, синие, как у всех Кортни, что-то между васильковым и сапфировым оттенками. Глаза Рамона были зелеными. Именно они прежде всего поразили ее. Эти чистые, ярко-зеленые глаза, такие красивые, но (долго не могла подобрать определение)... смертельно опасные. Да, именно так. Чтобы это понять, не нужно было видеть расправу над Ангелом Ада. Достаточно один раз посмотреть в эти глаза. Сомнений быть не могло: этот человек опасен. Почувствовала, как по спине пробежал восхитительный холодок страха и сладостного предвкушения. Может быть, это и есть Он. Рядом с ним все остальные казались бледными и скучными теньями. Может быть, ей повезло и она нашла наконец того, кого так долго искала.

– Рамон де Сантьяго-и-Мачадо, – промурлыкала вслух его имя, пробуя его на вкус, следя за движением своих губ. Затем выпрямилась и направилась к выходу. Заставила себя не спешить. Шла медленно, расслабленной походкой, раскачивая бедра при каждом шаге, упругий зад двигался из стороны в сторону подобно метроному, белое кружево то и дело выглядывало из-под донельзя укороченной юбки.

Оказавшись снаружи, она слегка надула губки, опустила длинные густые ресницы и застыла на месте.

Его нигде не было. Белла судорожно вздохнула; внутри что-то екнуло, будто она проглотила камень. Огляделась по сторонам, отказываясь верить своим глазам.

– Рамон... – произнесла неуверенно и выбежала на дорожку.

Навстречу ей шли сотни людей, первая волна беглецов, пытавшихся избежать столпотворения, неминуемого по окончании концерта, но элегантной фигуры, столь желанной ее взору, среди них не было.

– Рамон... – повторила еще раз и кинулась ко входу в парк. Машины с грохотом проносились мимо по Бэйсуотерскому шоссе, она в отчаянии озиралась вокруг себя и не могла в это поверить. Он ушел и бросил ее. Никогда еще с ней не случилось ничего подобного. Она ясно показала ему, что хочет познакомиться с ним поближе – не понять этого было невозможно, а он взял и ушел.

Ее охватила ярость. Никто и никогда не осмеливался так обращаться с Изабеллой Кортни. Она была уязвлена, оскорблена, разгневана.

– Черт бы его побрал! Чтоб его...

Но гнев вдруг куда-то испарился. Она ощутила себя одинокой и покинутой. Это было странное чувство, что-то незнакомое и непривычное.

– Он не мог просто так вот уйти, – вслух произнесла она; это прозвучало как жалобное хныканье избалованного ребенка, и Белла повторила те же слова с другой интонацией, стараясь вернуть свой гнев, но ничего не получилось.

За спиной услышала взрыв хохота; обернулась. На дорожке появилась группа Ангелов Ада, они были еще в сотне ярдов, но направлялись прямо к ней. Больше оставаться здесь было нельзя.

Концерт окончился, публика расходилась. Вертолет, шум которого она слышала, скорее всего прилетал за Джаггером и его «Роллинг стоунс». У нее было мало шансов разыскать своих знакомых в такой толпе. Еще раз быстро огляделась вокруг с явным отчаянием. Нет, этой темной кудрявой головы нигде не видно. Тогда вскинула голову и высоко задрала подбородок.

– Да кому он нужен, этот паршивый даго? – яростно прошипела она и решительно зашагала по тротуару.

Сзади послышался свист, ржание, а кто-то из Ангелов принялся командовать в такт ее шагам:

–левой, правой, левой – зад направо, зад налево, кругом!

Она знала, что ее зад ходит ходуном, и все из-за высоких каблучков. Сняла туфли прямо на ходу, попрыгав сперва на одной, затем на другой ноге, и босиком побежала по тротуару. Машина осталась на посольской стоянке в Стрэнде, и теперь пришлось ехать за ней на метро от станции Ланкастер-Гейт.

У нее был новенький, с иголочки «мини-купер», самая последняя модель 1969 года. Отец подарил на день рождения, а подгонялся он в той же автомастерской, что и «мини» Энтони Армстронга-Джонса. Они увеличили мощность двигателя, обили корпус белой кожей, как у «роллса», и перекрасили в серебристый цвет, точь-в-точь как новый, «астон-мартин» отца, а на дверце золотой фольгой выписали ее инициалы. Все высшее общество разъезжало на «мини». Субботним вечером у «Аннабел» их парковалось больше, чем «роллсов» или «бентли».

Белла забросила туфли на крохотное заднее сиденье и врубила мотор на полную мощность, так что стрелку зашкалило; шины взвизгнули и оставили черные полосы на асфальте стоянки. Увидев их в зеркале заднего вида, ощутила какое-то мрачное дьявольское удовольствие.

Она мчалась во весь дух, надежно защищенная от гнева дорожной полиции дипломатическими номерами. Строго говоря, никаких прав на это не было, но отец выбил их для нее.

Новый личный рекорд скорости родился на пути от стоянки до Хайвельда, резиденции посла в Челси; отцовский официальный «бентли» с флажками на крыльях был припаркован у входа, и Клонки, его шофер, которого отец привез с собой из Кейптауна, приветствовал Изабеллу.

Белла уже достаточно овладела собой, чтобы одарить Клонки самой очаровательной из всех своих улыбок и небрежно бросить ему ключи.

– Клонки, будь лапочкой, поставь мою машину, хорошо? – Отец был очень строг во всем, что касалось ее обращения со слугами. Она могла вымещать свое плохое настроение на ком угодно, только не на них. «Они члены нашей семьи, Белла». И многие из них действительно обосновались в Велтевердене, их родовом поместье на мысе Доброй Надежды, задолго до ее рождения.

Отец сидел за письменным столом в своем кабинете на первом этаже с окнами в сад без пиджака и галстука, стол был завален официальными бумагами. Но он тут же бросил ручку и повернулся на стуле, как только она вошла. Лицо просветлело при виде дочери.

Белла уселась к нему на колени и поцеловала.

– Боже, – прошептала она, – ты самый прекрасный мужчина на свете.

– Мне, конечно, и в голову не взбрет сомневаться в твоей компетентности в этом вопросе, – улыбнулся Шаса Кортни, – но позволь спросить, что заставило тебя прийти к такому выводу?

– Все мужчины либо скоты, либо зануды. Разумеется, все, кроме тебя.

– Вот оно что! Ну и что же юный Роджер ухитрился сделать такого, чтобы вызвать твой гнев? На первый взгляд он кажется совершенно безобидным, если не сказать сильнее.

Роджер сопровождал ее на концерт. Она оставила его в толпе у сцены, но теперь даже не сразу вспомнила, о ком идет речь.

– С мужчинами покончено навсегда. Наверное, я постригусь в монахини.

– А ты не могла бы отложить это богоугодное мероприятие хотя бы до завтра? Сегодня вечером мне никак нельзя обойтись без хозяйки дома, а у нас еще ничего не готово к званому обеду.

– Все уже давно готово. Я все сделала еще до того, как ушла на концерт.

– А меню?

– Я обо всем договорилась с шеф-поваром еще в прошлую пятницу. Не будь таким паникером, па. Все, что ты любишь: устрицы и барашек из Камдебу.

Шаса подавал к столу только собственных барашков, выращенных на фермах в Кару. Сухие кустарники пустыни, служившие им кормом, придавали мясу отчетливый травянистый привкус. Вся говядина для посольства привозилась из его обширных угодий в Родезии, а вина – из виноградников Велтевердена, где на протяжении вот уже двадцати лет винодел-немец, проявляя редкостное умение и настойчивость, совершенствовал качество вин и настолько в этом преуспел, что в настоящее время у Шасы были основания ставить их выше почти всех марок Бургундии. Его амбиции, однако, простирались еще дальше; он хотел получить вино, не уступающее самым знаменитым винам Золотого Берега.

Для транспортировки всех этих грузов от мыса Доброй Надежды до Лондона торговая компания Кортни каждую неделю гоняла специальное судно-холодильник через весь Атлантический океан.

– ...И еще я взяла твой смокинг из чистки сегодня утром и заказала Баддзу с Пиккадилли-Аркейд три сорочки и дюжину новых глазных повязок. Твои старые совсем обтрепались. Я их выкинула.

Не вставая, она поправила ему повязку. Шаса потерял свой левый глаз во время Второй мировой войны; он летал на «харрикейнах» и сражался с итальянцами в Абиссинии. Черная шелковая повязка придавала ему лихой пиратский вид.

Шаса довольно улыбнулся. Когда он впервые предложил Белле поехать с ним в Лондон, ей только что исполнился двадцать один год, и он долго колебался, прежде чем возложить на столь юную особу весьма обременительные и ответственные обязанности хозяйки дома в посольстве. Однако тревоги оказались напрасными. В конце концов она прошла хорошую школу у своей бабки. К тому же они привезли с собой с мыса шеф-повара, дворецкого и половину всего обслуживающего персонала, так что в ее распоряжении с самого начала была высококвалифицированная команда.

В результате за прошедшие три года Изабелла приобрела солидную репутацию в дипломатических кругах, и ее приглашения пользовались спросом у всех, кроме посольств государств, которые разорвали отношения с Южной Африкой.

– Ты хочешь, чтобы я тебя прикрыла, когда после обеда ты уединишься со своим приятелем из Израиля на полчаса для создания атомной бомбы?

– Белла! – Шаса моментально нахмурился. – Ты прекрасно знаешь, что я не выношу подобных шуточек.

– Да ладно тебе, па. Ведь нас никто не слышит.

– Все равно, никогда не говори этого, Белла, даже в шутку и без свидетелей. – Шаса строго покачал головой. В сущности, она была весьма близка к истине. Израильский военный атташе и Шаса обхаживали друг друга вот уже почти год, и их отношения зашли гораздо дальше обычного дипломатического флирта.

Она поцеловала его, и он поневоле смягчился.

– Ну, я пойду приму ванну. Приглашения разосланы на восемь тридцать. В десять минут девятого зайду повязать тебе галстук. – В течение сорока лет Шаса справлялся с этим сам, пока Изабелла не пришла к выводу, что ему нельзя доверять столь важное дело.

Шаса скептически оглядел ее ноги:

– Стоит вам, мадемуазель, еще чуть-чуть укоротить ваши юбки, и из-под них станет выглядывать ваш пуп.

– Не строй из себя старого ханжу. Это совершенно не к лицу самому потрясному из всех отцов двадцатого века.

И она направилась к двери, виляя нижней частью туловища, едва прикрытой вышеупомянутым предметом одежды. Когда дверь за ней закрылась, Шаса глубоко вздохнул.

– М-да, мощный заряд динамита с очень коротким запалом, – пробормотал он. – Может, в каком-то смысле оно и к лучшему, что мы возвращаемся домой.

В сентябре истекал трехлетний срок пребывания Шасы в должности посла. Теперь Изабелле предстояло вернуться под железную руку Сантэн Кортни-Малькомесс, ее бабки. Шаса отдавал себе отчет в том, что его собственные усилия в деле воспитания дочери вряд ли можно было назвать полностью успешными, так что он с большим облегчением готовился сложить с себя эту нелегкую обязанность.

Шаса окинул взглядом бумаги на столе, размышляя о предстоящем возвращении в Кейптаун. Все эти годы, проведенные в посольстве в Лондоне, стали для него, по сути дела, политической ссылкой. Когда в 1966 году был убит тогдашний премьер-министр Хендрик Фервурд, Шаса допустил серьезный просчет, сделав ставку не на того кандидата на этот пост. В результате, как только Джон Форстер стал премьер-министром, Шасу отправили подальше от коридоров власти, на задворки большой политики; однако, как это неоднократно случилось и раньше, он ухитрился превратить свое политическое фиаско в очередной триумф.

Его незаурядные способности и опыт, цепкая деловая хватка, изысканные манеры и располагающая внешность, обаяние и дар убеждения позволили ему в значительной степени отвести от своей родной страны нарастающую враждебность и презрение, охватившие весь мир и в особенности лейбористское правительство Великобритании вместе с государствами Содружества, большинство из которых возглавлялись лидерами негритянского или азиат-

ского происхождения. Эти его достижения не остались без внимания Джона Форстера. До того как Шаса покинул Южную Африку, он поддерживал тесные связи с «Армскором», и вот теперь Форстер предложил ему по возвращении занять пост президента.

По сути, «Армскор» был крупнейшей промышленной корпорацией из всех, когда-либо существовавших на Африканском континенте. Его создание явилось ответом на эмбарго на продажу оружия Южной Африке, введенное в свое время президентом США Дуайтом Эйзенхауэром и поддержанное в настоящее время многими странами, целью которого было ослабить и обезоружить ее. «Армскор» – «Компания по разработке и производству вооружений» – включил в себя практически всю оборонную промышленность страны под единым управлением; государство расходовало многие миллиарды долларов на поддержку.

Это предложение открывало поистине грандиозные и захватывающие перспективы, тем более что многочисленные компании, составляющие финансовую и промышленную империю семьи Кортни, находились в надежных руках. В течение трех лет посольской деятельности Шаса постепенно, в строгой последовательности передал все основные управленческие функции своему сыну Гарри Кортни. Гарри уже добился на этом поприще поразительных для столь молодого человека успехов, но ведь и сам Шаса был ненамного старше, когда стал президентом «Кортни энтерпрайсес».

К тому же Гарри пользовался полной поддержкой своей бабки, Сантэн Кортни-Малькомесс, основательницы и вдовствующей императрицы империи. Под его руководством работала команда менеджеров экстра-класса, тщательно подбиравшаяся Сантэн и Шасой на протяжении сорока лет.

Впрочем, все это нисколько не умаляло достижений самого Гарри, в частности того, как он вел дела во время недавних потрясений на Йоханнесбургской фондовой бирже, в результате которых акции многих компаний обесценились на целых шестьдесят процентов. Проявив незаурядное чутье, которое могло бы сделать честь и Шасе, и Сантэн, Гарри предугадал итог бешеной свистопляски, предшествовавшей биржевому краху. В результате «Кортни энтерпрайсес» не только не обанкротилась или не понесла убытки, но и вышла из всей этой смуты еще более сильной и кредитоспособной, с наилучшими возможностями для завоевания новых позиций на рынке.

«Нет, – Шаса с улыбкой покачал головой, – Гарри превосходно управлялся с делами, и было бы в высшей степени несправедливо отодвигать его на второй план». Однако и сам Шаса был еще вовсе не стар – всего пятьдесят с небольшим. По возвращении домой ему нужно будет чем-то заняться, найти пищу для ума и выход для энергии. Работа в «Армскор» подходила идеально.

Конечно, он сохранит место в правлении своей фирмы, но основные усилия сможет сосредоточить на «Армскоре». Его новая должность позволит заполучить выгодные контракты для компаний Кортни. Подобное сотрудничество принесет огромные выгоды для обеих корпораций, а Шаса, помимо всего прочего, сможет в полной мере проявить свои патристические чувства, получив при этом щедрое материальное вознаграждение.

Замечание Изабеллы, вызвавшее возмущение с его стороны, было напрямую связано с назначением. Он воспользовался своими дипломатическими связями с израильским посольством, чтобы сначала высказать, а затем и осуществить идею разработки совместного ядерного проекта обоих государств. Сегодня вечером ему предстояло передать очередную партию документов израильскому атташе для отправки диппочтой в Тель-Авив.

Посмотрел на часы. Оставалось еще двадцать минут до того, как нужно будет идти переодеваться к обеду, и он вновь сосредоточил все свое внимание на лежащих перед ним бумагах.

* * *

Няня уже приготовила вечернее платье от Зандры Роудз и налила ванну для Изабеллы.
– Опоздываете, мисс Белла. А мне еще нужно вас причесать. – Она была цветной, причем готтентотская кровь перемешалась в ней с кровью представителей чуть ли не всех морских держав.

– Ты зря так суетишься, няня, – запротестовала Изабелла, но та потащила ее в ванную столь же бесцеремонно, как она это делала, когда Изабелле было пять лет.

Изабелла со вздохом наслаждения погрузилась по самую шею в горячую пену, а няня стала собирать ее разбросанную одежду.

– Твое платье, милочка, испачкано в траве, а новые трусики порваны. Что все это значит? – Няня всегда сама стирала нижнее белье Изабеллы и не доверяла это никаким прачечным.

– А я сыграла в регби с одним из Ангелов Ада, няня. Счет тридцать – ноль в нашу пользу.

– Все это плохо кончится. У тебя слишком горячая кровь, как и у всех Кортни. – Няня держала в руках порванные трусики, рассматривала их с выражением крайнего недовольства. – Тебе давным-давно следовало бы выйти замуж.

– Вечно ты об одном и том же. Лучше расскажи, что сегодня произошло интересного. Как там у Клонки дела с новой подружкой? – Изабелла отлично знала, как отвлечь ее.

Няня была заядлой сплетницей, и каждый день в это время она посвящала Изабеллу во все мыслимые и немыслимые подробности того, что происходило со всеми домочадцами. Во время ее болтовни Изабелла то и дело ахала и охала для поддержания разговора, но слушала вполуха; затем, встав во весь рост, чтобы намылиться, она стала внимательно разглядывать свое тело в большом запотевшем зеркале на противоположной стене.

– Ты не находишь, что я толстею, няня?

– Ты просто кожа да кости, вот почему тебя никто не берет замуж, – фыркнула та и направилась в спальню.

Изабелла, стоя перед зеркалом, пыталась быть предельно объективной. Можно ли что-то еще улучшить в ее фигуре? Может, грудь должна быть чуть побольше? Или соски торчат под слишком острым углом? Может, бедра слишком широки или зад чересчур велик? Она перебрала все возможные варианты и решительно покачала головой. По крайней мере с того места, где она стояла, все выглядело практически идеальным.

– Рамон де Сантьяго-и-Мачадо, – прошептала она, – ты никогда не узнаешь, как много ты потерял.

Но почему эти слова заставили ее почувствовать себя такой несчастной?

– Ты опять разговариваешь сама с собой, деточка? – Няня возвратилась с полотенцем размером с простыню и развернула его во всю ширь. – Давая вылезай. У нас мало времени. – Как только Изабелла вылезла из ванны, она завернула ее в полотенце и принялась яростно вытирать спину. Убеждать няню в том, что она давно уже научилась делать это сама, было совершенно бесполезно.

– Аккуратнее, больно ведь. – Изабелла произносила эту фразу вот уже двадцать лет кряду, и няня не обращала на нее никакого внимания. – А сколько раз ты была замужем, няня?

– Ты прекрасно знаешь, что замужем я была четыре раза, а вот в церкви по такому случаю – только раз. – Няня осеклась и внимательно посмотрела на нее, будто увидела впервые. – А что это ты заговорила о замужестве? Ты что, натолкнулась на что-то стоящее, отсюда и порванные трусы?

– Ах ты, старая похабница! – Изабелла отвела взгляд и, схватив свой халат из тайского шелка, выскользнула в спальню.

Она взяла в руки щетку и даже успела разок пройтись по волосам, прежде чем няня отобрала ее.

– Это моя работа, деточка, – решительно заявила она; Изабелла села, закрыла глаза и погрузилась в привычное блаженство, пока няня расчесывала ее волосы.

– Знаешь, я, пожалуй, заведу ребенка, чтобы ты могла с ним нянчиться и оставила меня в покое.

Няня, захваченная врасплох подобной перспективой, провела щеткой по воздуху, но тут же строго произнесла:

– Ты сначала выйди замуж, а уж потом поговорим о детях.

Творение Зандры Роудз представляло собой нечто вроде неземного облака нежной расцветки, усыпанного блестками и мелким жемчугом. Даже няня довольно кивнула, когда Изабелла пару раз прошлась перед ней.

Изабелла спускалась по лестнице, чтобы еще раз переговорить с шеф-поваром, как внезапно ей в голову пришла мысль, заставившая резко остановиться. Среди приглашенных был и испанский поверенный в делах, и она тут же прикинула, каким образом ей следует рассадить гостей...

– Да, разумеется. – Испанец не раздумывая кивнул, как только она произнесла интересное ее имя. – Старинный андалузский род. Насколько я помню, маркиз де Сантьяго-и-Мачадо покинул Испанию и уехал на Кубу сразу после гражданской войны. В свое время на острове у него были довольно крупные сахарные и табачные плантации, однако с приходом Кастро, я полагаю, он их лишился.

– Маркиз... – Эта новость застала Изабеллу врасплох. Она имела весьма отдаленное представление об испанских дворянских титулах, но тем не менее пришла к выводу, что выше маркиза стоит только герцог.

«Маркиза Изабелла де Сантьяго-и-Мачадо». От подобной перспективы закружилась голова, она со всей ясностью вновь представила себе эти убийственные зеленые глаза, и на мгновение у нее перехватило дыхание. Когда заговорила, голос заметно дрожал.

– И сколько ему сейчас лет?

– Да уж немало. Если он, конечно, еще жив. Думаю, где-то под семьдесят или чуть больше.

– Может, у него есть сын?

– Понятия не имею. – Поверенный в делах покачал головой. – Впрочем, это нетрудно выяснить. Если хотите, я наведу справки.

– О, это так мило с вашей стороны. – Изабелла прикоснулась к его руке и одарила его своей самой очаровательной улыбкой. «Будь ты хоть трижды маркизом, а от Изабеллы Кортни так просто не уйдешь», – самодовольно подумала она.

– Вы почти две недели потратили на то, чтобы установить контакт, а когда вам это наконец удалось, тут же упустили объект. – Человек, сидевший во главе стола, загасил сигарету в переполненной пепельнице и тут же закурил новую. Кончики большого и указательного пальцев его правой руки были темно-желтого цвета, а дым от продолговатых турецких сигарет, которые он выкуривал одну за другой, уже превратил воздух в маленькой комнатке в сплошной сизый туман. – Разве это соответствовало полученным вами приказам? – спросил он.

Рамон Мачадо слегка пожал плечами:

– Это был единственный способ привлечь ее внимание. Вы должны понять, что такая женщина привыкла к мужскому обожанию. Ей достаточно шевельнуть пальцем, и все мужчины скопом бросятся к ее ногам. Думаю, вы можете положиться на меня в этом вопросе.

– Вы позволили ей уйти. – Главный понимал, что повторяется, но этот тип раздражал его.

Рамон ему определенно не нравился, к тому же он еще слишком мало его знал, чтобы доверять. И вообще он никогда полностью не доверял никому из своих сотрудников. Но этот вел себя чересчур самоуверенно и дерзко. В ответ на сделанное замечание лишь пожал плечами, в то время как другой на его месте стал бы униженно оправдываться. К тому же осмелился подвергать сомнению точку зрения своего непосредственного начальника.

Джо Сисеро прикрыл глаза. Они были мутными, как лужи отработанного машинного масла; их черный цвет резко контрастировал с бледностью кожи и белизной совершенно седых волос, беспорядочно свисавших на уши и лоб.

– Вам было приказано установить с ней контакт и поддерживать его.

– Прошу прощения, товарищ директор, мне было поручено войти к этой женщине в доверие, а не набрасываться на нее, как свихнувшийся кобель.

Нет, он определенно не нравился Джо Сисеро. Вел себя вызывающе, но дело было не только в этом. Он был иностранцем. Для Джо Сисеро каждый не русский – чужак. Невзирая на весь пролетарский интернационализм, все они – восточные немцы, югославы, венгры, кубинцы, поляки – были чужими. Его просто выводило из себя то, что ему приходилось передавать другим руководство многими операциями отдела, который он возглавлял вот уже почти тридцать лет. И особенно таким, как этот.

Ибо Мачадо был не просто иностранцем. Все его корни, все его происхождение насквозь гнилые. Они не только не пролетарские, но даже не буржуазные; он принадлежал к самому ненавистному, самому реакционному классу – классу аристократов.

Разумеется, Мачадо относился к своему происхождению с надлежащим презрением и использовал титул только в интересах общего дела, и тем не менее в его жилах текла враждебная кровь, а аристократические манеры и выходки оскорбляли самые святыя чувства Джо Сисеро.

К тому же он родился в Испании, в фашистской стране, исторически находившейся под властью католической монархии, которая угнетала народ, а теперь там хозяйничал Франко, чудовище, утопившее в крови социалистическую революцию. Мачадо мог называть себя кубинским коммунистом, но Джо Сисеро за версту чуял в нем испанского фашиста и аристократа.

– Вы дали ей уйти, – настаивал он. – После того как было затрачено столько времени и средств. – И сам чувствовал тяжеловесность и неуклюжесть своих слов и понимал, что время его уходит. Болезнь сказывалась все сильнее.

Рамон улыбнулся той снисходительной улыбкой, которая так бесила Джо Сисеро.

– Эта рыбка у меня на крючке; пусть пока поплавает, порезвится, а в нужный момент я ее вытяну.

Опять противоречит своему начальнику, и Джо Сисеро вдруг понял еще одну, самую главную причину неприязни к этому человеку. Его молодость, привлекательность, здоровье. Рядом с ним он каждую минуту ощущал свою собственную смертность, ибо Джо Сисеро умирал.

С детства пачками выкуривал эти вонючие турецкие сигареты, и вот во время последнего приезда в Москву врачи обнаружили у него рак легких и предложили полечиться в одном из санаториев для офицеров его ранга. Однако Джо Сисеро предпочел остаться на службе и лично проследил за тем, чтобы отдел благополучно перешел в руки преемника.

Тогда он еще не знал, что преемником должен был стать этот испанец. Знай он об этом заранее, возможно, выбрал бы санаторий.

Теперь же чувствовал себя усталым и опустошенным. Все его запасы энергии и энтузиазма давно истощились; волосы, еще несколько лет назад густые и черные как смоль, стали совершенно седыми, лишь местами тронутыми желтизной цвета высохших морских водорослей; стоило пройти десяток шагов, как тут же начинал хрипеть и кашлять, как астматик.

С недавних пор он стал просыпаться по ночам весь в холодном поту от ужасных приступов кашля; задыхаясь, лежал в полной темноте, и страшные сомнения терзали душу. Вся жизнь была посвящена делу, которому он преданно и беззаветно служил, и что же? Каков ее итог? Чего достиг?

Почти тридцать лет он прослужил в Африканском отделе Четвертого управления КГБ. Последние десять лет возглавлял его южное подразделение, курировавшее страны Африканского континента южнее экватора; естественно, что главное внимание и его самого, и всего его отдела уделялось самой богатой и развитой стране этого региона, Южно-Африканской Республике.

Рядом с ним за столом сидел представитель Южной Африки. Вплоть до этого момента он хранил молчание, но теперь негромко сказал:

– Я не понимаю, почему мы тратим столько времени на эту женщину. Я хотел бы, чтобы вы мне это объяснили.

Оба белых человека разом повернулись к нему. Ибо когда Рейли Табака говорил, другие обычно слушали. В нем была какая-то особая сила, некая подчеркнутая целеустремленность, привлекавшая внимание собеседника.

Всю свою жизнь Джо Сисеро работал бок о бок с черными африканскими националистами, возглавлявшими национально-освободительные и прокоммунистические движения. Он знал их всех, Джомо Кеньятту и Кеннета Каунду, Кваме Нкруму и Джулиуса Ньерере. С некоторыми из них он был близко знаком: например, с Мозесом Гамой, принявшим мученическую смерть от рук палачей, или с Нельсоном Манделой, все еще томившимся в расистских застенках.

Среди всей этой живописной компании Сисеро особо выделял Рейли Табаку, который приходился племянником Мозесу Гаме и был рядом с ним в ту роковую ночь, когда южноафриканская полиция расправилась с дядей. Казалось, он унаследовал всю силу духа и бойцовские качества Мозеса Гамы, поэтому неудивительно, что сразу же заполнилась брешь, образовавшаяся после смерти Гамы. В свои тридцать лет Рейли уже занимал пост заместителя командующего «Умконто ве Сизве» («Копье народа»), военного крыла Южно-Африканского национального конгресса, и Джо Сисеро знал, что он неоднократно отличался как в боях, так и на советах АНК. У него было достаточно способностей, отваги и хладнокровия, чтобы стать одним из наиболее влиятельных людей во всей Африке.

Джо Сисеро явно предпочитал его белому испанскому аристократу, но в то же время понимал, что, несмотря на все различие в происхождении и цвете кожи, они были во многом похожи друг на друга. Жестокие и опасные люди, ни в грош не ставившие человеческую жизнь, в совершенстве овладевшие искусством политической борьбы и закулисных интриг. Именно им должен был Джо Сисеро передать свои полномочия, и за это всей душой ненавидел их.

– Эта женщина, – тяжело проговорил он, – может представлять исключительную ценность, если удастся установить над ней контроль и полностью использовать ее возможности; однако маркиз объяснит вам это лучше меня. Он отвечает за операцию и досконально изучил все детали.

Улыбка моментально исчезла с губ Рамона Мачадо; в глазах промелькнула неприкрытая враждебность.

– Я бы предпочел, чтобы вы, товарищ директор, никогда не называли меня этим титулом, – холодно произнес он. – Даже в шутку.

Джо Сисеро уже давно обнаружил, что это был, пожалуй, единственный способ пробить непроницаемую броню испанца.

– Прошу меня извинить, товарищ. – Джо склонил голову в насмешливом раскаянии. – Надеюсь, что эта моя маленькая оплошность не мешает вам изложить суть дела.

Рамон Мачадо раскрыл бумажную папку, лежавшую перед ним на столе, но даже не заглянул в нее. Он знал наизусть каждое слово из того, что было там написано.

– Мы присвоили этой женщине кодовое имя «Красная Роза». Наши психиатры составили ее подробный психологический портрет. Исследования показали, что она представляет собой идеальный объект для умелой вербовки и может стать уникальным по своей важности агентом.

Рейли Табака внимательно слушал, чуть наклонившись вперед. Рамон отметил про себя, что он не прерывал его, не задавал вопросов; подобная сдержанность была ему по вкусу. Они еще не успели сработаться – это была только третья встреча – и все еще внимательно присматривались друг к другу.

– Красную Розу можно поставить перед сложной психологической дилеммой. Со стороны отца она принадлежит к правящему классу Южной Африки. Ее отец как раз завершает свое пребывание на посту посла этой страны в Великобритании и возвращается домой, чтобы возглавить национальную оборонную промышленность. Он обладает огромным состоянием в виде шахт, земельных угодий и банковского капитала; после Оппенгеймеров с их англо-американской компанией это, возможно, самая богатая и влиятельная семья в Южной Африке. Помимо всего прочего, ее отец имеет связи в наивысших сферах правящего расистского режима. Но самое важное состоит в том, что он обожает Красную Розу. Она может безо всяких усилий получить от него все, что ни пожелает. Включая возможность выхода на любой правительственный уровень и доступ к любой секретной информации, даже относящейся к его новой должности в корпорации по разработке и производству вооружений.

Рейли Табака кивнул. Он знал семью Кортни и не мог не согласиться с этим утверждением.

– Я знаком с матерью Красной Розы, но она на нашей стороне, – пробормотал он, и Рамон, в свою очередь, кивнул.

– Вот именно. Шаса Кортни развелся со своей женой Тарой семь лет назад. Она была соратницей вашего дяди, Мозеса Гамы, и участвовала в его нападении на расистский парламент, за что он и был арестован и впоследствии убит. К тому же она была любовницей Гамы и матерью его внебрачного сына. После провала операции Тара Кортни бежала из Южной Африки вместе с сыном Гамы. Сейчас она живет в Лондоне и активно сотрудничает с движением против апартеида. Является членом АНК, но из-за недостаточной компетентности и эмоциональной неустойчивости занимает невысокое положение в организации и выполняет только рядовые поручения. В настоящее время содержит явку здесь, в Лондоне, для людей из АНК, а также время от времени используется в качестве курьера или участвует в организации митингов и демонстраций. Однако главную ценность она представляет как источник влияния на Красную Розу.

– Ну хорошо, – нетерпеливо кивнул Рейли. – Мне все это хорошо известно, особенно что касается ее отношений с моим дядей, но есть ли у нее в самом деле хоть какое-то влияние на свою дочь? На первый взгляд Красная Роза целиком на стороне своего отца.

Рамон снова кивнул.

– Да, в данный момент это так. Однако, помимо матери, есть еще один член семьи, придерживающийся радикальных взглядов: ее брат Майкл, который имеет гораздо большее влияние. Кроме того, имеются и другие способы.

– Какие же? – осведомился Табака.

– Ну, например, обольщение, – вставил Джо Сисеро. – Маркиз – прошу прощения – товарищ Мачадо уже начал работу в данном направлении. Обольщение – это одна из его многочисленных специальностей.

– Что ж, вы будете держать меня в курсе дел. – Рейли произнес это утвердительно тоном, но ни один из его собеседников не торопился отреагировать. Ибо хотя Рейли Табака и был функционером АНК и членом Компартии, он в отличие от них не являлся офицером советского КГБ. В то же время Джо Сисеро был в первую очередь именно генералом КГБ, правда, о присвоении ему звания генерал-полковника он узнал только месяц назад, как раз тогда, когда московские врачи обнаружили у него рак обоих легких. Джо Сисеро подозревал, что это повышение было связано лишь с предстоящим уходом в отставку; генеральская пенсия должна была вознаградить его за долгую и верную службу в рядах родного ведомства. Тем не менее, что бы там ни было, он работал на АНК только по заданию Родины, оставался ей всецело предан, и, значит, АНК получит только ту информацию, которая ему полагается.

Что касается Рамона Мачадо, то его преданность также имела глубокие корни. Он родился в Испании, и титул его был испанским, но мать – кубинка с глазами как две большие спелые вишни и волосами, черными как смоль. Она повстречала отца Рамона еще совсем юной, когда работала экономкой в поместье Мачадо недалеко от Гаваны. Маркиз женился на ней и увез свою очаровательную молодую супругу в Испанию, невзирая на ее незнатное происхождение.

Во время гражданской войны в Испании маркиз выступил против националистов генерала Франко. Несмотря на свою родовитость и унаследованное значительное состояние, отец Рамона был просвещенным и либерально настроенным человеком. Он присоединился к республиканцам и командовал батальоном при осаде Мадрида, получив тяжелое ранение. После войны семья Мачадо не смогла вынести тех унижений и притеснений, что чинил ей режим Франко. Маркиза уговорила мужа уехать с их маленьким сыном на ее родной остров в Карибском море. Они потеряли почти все свои владения и недвижимость в Испании, но им все еще принадлежали их кубинские поместья. Однако очень скоро семья Мачадо обнаружила, что диктатура Батисты мало чем отличалась от режима Франко.

Мать Рамона доводилась теткой одному молодому студенческому вожаку крайне левых взглядов по имени Фидель Кастро и принадлежала к числу его горячих сторонников. Она принимала активное участие в агитации и заговорах против режима Батисты, и свои первые политические уроки юный Рамон брал у матери и ее впоследствии знаменитого племянника.

После того как Фидель Кастро был арестован за смелую, но неудавшуюся попытку штурма армейских казарм в Сантьяго 26 июля 1953 года, родители Рамона оказались в тюрьме вместе с другими участниками восстания.

Мать погибла во время допроса в камере гаванской тюрьмы, а отец умер в этой же самой тюрьме всего через несколько недель от невыносимых условий и разбитого сердца. Вновь вся собственность семьи была конфискована, и Рамону в наследство остался лишь старомодный титул без какого-либо состояния. В то время ему было четырнадцать лет. Семья Кастро приютила его и заботилась о нем как могла.

Когда Фидель Кастро был освобожден по амнистии, Рамон уехал вместе с ним в Мексику и в свои шестнадцать стал одним из первых добровольцев кубинской освободительной армии в изгнании.

Именно там, в Мексике, он впервые научился пользоваться своей незаурядной внешностью для покорения женских сердец. К семнадцати годам он заслужил у соратников про-

звизе Эль Зорро Дорадо, что означало Золотой Лис, и приобрел устойчивую репутацию непревзойденного любовника.

Вплоть до ареста отца и его смерти в застенках Батисты Рамон получал лучшее из всех возможных образований, доступных единственному отпрыску богатой аристократической семьи. Он посещал привилегированную частную школу в Англии и провел два года в Харроу, так что английским владел в совершенстве, не хуже, чем родным испанским. В школьные годы проявлял недюжинные способности в учебе и одновременно преуспевал во всех занятиях, приличествующих молодому джентльмену. Хорошо держался в седле, отлично владел бейсбольной битой и мастерски забрасывал удочку на рыбалке. К тому же был несравненным стрелком, без промаха поражавшим на охоте испанских красноногих куропадок и мексиканских белокрылых голубей. Итак, он умел стрелять, ездить верхом, танцевать, петь, был необыкновенно красив, а когда вернулся на Кубу вместе с Фиделем Кастро и его восемьюдесятью двумя героями 2 декабря 1956 года, то доказал свою доблесть в том страшном бою, когда большинство его отважных товарищей полегли на прибрежном песке.

Он был одним из немногих уцелевших, которым удалось во главе с Кастро скрыться в горах. Во время долгих лет партизанской войны Эль Зорро неоднократно спускался в города и деревни, чтобы вновь и вновь испробовать свое искусство на бесчисленных женщинах, молодых и не очень, красивых и простушках. В объятиях Рамона все они становились преданными дочерьми революции. С каждой новой победой он оттачивал свое мастерство, приобретал все большую уверенность в себе, и в конце концов завербованные им сеньоры и сеньориты внесли существенный вклад в победу революции и свержение режима Батисты.

К этому времени Кастро уже полностью осознал, какую ценность представляет собой его молодой родственник и протеже, и, придя к власти, отправил его в Америку продолжить образование. Изучая политическую историю и социальную антропологию во Флоридском университете, Рамон одновременно всюю использовал свое любовное искусство для проникновения в кубинскую эмигрантскую организацию, которая при содействии американского ЦРУ готовила вторжение на остров для свержения революционного правительства.

Сведения, добытые Рамоном, во многом помогли заранее определить место и время высадки контрреволюционеров в бухте Кочинос, в результате чего предатели были полностью разгромлены. К этому времени, однако, его исключительные способности привлекли внимание не только соотечественников, но и их союзников.

После окончания с отличием Флоридского университета и возвращения в Гавану глава местного отдела КГБ на Кубе убедил Кастро и шефа ДГА послать Рамона в Москву для дальнейшей подготовки. За время своего пребывания в Советском Союзе Мачадо с лихвой оправдал те предварительные оценки его способностей и потенциальной ценности, что были сделаны КГБ до приезда. Он принадлежал к числу тех крайне редких субъектов, которые чувствуют себя как дома в любой обстановке, от партизанских лагерей в джунглях до фешенебельных гостиных и частных клубов самых престижных столиц мира.

С ведома и благословения Фиделя Кастро Рамон стал работать на КГБ. Принимая во внимание его связи, не приходится удивляться, что он был назначен главой совместного комитета, координирующего советские и кубинские интересы в Африке.

В обязанности Рамона входило тщательное изучение африканских коммунистических и национально-освободительных движений и отбор тех из них, которым следовало оказать поддержку со стороны Советского Союза и Кубы. Он стал инициатором той политики, что, по сути, превратила Кубу в главное орудие защиты интересов СССР на юге Африки; вскоре ему было поручено организовать доставку оружия в этот регион и обучение бойцов южноафриканского сопротивления. Таким образом, он стал членом АНК.

За очень короткий промежуток времени он посетил все африканские государства, входящие в сферу его деятельности. Используя свой испанский паспорт, ну и, конечно, титул, он

изображал из себя крупного предпринимателя или банкира; необходимые документы оформлялись Четвертым управлением КГБ. Его охотно принимали колониальные чиновники; сердечно принимали и обхаживали первые лица местных администраций, от португальских губернаторов Анголы и Мозамбика до британского генерал-губернатора Родезии. Ему даже доводилось обедать с печально знаменитым творцом апартеида, главой Южно-Африканской Республики Хендриком Фервурдом.

И когда возникла необходимость назначить нового главу Африканского отдела вместо состарившегося генерала Сисеро, квалификация и опыт Рамона сделали его естественным кандидатом на этот пост.

Так что теперь, когда он сидел в одной из неприметных комнат советского консульства на Бейсуотер роуд рядом с человеком, чьим преемником должен стать, и этим чернокожим африканским предводителем, его верность долгу была столь же непоколебима, как и у его начальника.

Когда Рейли Табака сказал: «Вы будете держать меня в курсе дел», – это, разумеется, выглядело очень наивно с его стороны. Ему сообщат только то, что следует знать. С точки зрения Рамона и его руководства, приход к власти в Южной Африке этого человека и организации, которую он представляет, должен стать всего-навсего одним из многих шагов на пути к конечной цели: торжеству социализма на всем Африканском континенте.

– Разумеется, вас будут подробно информировать обо всем, что может заинтересовать вас, – конфиденциально сообщил Рамон с самой чарующей из своих улыбок.

Его чернокожий собеседник явно расслабился, уселся поудобнее и улыбнулся в ответ. Редко кому, независимо от пола, удавалось устоять перед таким обаянием. Рамон ощутил глубокое удовлетворение при виде воздействия, которое его чары оказывают даже на столь жесткого и бескомпромиссного человека, как этот.

Самодовольство белого человека не укрылось от взгляда Рейли Табаки, но лицо его осталось совершенно непроницаемым. Он заметил это мгновенное помутнение в чистых зеленых глазах кубинца. Оно было столь мимолетным, что только такой сверхнаблюдательный человек, как Рейли, мог заметить это. Он работал с этими белыми из России и с Кубы, и он давно понял, что в отношении их следует придерживаться только одного неукоснительного правила: им нельзя доверять – никогда, ни в чем и ни при каких обстоятельствах.

Он в совершенстве овладел искусством притворства; научился изображать мнимое согласие, подавать соответствующие знаки, вроде расслабления и доверчивой бесхитростной улыбки. На самом же деле ни на секунду не забывал, что перед ним белые. Как и большинство коренных африканцев, Рейли был прирожденным расистом и трайболистом¹. И он ненавидел этих белых, которые снисходительно оказывали ему покровительство, столь же страстно, как и белых полицейских, выпустивших те роковые пули в Шарпевилле.

Он навсегда запомнил тот страшный день, когда под синим африканским небом держал в своих объятиях прекрасную черную девушку, которую любил, которая должна была стать его женой. Держал и смотрел, как она умирала, и когда все было кончено, глубоко засунул свои пальцы в пулевые отверстия на ее груди, в еще не остывшую плоть, и дал страшную клятву мести.

И эта клятва относилась не только к самим убийцам, но и ко всем этим ненавистным белым лицам, ко всем этим кровавым белым рукам, что на протяжении веков угнетали и поработали его сородичей. Отныне единственным, что придавало смысл жизни Рейли Табаки, стала ненависть.

¹ Трайболизм – в политической жизни африканских государств – межплеменная борьба, связанная со стремлением поставить на первое место свое племя. – Примеч. ред.

Он смотрел на белые лица по другую сторону стола, улыбался и черпал силы и решимость из своей ненависти.

– Итак, вы займетесь этой женщиной, решено. Пойдем дальше...

– Одну минуту. – Рамон жестом прервал его и повернулся к Джо Сисеро: – Если мне предстоит продолжать обработку Красной Розы, необходимо обсудить вопросы финансирования этой операции.

– Мы ведь уже выделили две тысячи фунтов стерлингов, – запротестовал генерал Сисеро.

– Этого хватит только на первое время. Затем понадобятся дополнительные средства. Не забывайте, что Красная Роза – дочь богатого капиталиста и для того чтобы произвести на нее должное впечатление, мне придется соответствовать образу испанского гранда.

Последовала оживленная дискуссия, в течение которой Рейли Табака нетерпеливо постукивал карандашом по столу. Африканский отдел в Четвертом управлении на положении Золушки, так что приходилось скрупулезно подсчитывать каждый рубль.

Какое жалкое и унижительное зрелище, думал Рейли, наблюдая за их препирательствами. Они скорее походили на двух старух, торгующих тыквами у пыльной проселочной дороги где-то в африканской глубинке, чем на людей, готовящих уничтожение бесчеловечного режима и освобождение пятнадцати миллионов угнетенных черных.

В конце концов они договорились, и Рейли, с трудом скрывая отвращение, смог вернуться к интересовавшей его теме:

– Теперь мы можем наконец обсудить маршрут моей предстоящей поездки по Африке? – Он-то полагал, что они собрались для обсуждения именно этого вопроса. – Москва его утвердила.

Заседание затянулось до вечера. Они перекусили на скорую руку тем, что им прислали из консульской столовой; дым от сигарет Джо Сисеро заволок всю комнату, поглощая солнечные лучи, которые проникали в нее через единственное окошко под самым потолком. Сама комната, специально предназначенная для сверхсекретных встреч и совещаний, располагалась на верхнем этаже консульства; ее регулярно проверяли на наличие прослушивающих устройств, к тому же она надежно укрыта от внешнего наблюдения.

Наконец Джо Сисеро захлопнул лежавшую перед ним папку и окинул взглядом своих собеседников. Его глаза были красными от дыма и усталости.

– Полагаю, что мы обсудили все вопросы, если, конечно, у вас нет еще чего-нибудь? Они покачали головами.

– Тогда товарищ Мачадо, как обычно, уходит первым, – заключил Сисеро. Это была элементарная предосторожность; никто не должен был видеть их вместе.

Рамон вышел из консульства через отдел виз; то была самая оживленная часть здания, и ему не составило труда затеряться в толпе студентов и прочих посетителей, оформляющих документы для поездки в Советский Союз.

У самого консульства была автобусная остановка. Он сел в 88-й автобус, но уже на следующей остановке сошел и быстро зашагал ко входу в Кенсингтонский парк. Войдя в него через Ланкастер-Гейт, побродил по розарию, пока не убедился, что за ним нет слежки, только затем направился к противоположному выходу парка.

Его квартира была расположена в узком переулке рядом с Кенсингтон-Хай-стрит. Ее сняли специально для операций с Красной Розой, и хотя в ней была только одна спальня, зато имелась шикарная гостиная, да и сам район был весьма престижным.

За те две недели, что он прожил в этой квартире, Рамон сумел придать ей вид давно обжитого жилья. Его чемоданы были доставлены с Кубы диппочтой. В них хранились несколько дорогих картин, доставшихся от отца, и разные семейные вещи вроде фотографий в серебряных рамках, на которых были изображены его родители, родовой замок и поме-

стве в Андалузии времен их процветания. Стекло и фарфор сохранились в неполном наборе, зато на ней красовался старинный герб Мачадо: олень и вепрь, стоящие на задних лапах по обе стороны разделенного на четыре части щита. Ключики для гольфа небрежно валялись в углу маленькой прихожей в поношенной кожаной сумке; на них был также вырезан герб, почти стершийся. Досконально изучив Красную Розу, он был уверен, что она обратит внимание на такие детали.

Рамон взглянул на старинные золотые часы фирмы «Картье», еще одну семейную ценность, непривычно оттягивавшие его запястье. Нужно было спешить. За эти дни он оброс густой черной щетиной. Быстро, но аккуратно побрился, принял душ и вымыл голову, чтобы избавиться от мерзкого запаха турецких сигарет Джо Сисеро.

Перед тем как пойти в спальню, машинально оглядел себя в зеркале. Три недели назад, после возвращения из Советского Союза, он был в блестящей физической форме. Курс переподготовки для старших офицеров, пройденный им в учебном центре КГБ на берегу Черного моря, позволил довести тело до совершенства, и хотя с тех пор у него было мало времени на тренировки, это пока еще никак не сказывалось. Оно по-прежнему выглядело холемым и мускулистым, с плоским животом, покрытое курчавыми черными волосами. Его лицо и тело были всего-навсего инструментами, средствами для достижения поставленной цели. Он прекрасно понимал, что физическая привлекательность преходяща, но делал все от него зависящее, чтобы подольше ее сохранить, подобно тому, как воин тщательно заботится о своем оружии.

«Завтра на тренировку», – приказал самому себе. К услугам Рамона была секция боевых искусств в Блумсберри, которой руководил один венгерский эмигрант. Двухчасовые интенсивные занятия пару раз в неделю позволяли ему поддерживать хорошую форму для дальнейшей работы с Красной Розой.

Его бриджи для верховой езды были сшиты по кавалерийскому образцу; к ним он надел серую шерстяную рубашку с зеленым галстуком, а поверх нее куртку из твида. Что касается сапог, то они сидели на нем так, будто приросли к ногам, игриво поблескивая смазанной жиром кожей, которая идеально обрисовывала его икры при каждом шаге. Ничто, никакие деньги не могли бы создать подобного эффекта, только многие годы тщательного и любовного обращения с ними.

Он знал, что Красная Роза была прирожденной наездницей; лошади составляли неотъемлемую часть существования того класса, к которому она относилась. Эти сапоги станут для нее лучшим свидетельством принадлежности их хозяина к числу самых изысканных представителей этого же класса.

Еще раз посмотрел на часы; все шло точно по графику.

Он запер квартиру и вышел на улицу. Облака, недавно угрожающе нависавшие над головой, полностью рассеялись; был прекрасный летний вечер. Казалось, даже природа на его стороне.

Верховые лошади содержались в узких конюшнях за гвардейскими казармами. Управляющий сразу узнал его. Делая отметку в журнале, Рамон пробежал глазами предшествующие записи и еще раз убедился в добром расположении фортуны. Красная Роза расписалась в получении своей лошади двадцать минут назад.

Он зашел в конюшню, и конюх оседлал его лошадь. Это была молодая гнедая кобыла, которую Рамон тщательно выбирал и за которую заплатил пятьсот фунтов из выделенных ему средств. Впрочем, она стоила этих денег, и он не сомневался в том, что всегда сможет не только вернуть их, но и получить прибыль, если решит ее продать. Он пошептал что-то ей на ухо, успокоил, погладил, проверил подпругу и сбрую, кивком поблагодарил конюха и вскочил в седло.

В этот погожий вечер на Роттен-роу собралось около пятидесяти всадников. Рамон направил кобылу под сень небольшой дубовой рощи, мимо которой в обоих направлениях проносились группы наездников. Девушки среди них не было.

Дав лошади слегка разогреться, он чуть стиснул ей бока, и она тут же перешла на рысь. Ее движения были полны изящества; они как бы составляли единое целое, подобно кентавру, своим несравненным искусством наездника он явно выделялся даже среди этой искушенной публики. Да, это была великолепная пара, и редко какая из женщин, встречавшихся на их пути, не оборачивалась в седле, чтобы посмотреть вслед.

Доехав до Парк-лэйн, Рамон повернул и пустил кобылу легким кентером; галоп был строго воспрещен. В сотне ярдов от себя он увидел группу из четырех всадников, направлявшихся ему навстречу, две молодые пары на прекрасных лошадях, отлично экипированные, но девушка, которую он искал, смотрелась среди них, как колибри в стае воробьев.

Ее волосы, выбиваясь из-под шляпки, колыхались подобно птичьему крылу в безудержном полете; вечернее солнце отбрасывало на них золотистый отблеск. Она смеялась, демонстрируя ослепительную белизну зубов; лицо раздвинулось от быстрой езды и ветра.

Рамон сразу узнал человека, скакавшего рядом. Он постоянно сопровождал ее на протяжении последних двух недель, пока Рамон следил за ней. Запросил информацию из досье. Этот молодой человек оказался вторым сыном в семье чрезвычайно состоятельного пивного короля; изнеженный маменькин сынок, из тех лондонских плэйбоев, которых прозвали в обществе «Девичьи Вздохи» или «Ура Генри», и именно его он видел вместе с ней на концерте «Роллинг стоунс» четыре дня назад. С тех пор Красная Роза дважды была в его компании на вечеринках в Найтсбридже и Челси. Во время наблюдений Рамон заметил, что она относится к нему с некоей снисходительной благосклонностью, как к какому-нибудь чересчур игривому щенку сенбернара, и ни разу не оставалась с ним наедине, разве только когда он перевозил ее на своей машине с одной вечеринки на другую. Рамон был почти уверен, что она с ним не спит; весьма редкий случай в это лето 1969 года, когда сексуальная революция приобрела характер повальной эпидемии.

А между тем Изабелла Кортни отнюдь не жеманная недотрога. Установлено, что за три года, проведенные в Хайвелде, у нее было по меньшей мере три весьма бурных, хотя и недолгих романа.

По мере того как дистанция между ними сокращалась, Рамон сосредоточил внимание на своей лошади и наклонился вперед, чтобы похлопать ее по шее. «Ну-ну, моя хорошая», – тихо сказал он по-испански, одновременно краем глаза наблюдая за девушкой. Это был его излюбленный прием; он как бы отводил взгляд от объекта, создавая впечатление, что не смотрит на него, хотя на самом деле не упускал ни малейшей детали.

Они уже почти разминулись, когда Мачадо увидел, как девушка резко вскинула голову и широко раскрыла глаза, однако проехал мимо.

– Рамон! – Голос прозвучал громко и настойчиво. – Подожди!

Он попридержал лошадь и оглянулся, изобразив на лице легкое раздражение. Она круто развернулась и поскакала за ним; поджидая ее, Рамон сохранял все то же сдержанное и слегка холодное выражение лица, будто ее навязчивость была ему неприятна.

Девушка поравнялась и перевела свою лошадь на шаг.

– Ты что, не помнишь меня? Я Изабелла Кортни. Ты был моим спасителем.

Она улыбалась, но как-то неуверенно и неловко. До сих пор мужчины всегда узнавали ее, сколь бы мимолетной или давней ни была их предыдущая встреча.

– На концерте в парке, – добавила она робко.

– А! – Рамон наконец позволил себе расплыться в улыбке. – Мотоциклетный талисман. Просту меня извинить за забывчивость. Просто в тот раз ты была несколько по-другому одета.

– А ведь тогда ты ушел и не дал мне тебя поблагодарить, – упрекнула она. На самом деле с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться от облегчения; все-таки он ее узнал.

– Это было совершенно излишне. К тому же, насколько я помню, у тебя было срочное дело.

– Ты здесь один? – Она быстро переменила тему. – Так присоединяйся к нам. Я представлю тебя своим друзьям.

– О, я не хочу навязывать им свое общество.

– Ну пожалуйста. Они тебе понравятся; они такие забавные.

Рамон отвесил ей легкий поклон.

– Как можно отклонить столь лестное приглашение от столь очаровательной леди? – галантно произнес он, и Изабелле показалось, что грудь зажали в тиски. Перехватило дыхание, когда она взглянула в эти зеленые глаза на темном лице того, кто в данную минуту казался ей ангелом.

Трое ее спутников остановились и поджидали их. Еще не подъехав к ним, она заметила, что Роджер уже насупился, и доставила себе маленькое удовольствие, обратившись сначала к нему:

– Роджер, позволь представить тебе маркиза де Сантьяго-и-Мачадо. Рамон, это Роджер Коутс-Грейнджер.

Заметила удивленный взгляд Рамона и только тогда сообразила, что допустила оплошность, назвав его по титулу; ведь он не говорил ей об этом во время их первой встречи.

Тем не менее тут же забыла об этом досадном эпизоде, как только представила Рамона Харриет Бошан и увидела реакцию на него самой Харриет. Та буквально облизывалась, как кошка в телерекламе кошачьей еды. Харриет была лучшей подругой Изабеллы в Лондоне, правда, их отношения основывались скорее на взаимной выгоде, чем на подлинной дружеской привязанности. Леди Харриет использовалась Изабеллой как пропуск в высшие круги лондонского общества. Будучи потомственной графиней, она была вхожа в такие дома, где Изабеллу при всей ее красоте и богатстве сочли бы безродной выскочкой, провинциалкой со смешным акцентом. Со своей стороны Харриет очень скоро обнаружила, что где бы ни появлялась Изабелла Кортни, вокруг нее тут же образовывалось невероятное скопление лиц мужского пола. А за пухленькой, мягкой, белокурой внешностью Харриет скрывалась натура, вечно обуреваемая любовными страстями, и Изабелла с готовностью отдавала на ее попечение своих отвергнутых поклонников.

Обычно эта система работала безотказно, но Рамон определенно не принадлежал к числу отвергнутых, по крайней мере пока, поэтому Изабелла решительно вклинилась между ними и сверкнула глазами на Харриет. Та была крайне польщена. Она прекрасно знала, что нечего и мечтать о том, чтобы стать соперницей Изабеллы, но было чрезвычайно приятно, что та обращается с ней как с потенциальной конкуренткой.

– Маркиз? – тихо проговорил Рамон, когда они продолжили прогулку. – Судя по всему, ты знаешь обо мне куда больше, чем я о тебе.

– А я, наверное, видела твою фотографию в какой-нибудь бульварной газетенке, – с беспечным видом заявила Изабелла, думая про себя: «Господи, не дай ему догадаться, что я до такой степени заинтересовалась им».

– Ну да, в «Татлере», разумеется, – кивнул Рамон. Его фотография никогда и нигде не появлялась, разве что в архивах ЦРУ и некоторых других спецслужб.

– Да-да, именно в «Татлере».

Изабелла с благодарностью ухватила за подсказанную версию и без промедления приступила к процедуре оболыщания, стараясь делать это как можно ненавязчивее и незаметнее. Задача оказалась не столь сложной, как она предполагала. Вскоре обнаружилось, что Рамон прямо-таки излучает спокойное, сдержанное обаяние и очень естественно вписыва-

ется в их компанию. Вскоре все, кроме всерьез надувшегося Роджера, болтали и смеялись, как старые приятели.

Когда стусились сумерки и они повернули назад к конюшням, Изабелла подъехала поближе к Харриет и прошептала:

– Пригласи его на сегодняшнюю вечеринку!

– Кого? – Харриет широко распахнула свои глупые глазки в притворном недоумении.

– Ты прекрасно знаешь, кого, дрянная девчонка. Ты уже целый час пожираешь его глазами!

Леди Харриет Бошан была полновластной хозяйкой семейного дома в Белгравии всю неделю, пока ее родители жили за городом. Она организовывала лучшие сборища во всем Лондоне.

В этот вечер большинство исполнителей последнего музыкального хита под названием «Волосы» завалились к ней прямо после представления. Они были все еще в костюмах и гриме, и приглашенный Харриет квартет с Ямайки встретил их оглушительным исполнением «Аквариуса» в стиле калипсо.

Уже с начала эта вечеринка обещала стать одной из самых запоминающихся. Народу было так много, что серьезно настроенным парочкам приходилось тратить минут двадцать, чтобы выбраться из танцующей толпы и подняться по лестнице, ведущей к спальням; но даже после этого им нужно было дожидаться своей очереди. «Интересно, – раздраженно подумала Изабелла, – что сказал бы отец Харриет, граф в десятом поколении, если бы узнал о столь интенсивном использовании его роскошной кровати с пологом на четырех столбиках?»

Среди всего этого бурного веселья Изабелла держалась подчеркнуто особняком. Она облюбовала небольшой выступ примерно посередине крутой мраморной лестницы, откуда могла наблюдать за всеми, кто входил через парадную дверь, куда перебралась часть танцующих.

Решительно отказалась танцевать, невзирая на бесчисленные настойчивые приглашения. Столь холодно отвергла назойливые ухаживания и неуклюжее остроумие Роджера Коутс-Грейнджера, что тот в полном расстройстве чувств удалился на террасу, где был устроен бар. «Сейчас он, наверное, уже налился до чертиков», – подумала она с мрачным удовлетворением.

Вечеринка имела такой успех, что никто из гостей не помышлял о том, чтобы отправиться куда-либо еще. Все движение через двойные тиковые двери парадного входа носило явно односторонний характер, с площади в дом; шум и гвалт нарастали с каждой минутой.

Появилась еще одна подгулявшая компания, посыпались бурные приветствия. Изабелла моментально воспрянула духом, завидев темную курчавую голову, но тут же осознала, что ее обладатель явно не вышел ростом, а когда он повернулся и удалось взглянуть на лицо, оно оказалось костлявым и болезненно бледным. И люто возненавидела его, кем бы он ни был.

С каким-то ожесточенным мазохизмом весь вечер она мусолила один-единственный бокал с шампанским; от пальцев он нагрелся, и вино стало теплым и невкусным. Поискав глазами Роджера, чтобы послать его за новым бокалом, увидела, что тот танцует с высокой худенькой девицей с наклеенными ресницами, хихикавшей столь пронзительно, что ее голос доносился даже до того места, где сидела Изабелла. «Боже, какая образина. И Роджер хорош, распустил слюни, обхаживает ее, как сутенер».

Изабелла бросила взгляд на французские часы из позолоченной бронзы и фарфора, висевшие над дверью гостиной. Без двадцати час; она глубоко вздохнула.

На половину первого дня у отца запланирован важный ленч с группой влиятельных парламентариев от консервативной партии и их женами. Как всегда, Изабелле предстояло играть роль хозяйки дома. Ей необходимо выспаться, чтобы быть в форме, но она все еще колебалась. «Где же он, черт его побери? Ведь обещал же прийти, чтоб ему пусто было. Ведь у нас все так хорошо шло, и это прозвучало как твердое обещание».

Она еще раз отказалась от приглашения на танец, даже не взглянув на потенциального кавалера, и пригубила шампанское. Вкус был омерзительный.

«Жду до часа, и ни минутой больше, – твердо пообещала она себе. – Решение окончательное и обжалованию не подлежит».

И тут сердце ее замерло и сразу же забилося как сумасшедшее. Музыка, звучавшая в ушах, вдруг стала куда приятнее и жизнерадостнее, эти осточертевшие толпы и гвалт куда-то отступили, мрачное настроение чудесным образом испарилось, и на его место нахлынули радостное возбуждение и предвкушение чего-то невероятно прекрасного.

Он стоял в распахнутых дверях, на полголовы возвышаясь над всеми окружающими. Прядь волос вопросительным знаком падала ему на лоб, а на лице застыло отрешенное, почти презрительное выражение.

Ей безумно захотелось окликнуть его: «Рамон, я здесь!» Но сдержала этот порыв и не глядя поставила бокал на ступеньку. Он опрокинулся, и сидевшая ступенькой ниже девушка громко вскрикнула, когда тепловатое шампанское вылилось на ее голую спину. Но Изабелла даже не услышала. Одним быстрым движением поднялась на ноги, и в то же мгновение холодные глаза Рамона остановились на ней.

Они смотрели друг на друга через головы всей этой раскачивающейся и кружащейся толпы, и казалось, были совершенно одни. Никто из них не улыбался. Изабелла всем своим существом ощутила торжественность момента. Он все-таки пришел, и произошло что-то очень важное, для чего трудно было подобрать подходящие слова. Но она поняла, что с этой минуты вся ее жизнь изменилась. Теперь все будет не так, как прежде.

Стала спускаться по лестнице, забитой обнимающимися парами, и ни разу не споткнулась. Казалось, или они сами освобождают дорогу, или же ее ноги находят дорогу между ними.

Она не отрывала глаз от Рамона. Он не сделал ни шага ей навстречу. Стоял неподвижно среди беснующейся толпы. Его поза вдруг напомнила ей огромного хищного африканского зверя, приготовившегося к прыжку; холодок пробежал по ее спине, страх и возбуждение толчками разгоняли кровь, пока девушка спускалась.

Встала перед ним, оба молчали, затем она протянула к нему загорелые обнаженные руки, и когда он прижал ее к груди, она обвила их вокруг его шеи. Они танцевали, и каждое движение его тела тут же передавалось ей, как электрический разряд.

Им не нужна была музыка; они двигались, подчиняясь своему, особому, ритму. Она тесно прижалась грудью к упругим, жестким мышцам его груди; чувствовала биение его сердца, и ее соски набухли и затвердели. Знала, что он ощутил их настойчивое прикосновение, ибо сердце забилося чаще и зеленые глаза потемнели, не отрываясь от ее лица.

Изабелла прогнулась медленным, сладостным движением, напрягая сильные мышцы спины, заставляя их гордо обрисовывать линию позвоночника. Кончики его пальцев пробегали сверху вниз, слегка надавливая на позвонки, будто на клавиши музыкального инструмента. Она задрожала от прикосновения и инстинктивно подалась вперед бедрами, прижалась к его бедрам и почувствовала, как мужская плоть набухла и затвердела, как и ее собственная.

Он был для нее огромным деревом, а она обвившейся вокруг лозой; он был скалой, а она теплым тропическим течением в океане, омывавшим ее; он был горной вершиной, а она облаком, нежно обнимавшим ее. Тело было легким и свободным, плыло в его объятиях, и

все исчезло вокруг. Они были одни во всей вселенной, вне законов природы, вне времени и пространства; даже земное притяжение куда-то пропало, и ноги больше не касались земли.

Рамон повел ее к дверям; она видела, что Роджер кричит что-то через весь зал. Длинная девица испарилась, он был весь красный от ярости, и Изабелла оставила его беспомощно барахтаться в толпе, подобно рыбе, угодившей в сеть.

Они спустились по ступенькам, она достала ключ от «мини-купера» из усыпанной блестками вечерней сумочки и вложила в руку своего спутника.

«Мини» мчался на полной скорости по пустынным улицам, Изабелла наклонялась к Рамону так близко, как только позволяло сиденье, и смотрела в лицо так пристально и сосредоточенно, что не обращала ни малейшего внимания на то, куда ее везут. Ей казалось, что она умрет, если сейчас, в эту самую секунду, не дотронется, не почувствует прикосновение его рук. Дрожь вновь пробежала по всему телу.

Вдруг Рамон резко притормозил у края тротуара и остановил «мини». Выскочил из машины, быстрыми шагами обогнул ее, чтобы открыть дверцу, и Изабелла поняла, что он возбужден не меньше. Схватила его под руку и, не чувствуя под собой ног, зашагала рядом по тротуару ко входу в красное кирпичное здание, одно из многих на этой улице. Он повел ее по лестнице на второй этаж.

Едва закрыв за собой входную дверь, повернулся к ней, и она впервые ощутила вкус этих губ на своих губах. Кожа на лице была жесткой, как кожа акулы, от свежей щетины, но сами губы – мягкими и горячими, слаще самого спелого плода, а язык казался живым существом, заполнившим собой весь ее рот.

Что-то взорвалось у нее внутри, и нахлынувший поток унес прочь все мысли, все, что еще как-то сдерживало. В ушах раздавался звук, подобный реву штормового ветра в бушующем море, и безумие овладело Изабеллой.

Она вырвалась из объятий и в неистовом нетерпении стала срывать с себя одежду, разбрасывая по деревянному полированному полу маленькой прихожей. Рамон, стоя лицом к ней, столь же быстро освобождался от своей одежды, и глаза ее жадно пожирали каждую часть его обнаженного тела.

Изабелла даже представить себе не могла, что мужское тело может быть таким прекрасным. В тех местах, где тела других мужчин бывали дряблыми и волосатыми, с воспаленной кожей и набухшими венами, тело Рамона было гладким и совершенным. Она хотела смотреть и смотреть не отрываясь, но в то же время чувствовала, что закричит от невыразимого отчаяния, если сейчас же, в эту самую минуту не сольется с ним в одно целое, и вновь бросится, как в омут, в его объятия.

Крепко прижалась к нему, к твердому, холеному, горячему. Жесткие волосы на груди соприкоснулись с ее ставшими чрезвычайно чувствительными, налившимися сосками, терлись о них, и это было невыносимо. Она застонала и впилась губами в его губы, чтобы не закричать от сладкой муки.

Он легко, будто пушинку, поднял ее на руки и отнес на кровать, не разрывая слияния их уст ни на единое мгновение.

Проснувшись, Изабелла первым делом обнаружила, что жизнь невероятно прекрасна. Ей казалось, что она вот-вот взорвется от переполнявшей радости. Все тело звенело, как будто каждый мускул, каждый нерв жили своей собственной, отдельной жизнью.

Она долго не могла понять, что с ней случилось. Лежала с закрытыми глазами, боясь потерять это чудесное ощущение. Понимала, что такое волшебство не может быть долговечным, но страстно хотела удержать его навсегда. Затем, очень медленно, распознала мужской запах, еще не выветрившийся из ноздрей, и вкус его губ, все еще оставшийся на языке. Почувствовала легкую боль там, где он глубоко проник в ее плоть, и жжение на нежной коже

вокруг губ, раздраженной его щетиной. Она жадно впитывала все эти ощущения, и легкая боль плавно переходила в глубокое, непреходящее удовлетворение.

И тут эта мысль порывом свежего ветра ворвалась в сознание: «Я влюблена!» Она полностью проснулась. Ее охватила безумная радость.

Быстро села в постели, простыня спала с плеч.

– Рамон...

След его головы ясно отпечатался на подушке рядом. Несколько темных волос с его груди колечками свернулось на белой простыне. Она потянулась к ним и обнаружила, что простыня уже остыла, и ее радость тут же превратилась в отчаяние.

– Рамон! – Изабелла соскочила с кровати и зашлепала босыми ногами в ванную. Дверь распахнута; в ванной никого не было. Он опять исчез, и она стояла голой на середине комнаты, смятенно оглядываясь по сторонам.

Да, похож на дикую кошку. Его окружала какая-то зловещая таинственность; она почувствовала, как все вокруг ее сосков покрывается «гусиной кожей». Обхватила себя руками и задрожала.

Затем заметила записку на столике у кровати. Это был листок дорогой кремовой бумаги с фамильным гербом, придавленный сверху ключами от ее «мини». Она быстро схватила его. Записка не содержала никакого приветствия:

Ты необыкновенная женщина, но когда ты спишь, ты кажешься мне ребенком, прекрасным невинным ребенком. У меня не хватило духу тебя разбудить. Мне страшно не хочется оставлять тебя, но нужно идти.

Если ты сможешь поехать со мной в Малагу на этот уик-энд, приезжай сюда завтра в девять утра. Захвати с собой паспорт, но не вздумай брать пижаму.

Рамон.

Она рассмеялась от радости и облегчения, тут же вернулось прежнее светлое настроение. Еще раз перечитала записку; бумага была гладкой и прохладной, как мрамор, она возбуждающе щекотала кончики пальцев. Такой же гладкой была и его кожа; ее взгляд затуманился и приобрел мечтательное выражение, когда в голове стали возникать маленькие разорванные эпизоды минувшей ночи.

Он намного превзошел всех тех, с кем ей доводилось иметь дело прежде. Ибо со всеми остальными, даже с самыми умелыми, терпеливыми и внимательными, она всегда чувствовала разделенность их тел, разобщенность их душ, искусственность их попыток взаимно удовлетворить друг друга. С Рамоном этого чувства не было. Казалось, что он завладел не только ее телом, но и душой. Они проникли друг в друга в каком-то полубожественном слиянии; их плоть и дух стали единым целым.

Бесчисленное множество раз в течение этой ночи ей казалось, что они уже достигли наивысшей точки, к которой стремились, и каждый раз выяснялось, что они все еще у самого подножия и перед ними высится новый пик, а затем еще один и еще. И каждый выше и прекраснее предыдущего. И им не было конца, пока она не забылась сном, глубоким, как сама смерть, чтобы вновь возродиться для этой новой, восхитительной и радостной, жизни.

– Я влюблена, – прошептала Изабелла с почти религиозным благоговением, разглядывая свое тело и как бы поражаясь тому, что столь хрупкий сосуд может таить в себе столько счастья, столько нахлынувших на нее чувств.

Затем взгляд ее упал на часы, лежавшие на столике, рядом с ключами от машины.

«О Господи! – Была уже половина одиннадцатого. – Ленч у отца!»

Она вскочила на ноги и бросилась в ванную. На раковине Рамон оставил для нее совершенно новую зубную щетку, еще даже не распакованную, в запечатанной пластмассовой коробочке, и эта его заботливость растрогала донельзя.

Набрав полный рот пенящейся зубной пасты, она еще ухитрилась напевать мотив из «Дальних мест».

Решила, что успеет быстренько принять ванну; погрузившись в горячую воду, думала о Рамоне, ощущая при этом внутри себя огромную пустоту, которая настоятельно требовала, чтобы он ее заполнил. Рассмеялась: «Хватит с тебя, дорогая. Похоже, что мановением своей волшебной палочки он превратил тебя в маленькую ненасытную сучку».

Она выскочила из ванны и схватила еще влажное полотенце. Прижала к лицу и втянула в себя слабый, но отчетливый запах его кожи. Это моментально возбудило ее заново.

«Ну, хватит! – решительно приказала себе, глядя в запотевшее зеркало. – Через час тебе надо быть на Трафальгарской площади».

Она уже собиралась выйти из квартиры, как вдруг с громким восклицанием ринулась обратно в ванную. Нашла в своей усыпанной блестками сумочке таблетки ованона в упаковке с календарными отметками, распечатала и вытащила одну из них.

Положила крохотную белую капсулу на язык, набрала полстакана воды из крана и чокнулась со своим отражением в зеркале. «За жизнь, любовь и свободу, – сказала себе, – и за то, чтобы еще много раз повторить то же самое». И запила таблетку.

Кровавый спорт не вызывал отвращения у Изабеллы Кортни. Ее отец был заядлым охотником, и стены Велтевердена, их дома на мысе Доброй Надежды, всегда были украшены охотничьими трофеями. Помимо всего прочего, их семье принадлежала и фирма по организации сафари, которая владела огромными охотничьими угодьями в долине Замбези. Только в прошлом году она провела две сказочные недели в этой очаровательной глуши со своим старшим братом Шоном Кортни, профессиональным охотником и управляющим этим предприятием от «Кортни энтерпрайсес». Несколько раз Изабелла сама принимала участие в псовой охоте по приглашению Харриет Бошан. Изабелла была неплохим стрелком; она охотилась с маленьким изящным дробовиком 20-го калибра фирмы «Холланд и Холланд» с золотой гравировкой, который отец подарил ей в день семнадцатилетия. Из него она убивала бекасов в дельте Окаванго, пустынных куропаток в Кару, уток и гусей на великой Замбези, тетеревов на высокогорных лугах, а также фазанов, вальдшнепов и куропаток в огромных английских поместьях, куда их с отцом время от времени приглашали.

Вид безвинно пролитой крови несколько не смущал ее, к тому же она полностью унаследовала семейную страсть к азартным развлечениям, так что это состязание увлекло ее всерьез.

Шел уже второй день соревнований, и число участников к этому времени сократилось с почти трехсот до всего лишь двух, ибо соревнования проводились по системе выбывания, после первого промаха и по принципу «победитель получает все». Взнос за участие составлял тысячу американских долларов с человека, так что на кону было свыше четверти миллиона; напряжение достигло своего апогея, оно буквально висело в воздухе, когда американец вышел на стэнд.

Он и Рамон Мачадо остались вдвоем; они шли вровень на протяжении вот уже двадцати трех кругов. Испанские арбитры, дабы нарушить это равновесие и выявить наконец победителя, приняли решение выпускать сразу по две птицы.

Американец был стопроцентным профессионалом. Он регулярно участвовал в подобных состязаниях в Испании, Португалии, Мексике, Южной Америке, а также, вплоть до последнего времени, в Монако. С нынешнего года, однако, такие турниры на территории этого крохотного княжества были запрещены; это случилось после того, как смертельно

раненный голубь ухитрился улететь со стрельбища и перелететь через дворцовую ограду, после чего грохнулся прямо на стол, за которым принцесса Грэйс пила чай с придворными дамами, забрызгав своей кровью кружевную скатерть и вечерние наряды дам. Их визг донесся до ушей принца Ренье на другом конце его крохотных владений, и стрельба по живым голубям в Монако на этом прекратилась.

Американец был ровесником Изабеллы, ему не исполнилось еще двадцати пяти лет, но, по слухам, его годовой доход значительно превышал сто тысяч долларов. Он стрелял из двустволки 12-го калибра, созданной легендарным оружейником Джеймсом Ментоном почти сто лет назад. Разумеется, стволы были заменены с тем, чтобы можно было использовать современные, более длинные, патроны и бездымный порох. Тем не менее ложе и ударный механизм вкупе с курками с авторским клеймом сохранились в их изначальном виде; соответственно, и вся винтовка сохранила те несравненные надежность и точность, что когда-то были ей приданы стариком Джеймсом.

Молодой американец принял стойку на площадке для стрельбы, взвел курок, засунул приклад под правую руку и навел обе мушки точно на центр полукруга, образованного пятью плетеными корзинами, которые были установлены на расстоянии тридцати ярдов от него.

В каждой корзине сидело по одному живому голубю. Это были неприученные птицы, вроде тех, что живут стаями в центре многих больших городов: крупные сильные особи всевозможной расцветки, бронзовые, голубые, с зеленым отливом, некоторые с темной полосой вокруг шеи, с белыми пятнами на крыльях.

Чтобы обеспечить нужное количество птиц, стрелковый клуб устроил на своей территории что-то вроде большой кормушки: сооружение со специальными подносами, ежедневно наполняемыми молотой кукурузой, и подвижными стенками с дистанционным управлением; в нужный момент они опускались, и птицы оказывались в западне. Частенько голуби, улетевшие невредимыми со стенда, тут же направлялись обратно к кормушке. В результате по многим из них стреляли множество раз, и эти ловкие создания освоили различные трюки и приемы, позволявшие сбивать прицел стрелков. К тому же работники клуба, сажавшие их в корзины, умели искусно выдернуть перо-другое из крыла или хвоста, с тем чтобы сделать полет нестандартным и труднопредсказуемым.

Корзины управлялись специальным механизмом, произвольно открывавшим их с задержкой до пяти секунд после того, как стрелок командовал: «Дай» – то есть требовал выпустить птицу. Человеку с потными ладонями, бешеным пульсом и десятками тысяч долларов на кону эти пять секунд могли показаться вечностью.

Корзины располагались на расстоянии тридцати ярдов, а дальность действительного огня дробовика 12-го калибра обычно не превышала сорока. Таким образом, птицы выпускались на почти предельной дистанции, вдобавок и зачетная зона заканчивалась в десяти ярдах за корзинами.

Границу зачетной зоны обозначала низкая деревянная стена, всего восемь дюймов высотой, выкрашенная в белый цвет. Чтобы попадание было засчитано, птица или, в случае если заряд дробы разрывал ее на куски, большая ее часть, определяемая на вес, должна была упасть внутрь зоны, огороженной этой низкой деревянной стеной. То есть стрелок должен был попасть в птицу, вылетевшую из корзины, пока она не преодолела те десять ярдов, что отделяли ее от границы зачетной зоны.

Корзины образовывали перед ним полукруг, или, точнее, сектор в сорок градусов; невозможно было заранее догадаться, какая из крышек откроется по команде «Дай», и уже тем более предвидеть, куда полетит выпущенная птица. Она могла взять влево или вправо, полететь прочь от стрелка, а иногда – самое неприятное – устремиться прямо ему в лицо.

Ко всему сказанному следует добавить, что голуби летают очень быстро и шумно, что они могут на полном ходу резко менять направление полета, а теперь еще судьи решили вместо одной птицы выпускать двух голубей одновременно.

Итак, американец изготовился к стрельбе, подался чуть вперед, выставив левую ногу, как боксер; Изабелла взяла Рамона за руку и слегка стиснула ее. Они сидели в первом нижнем ряду крытой трибуны в обитых кожей креслах, предназначенных для участников соревнования и администрации клуба.

– Дай! – выкрикнул американец, и его по-техасски гнусавый голос прозвучал, как удар молота о наковальню, в мертвой тишине, воцарившейся вокруг.

– Промажь! – прошептала Изабелла. – Ну пожалуйста!

Прошла секунда, другая, ничего не происходило. Затем крышки двух корзин под номерами два и пять, то есть второй слева и крайней справа от американца, с треском распахнулись, и обе птицы, подброшенные струей сжатого воздуха, который подавался из отверстий в дне корзин, мгновенно взмыли ввысь.

Второй номер устремился прямо от стрелка, летя низко над землей и очень быстро. Американец отработанным движением вскинул дробовик и выстрелил в то самое мгновение, когда приклад коснулся плеча. Голубь успел пролететь всего пять ярдов, прежде чем заряд дробин настиг его. Крылья замерли на полувзмахе, он умер еще в воздухе, упал на середине зачетной зоны и остался лежать маленькой кучкой перьев на ярком зеленом дерне, ни разу не пошевелившись.

Американец тут же повернулся ко второй птице. Первоначально та бросилась вправо от него, сверкая оперением, как полоска начищенной бронзы, но при звуке первого выстрела она вдруг так резко повернула обратно в сторону стрелка, что тот не успел вовремя изменить прицел. Заряд прошел чуть левее, но всего на какой-то дюйм. Вместо того чтобы поразить голову и корпус птицы, дробь, щедро набитая в ствол, напрочь оторвала ей правое крыло, и страшно изувеченная фигурка закувыркалась в воздухе, оставляя за собой след из оторванных перьев.

Она упала всего в каком-то футе от границы зачетной зоны с внутренней стороны низкой белой стены; зрители на трибуне издали один протяжный вздох. Но тут птица, отчаянно размахивая своим уцелевшим крылом, каким-то невероятным образом умудрилась подняться на ноги. Она заковыляла к стене, ее ставшее бесполезным крыло впустую молотило воздух, вздущееся горло издавало агонизирующие каркающие звуки. Зрители разом охнули и вскочили на ноги; в самом центре площадки американец застыл как вкопанный, все еще прижимая к плечу разряженный дробовик. Он имел право только на два выстрела. Если бы сейчас он перезарядил ружье и добил птицу третьим выстрелом, то был бы немедленно дисквалифицирован и о призовых деньгах пришлось бы позабыть.

Голубь достиг преграды и подпрыгнул, пытаясь перебраться через нее. Он ударился грудью о дерево всего в дюйме от вершины стены и свалился вниз, оставив на белой краске яркие рубиновые капли крови.

Половина зрителей завопила: «Умри!» – а те, кто ставил против американца, столь же дружно закричали: «Давай! Давай, птичка! Вперед!»

Голубь собрал последние силы и прыгнул еще раз. На этот раз приземлился прямо на вершину стены и, вцепившись в нее, стал раскачиваться взад-вперед, пытаясь удержать равновесие.

Изабелла тоже вскочила на ноги, и ее голос слился со всеобщим ревом.

– Ну, прыгай же! – умоляла она. – Ну, не умирай, ну пожалуйста, голубок, прошу тебя! Ну, еще немножко!

Вдруг тело умирающей птицы забилося в конвульсиях, ее головка запрокинулась назад, она упала со стены и замерла без движения на зеленом газоне. Она была мертва.

– Спасибо тебе! – выдохнула Изабелла и в изнеможении рухнула обратно в кресло.

Голубь упал вперед и умер уже за пределами зачетной зоны; громкоговорители объявили приговор, произнеся по-испански фразы, которые Изабелла так хорошо выучила за эти два дня.

– Одно попадание. Один промах.

– Мое сердце не выдержит подобного напряжения. – Изабелла театрально заломила руки; Рамон улыбнулся ей холодными зелеными глазами. – Да ты посмотри на себя! – крикнула она в сердцах. – Ну просто какой-то кусок льда! Ты вообще когда-нибудь что-нибудь чувствуешь?

– Только с тобой в постели, – шепнул он ей на ухо, и прежде чем она нашлась, что ответить, громкоговорители прервали их беседу.

– Вызывается следующий участник! Номер сто десятый!

Рамон поднялся на ноги; все время, пока он надевал и поправлял наушники, его лицо сохраняло все то же холодное, слегка отсутствующее выражение. Он приучил Изабеллу не желать ему удачи, так что она не произнесла ни слова, когда он направился к длинному стеллажу у самого входа на стенд, где оставалось одно-единственное ружье. Он взял его, переломил, повесил на согнутую в локте руку и вышел из-под навеса на яркое иберийское солнце.

Он казался Изабелле таким прекрасным и романтичным. Его волосы сверкали в золотистых солнечных лучах; охотничья безрукавка с замшевыми наплечниками идеально облегла стройный торс так, что на ней не оставалось ни единой складки или сборки, за которую мог бы зацепиться приклад дробовика в тот момент, когда он вскидывал его к плечу.

Оказавшись на стенде, он зарядил оба ствола, нижний и верхний, своей «пераззи» 12-го калибра и захлопнул казенник. Только тогда он оглянулся через плечо на Изабеллу, как он это делал перед каждой стрельбой на протяжении этих двух дней. Она ждала этого момента, и теперь вскинула вверх обе руки, крепко сжав пальцы, и показала ему стиснутые кулаки.

Рамон отвернулся и замер на месте. В который раз он напомнил ей африканскую кошку; именно так замирает леопард, сосредоточиваясь на своей жертве. Он не наклонялся вперед, как американец; напротив, он стоял, выпрямившись во весь рост, стройный и грациозный, и затем тихо произнес:

– Дай!

Обе птицы с шумным трепетанием крыльев вырвались из своих корзин, и Рамон вскинул ружье таким элегантным и в то же время экономным движением, что, казалось, он никуда не торопится.

Будучи в Мексике со своим кузеном Фиделем Кастро, он обеспечивал большую часть поступлений в казну зарождавшейся освободительной армии с помощью своего дробовика, участвуя в «голубиных» турнирах в Гвадалахаре. Так что он тоже был истинным профессионалом, с великолепным глазомером и всеми необходимыми для этого дела навыками.

Первая птица полетела прямо от него; сверкая зелеными крыльями, она на полной скорости неслась к стене, и ему пришлось начать с нее. Он чисто срезал ее зарядом дробы номер шесть из туго набитого нижнего ствола, и перья закружились в воздухе, будто разлетевшись из вспоротой подушки.

Сделав изящный танцевальный пируэт, он повернулся ко второй птице. Этот голубь был испытанным ветераном; в него уже стреляли раз десять, и он научился держаться ближе к земле. Служащий клуба вырвал несколько перьев из его хвоста, причем с одной стороны, так что, несмотря на то что он мчался со скоростью шестьдесят миль в час, его все время заносило и раскачивало, как лодку во время шторма.

Вместо того чтобы лететь к стене, он устремился прямо на Рамона, сократив расстояние между ними до десяти футов и, таким образом, многократно усложнив ему задачу. В его

распоряжении оставались сотые доли секунды, голубь молнией летел прямо в лицо. Хуже того, крайне малое расстояние до цели не давало дробинке как следует разлететься. Это было все равно что стрелять одной дробинкой, и малейшее отклонение означало неизбежный промах.

Рамон поразил голубя точно в голову полным зарядом дроби практически в упор, и птица распалась на куски. Части ее тела разлетелись в разные стороны в вихре окровавленных перьев, и лишь оба крыла остались нетронутыми. Они, каждое по отдельности, мягко спланировали и приземлились к ногам Рамона.

Изабелла с диким воплем вскочила на ноги и одним прыжком перемахнула через барьер. Не обращая внимания на администратора, что-то строго выговаривавшего ей по-испански, она в нарушение всех установленных правил бросилась к Рамону и повисла у него на шее, болтая длинными ногами в джинсах.

Напряжение, висевшее над всеми зрителями во время этого захватывающего поединка, требовало разрядки. И теперь все дружно рассмеялись и зааплодировали, глядя на Рамона и Изабеллу, которые обнимались в самом центре стрельбища. Да, это была великолепная пара, оба прямо-таки до невозможности красивые, высокие, атлетичные, излучающие здоровье и юношеский пыл, и их спонтанный порыв не оставил равнодушным никого из присутствующих.

Они въехали в город на «мерседесе», взятом напрокат Изабеллой в аэропорту. Рамон открыл счет в «Банко де Эспана» на центральной площади и перевел на него выигранные деньги.

Как это ни странно, но они, по сути, одинаково относились к деньгам. Казалось, что Изабелле даже в голову не приходит поинтересоваться ценой чего бы то ни было. Рамон заметил, что когда ее внимание привлекала какая-нибудь тряпка или безделушка, она никогда не спрашивала, сколько это стоит. Она просто кидала одну из своих многочисленных пластмассовых кредитных карточек на прилавок, расписывалась на бланке и засовывала копию в сумочку, даже не взглянув на проставленную сумму. А позже, в гостинице, разбирая содержимое сумочки, она комкала накопившиеся за день чеки и, опять же не глядя, выбрасывала их в корзинку для мусора или запихивала в первую попавшуюся пепельницу, чтобы горничная выбросила их сама.

Для удобства она также носила с собой пачку банкнот толщиной в кулак, которую небрежно кидала каждое утро в большую кожаную сумку на ремешке. Тем не менее было предельно ясно, что она не станет забивать себе голову такими пустяками, как обменный курс фунта по отношению к испанским песетам. Расплачиваясь за чашку кофе или бокал вина, она выбирала банкноту, чей цвет и размер казался ей подходящим для такого случая, и оставляла ее на столе, не обращая никакого внимания на официанта, с разинутым ртом смотрящего ей вслед.

Рамон относился к деньгам с таким же презрением. С одной стороны, они вызывали у него отвращение, как олицетворение и суть капитализма. Он терпеть не мог подчиняться тем самым законам экономики и купли-продажи, уничтожению которых посвятил всю свою жизнь. Он испытывал чувство омерзения, когда ему приходилось торговаться с Москвой из-за денег, необходимых для дела; это глубоко унижало его. И в то же время он еще в самом начале своей карьеры обнаружил, что его начальники весьма одобрительно относятся к его попыткам самому раздобыть средства на собственные операции.

В Мексике он стрелял по голубям. Во время учебы во Флоридском университете закупал наркотики в Южной Америке и торговал ими в студенческом городке. Во Франции перепродавал оружие алжирцам. В Италии занимался контрабандой валюты, а также подготовил и осуществил четыре весьма прибыльных похищения. За все полученные таким образом доходы он скрупулезно отчитывался перед Гаваной и Москвой. Их одобрение выражалось

в его быстром продвижении по служебной лестнице и в конечном счете привело к тому, что он в столь молодом возрасте должен был заменить генерала Сисеро на посту главы целого отдела Четвертого управления.

С самого начала Рамон прекрасно понимал, что жалкая сумма, выделенная Сисеро на операцию с Красной Розой, совершенно недостаточна. Ему необходимо было как можно скорее раздобыть дополнительные средства; к тому же эта маленькая прогулка в Испанию предоставляла ему идеальную возможность приступить ко второму этапу операции.

В тот вечер они решили отпраздновать победу Рамона в небольшом ресторанчике, укрывшемся от толп туристов в одной из тихих аллей, где Изабелла оказалась единственной иностранкой среди посетителей. Ресторанчик специализировался на дарах моря; их обед состоял из изысканной пазлы², приготовленной в строгом соответствии со всеми традициями, и вина, рожденного в одном из поместий, которое когда-то принадлежало семье Рамона; оно производилось в столь малом количестве, что никогда не попадало за пределы Испании. Оно было бодрящим и ароматным и при свете свечей имело мягкий зеленоватый отблеск.

– А что случилось с твоими родовыми поместьями? – спросила Изабелла, попробовав вино и выразив восхищение его вкусом.

– Мой отец лишился их, когда к власти пришел Франко, – сказал Рамон, понизив голос. – Он с самого начала был антифашистом.

Изабелла понимающе и сочувственно кивнула. Ее собственный отец в свое время сражался против фашистов, и она разделяла очень удобную и модную тогда веру своего поколения в природную добродетель всего человечества и страстное, хотя и весьма смутное стремление ко всеобщему миру; она понимала, что фашизм был чем-то в корне враждебным всему этому. Она носила в своей сумочке значок «Запретить бомбу», хотя никогда не прикалывала его к одежде: это считалось крайне вульгарным.

– Расскажи мне о своем отце и вообще о семье, – попросила она. Ей вдруг пришло в голову, что, проведя с ним вот уже почти неделю, она, в сущности, ничего о нем не знает помимо того, что сообщил ей за обедом испанский поверенный в делах.

Она как зачарованная слушала рассказ Рамона об истории его рода. Один из предков получил титул маркиза после того, как принял участие в экспедиции Колумба к берегам Америки и островам Карибского моря в 1492 году; древность родословной произвела на Изабеллу огромное впечатление.

– А наша родословная началась с прадедушки, Шона Кортни, – заявила она осуждающе, будто ее предки в чем-то перед ней провинились. – Он умер где-то в двадцатых годах. – Произнеся эти слова, она впервые подумала, что если Рамон станет отцом ее ребенка, то в один прекрасный день тот сможет похвастаться столь же знатным происхождением. До этого момента ей вполне хватало простого общения с Рамоном, но теперь, когда она, низко наклонившись к нему, смотрела в его глаза при таинственном свете свечи, ее желания росли с каждой минутой. Он нужен был ей целиком; никогда в жизни она не испытывала столь сильного стремления что-то заполучить.

– И как ты видишь, Белла, несмотря на все это, я не богат.

– А вот и врешь. Я сама видела, как ты сегодня положил на свой банковский счет двести тысяч долларов с хвостиком, – весело возразила она. – По крайней мере еще на одну бутылку вина для меня тебе денег хватит.

– Если бы тебе не нужно было завтра утром возвращаться в Лондон, я мог бы на эти деньги свозить тебя в Гранаду. Я сводил бы тебя на корриду, показал бы свой родовой замок в Сьерра-Неваде...

² Испанское блюдо из мяса, риса и лангустов, приправленное шафраном и другими пряностями. – Здесь и далее примеч. пер.

– Но ведь тебе тоже нужно возвращаться в Лондон, – запротестовала она. – Разве нет?

– Ну, я мог бы задержаться на несколько дней. Ради того, чтобы побыть с тобой, я готов на все.

– Послушай, Рамон, я ведь даже не знаю, чем ты занимаешься. Как ты зарабатываешь себе на корочку хлеба?

– А, разные банковские дела. – Он небрежно пожал плечами. – Я работаю на один частный банк и отвечаю за его операции в Африке. Мы кредитруем новые компании в Центральной и Южной Африке.

Перед мысленным взором Изабеллы вихрем проносились поистине захватывающие перспективы. Отсутствие у Рамона большого состояния с лихвой компенсировалось знатностью его происхождения, к тому же он еще и банкир. Разумеется, в руководстве «Кортни энтерпрайсес» найдется место для первоклассного специалиста по коммерческим банковским операциям. Все складывалось как нельзя лучше.

– Я больше всего на свете хотела бы увидеть твой замок, Рамон, любимый, – прошептала она охрипшим от волнения голосом и тут же подумала, а сколько стоит замок, и нельзя ли уговорить Гарри его выкупить. Ее брат Гарри был президентом и финансовым директором «Кортни энтерпрайсес». Как и все остальные члены семьи мужского пола, он никогда не мог устоять перед ее чарами и уловками. К тому же, как и большинство Кортни, был ужасным снобом. Маркизе нужен замок – для него это могло прозвучать весьма убедительно.

– А как же твой отец? – спросил Рамон. – Ведь ты ему, кажется, обещала вернуться в понедельник.

– Моего отца предоставь мне, – твердо заявила она.

– Белла, это совершенно неподходящее время для того, чтобы будить пожилого человека, – недовольно пробурчал Шаса в телефонную трубку. – Ты вообще знаешь, который теперь час?

– Уже седьмой, и мы уже искупались, и ты вовсе не пожилой. Ты молодой и красивый, самый красивый мужчина из всех, кого я знаю, – проворковала Изабелла на другом конце международной линии.

– Звучит зловеще, – пробормотал Шаса. – Чем экстравагантнее комплимент, тем возмутительнее просьба. Ну и что вам угодно, юная леди? Что вы там затеяли?

– Какой же ты противный старый циник, – сказала Изабелла, водя пальчиком по волосатой груди Рамона. Он раскинулся рядом с ней, совершенно обнаженный, на двуспальной кровати; его тело было все еще липким, влажным и соленым после купания в Средиземном море. – Я просто позвонила, чтобы сказать, как я тебя люблю.

Шаса усмехнулся:

– Надо же, какой заботливый мышонок. Вся в меня.

Он откинулся на подушки и свободной рукой обнял за плечи лежавшую с ним рядом женщину. Та сонно вздохнула и придвинулась ближе, положив голову ему на грудь.

– Как Харриет? – осведомился Шаса. Харриет Бошан согласилась прикрывать испанское турне Изабеллы.

– Отлично, – заверила Изабелла. – Она сейчас рядом со мной. Мы прекрасно проводим время.

– Поцелуй ее от моего имени, – распорядился Шаса.

– Охотно, – сказала она и, прикрыв ладонью трубку, нагнулась и враскорячку поцеловала Рамона в губы. – Она тоже тебя целует, па, но при этом решительно отказывается лететь сегодня утром в Лондон.

– Ага! – сказал Шаса. – Вот мы и подошли к истинной причине всей этой дочерней нежности.

– Па, это не я, это Харриет. Она хочет съездить в Гранаду. Там будет бой быков. И она хочет, чтобы я поехала с ней. – Изабелла выжидающе замолчала.

– В среду нам с тобой нужно лететь в Париж. Ты что, забыла? Я выступаю перед «Воскресным клубом».

– Па, ты так хорошо говоришь; француженки тебя просто обожают. В сущности, я тебе не нужна.

Шаса не ответил. Он хорошо знал, что его молчание было, пожалуй, единственным средством, способным как-то воздействовать на своенравную дочь. Он прикрыл ладонью трубку и спросил свернувшуюся рядом калачиком женщину:

– Китти, ты сможешь поехать со мной в среду в Париж?

Она открыла глаза.

– Ты ведь знаешь, что в субботу я улетаю в Эфиопию на конференцию ОАЕ.

– К субботе я привезу тебя обратно.

Она приподнялась на одном локте и задумчиво посмотрела на него.

– Оставь меня, сатана.

– Па, ты меня слушаешь? – Голос Изабеллы как бы вклинился между ними.

– Так, значит, моя плоть и кровь взбунтовались и решили покинуть меня? – произнес Шаса в высшей степени оскорбленным тоном. – Бросить меня одного в самом неромантичном на свете городе?

– Но я же не могу подвести Харриет, – оправдывалась Изабелла. – Я возьму тебе это, честное слово.

– Само собой, юная леди, – подтвердил Шаса. – В нужное время я припомню тебе все твои обещания.

– Я думаю, в Гранаде будет безумно скучно – и я буду ужасно скучать по тебе, милый папочка, – с раскаянием в голосе сказала Изабелла и провела пальчиком вниз по животу Рамона, через пупок к густым волосам прямо под ним; она намотала волосы на самый кончик пальца.

– И мне будет очень одиноко без тебя, Белла, – заявил Шаса; затем он повесил трубку и мягко, но настойчиво толкнул Китти обратно на подушки.

– Я сказала «оставь меня, сатана», – хриплым от сна голосом запротестовала она, – а не «вставь мне».

Мало кто мог сравниться с Изабеллой в скорости и мастерстве вождения. Откинувшись назад на кожаном сиденье взятого напрокат «мерседеса», Рамон откровенно рассматривал ее. А она буквально купалась в лучах этого внимания и чуть ли не каждую минуту, когда дорога шла прямо, бросала на него взгляд или протягивала руку, чтобы дотронуться до его руки или бедра.

В отличие от многих аналогичных заданий, которые поручались ему на протяжении всех этих лет, на сей раз Рамон с удовольствием играл свою роль; эта женщина была достойным партнером. Он ощущал в ней какую-то внутреннюю силу, неизрасходованный запас мужества и решительности, и это привлекало его.

Он видел, что она ищет точку приложения своих сил, не удовлетворена бездумным, бессмысленным существованием и готова восстать против него, что жаждет острых ощущений и перемен, какого-нибудь серьезного дела, которому стоит себя посвятить.

К тому же физически она была необыкновенно привлекательна, и ему нетрудно было изображать ту нежность и заботу, которые всегда отличают истинно влюбленного. И сейчас, глядя на нее вот так, он делал это намеренно. Знал силу своего взгляда; его холодные зеленые глаза зачаровывали ее, как взгляд змеи зачаровывает птицу; и в то же время ему нравилось смотреть на нее как на совершенное произведение искусства. Хотя он знал из досье, что

далеко у нее не первый, за эти несколько дней обнаружил, что душа ее еще не принадлежала никому; в ней ощущалось какое-то странное девственное начало, и это возбуждало его.

Как и многие легендарные любовники, прославившиеся своими амурными похождениями, Рамон был подвержен особому синдрому, получившему название «сатириаза». Этот медицинский термин происходил от имени античного лесного божества, наполовину человека, наполовину козла, которое отличалось крайней сексуальной ненасытностью. Хотя Рамон Мачадо обладал совершенно необычной физической возбудимостью, реагируя на любую женщину вне зависимости от ее привлекательности, сам тем не менее весьма редко достигал оргазма. В большинстве случаев был просто неутомим; половой акт в его исполнении мог продолжаться до бесконечности, доводя до иступления любую партнершу, даже очень долго достигающую оргазма. А после мог в любой момент возобновить его при малейших признаках того, что она этого хочет, причем он столь тонко чувствовал женский организм, что обычно распознавал эти признаки еще до того, как женщина осознавала свое желание.

Но Изабелла была одной из тех немногих, что без особых усилий доводили до оргазма его самого. С ней он уже неоднократно кончал и, несомненно, будет кончать и в дальнейшем. Это, естественно, было абсолютно необходимо для осуществления его планов.

В этот жаркий солнечный день, сидя за рулем машины, уносившей их от побережья в глубь страны, Изабелла была вне себя от счастливого возбуждения. Она была влюблена. Теперь уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что это и есть та самая, единственная и неповторимая, любовь. В ее жизни никогда не было и не будет мужчины, равного ему. Она никогда не сможет испытать более сильные чувства, чем те, что испытывает сейчас. Само его присутствие, эти зеленые глаза, обращенные к ней, делали день еще светлее, а вкус горного сухого воздуха Сьерры на губах еще слаще.

Широкие равнины и горы, высившиеся перед ними, были так похожи на ее родную и горячо любимую страну. Они напоминали ей бескрайние просторы великого Кару, ибо здесь была такая же земля цвета львиной шкуры и такие же светло-коричневые скалы. При виде их радость, и без того переполнявшая ее, вырвалась наружу, она громко засмеялась и ей страстно захотелось закричать так, чтобы ее услышали все: «О, Рамон, дорогой мой, я так тебя люблю. Я люблю тебя всем сердцем, всей душой, отныне я навеки твоя».

Но даже сейчас, в этом головокружительном любовном экстазе, Изабелла твердо намеревалась дожидаться его признания; эти слова он должен был произнести первым. Только так она могла лишний раз убедиться в том, в чем, собственно говоря, уже не сомневалась, — что он любит ее не меньше, чем она его.

Рамон хорошо знал эти горы и направил ее по пыльным проселочным дорогам к тем великолепным местам, что находились далеко в стороне от обычных туристических маршрутов. Они остановились в одной из деревушек, и он поболтал с местными жителями на их наречии. Они отправились дальше с большим куском розовой ветчины, засоленной и хранившейся в снегу, буханкой грубого крестьянского хлеба и полным бурдюком сладкой темной малаги.

За деревней оставили «мерседес» у древнего каменного моста и пошли пешком вверх по реке через оливковые рощи к предгорьям Сьерра-Невады. Там они разделись и голыми бросились в тихую заводь, донельзя удивив этим бородатого горного козла, который наблюдал за ними с нависающего утеса. Затем, не одеваясь, устроили пикник на гладких черных скалах над рекой, с аппетитом уписывая свои припасы.

Рамон продемонстрировал ей, как нужно держать бурдюк на вытянутой руке и направлять шипящую струю прямо в рот. Когда она попыталась это проделать, вино выплеснулось ей в лицо и струйкой побежало с подбородка; по ее просьбе он стал слизывать рубиновые капли с щек и упругой белой груди. Эта забава настолько увлекла их, что они позабыли о

еде и занялись любовью, причем Изабелла осталась на скале, а Рамон стоял по колено в воде перед ней.

– Ты восхитителен, – прошептала она. – Меня ноги не держат. Тебе придется нести меня обратно к машине на руках.

Они так долго пробыли у заводи, что солнце уже коснулось горных вершин, превратив их снега в расплавленное золото, когда наконец увидели перед собой замок.

Он не был столь величественным и огромным, как Изабелла его себе представляла. Просто довольно мрачное темное здание, возвышавшееся на горном склоне над беспорядочно разбросанными черепичными крышами деревенских домов. Когда подошли поближе, Изабелла заметила, что часть парапета отвалилась и земля вокруг замка заброшена и заросла сорной травой.

– А кому он теперь принадлежит? – спросила она.

– Государству, – пожал плечами Рамон. – Несколько лет назад шли разговоры о том, чтобы превратить его в отель для туристов, но из этого ничего не вышло.

В замке был старик сторож, который помнил еще семью Рамона, и он провел их по комнатам первого этажа. Они были пусты; вся мебель была в свое время распродана, чтобы рассчитаться с семейными долгами; на канделябрах лежал густой слой пыли и паутины. Стены гостиной в пятнах от дождевой воды, проникавшей через прохудившуюся крышу.

– Так грустно видеть заброшенным и запущенным то, что когда-то было таким прекрасным, – прошептала Изабелла. – А тебе разве не грустно?

– Хочешь уйти?

– Да, сегодня мне не хочется грустить.

Когда они спускались по узенькой тропинке в деревню, краски заката на горных вершинах были столь великолепны, что к Изабелле вернулось ее прежнее приподнятое настроение.

Хозяин деревенской гостиницы сразу же узнал по имени своего знатного посетителя. Он велел двум дочерям сменить белье в передней комнате и отправил жену на кухню готовить на обед одно из коронных андалузских блюд: кокидо Мадрилено и кабелло де анжел, рагу из цыплят с маленькими пряными колбасками и лапшу, такую тонкую, что она вполне заслуживала свое название – «волосы ангела».

– В Испании херес – народный напиток, – объяснил Рамон, наполняя бокал. Здесь, в горах, было довольно прохладно, в кирпичном камине вовсю пылал огонь, и его отсвет падал ему на лицо; при таком освещении его черты казались еще прекраснее.

– У меня такое впечатление, что мы все время занимаемся одной из трех вещей, – Изабелла пристально разглядывала золотистое вино в своем бокале, – мы едим, пьем или... – Она пригубила вино.

– Ты жалуешься?

– Скорее, упиваюсь. – Лукаво взглянула на него. – Давайте, сеньор, ешьте ваше кокидо и пейте ваш херес, сегодня ночью вам понадобятся силы.

Изабелла проснулась, когда солнечный свет потоком лился в комнату через распахнутое окно, и на мгновение похолодела при мысли о том, что он снова исчез. Но нет, он был здесь, рядом с ней, на широкой теплой кровати, и смотрел на нее все с тем же непроницаемым, загадочным выражением на лице. И вновь холодок сомнения пробежал внутри, но когда она, почти что с робостью, дотронулась до него, то обнаружила, что его оружие уже ожидает в полной боевой готовности.

– Боже мой! – прошептала с восторгом. – Ты фантастический мужчина! – Никто никогда ее не хотел так, как он. С ним она ощущала себя самой желанной женщиной во всей вселенной.

Хозяин гостиницы накрыл для них стол во внутреннем дворике; на завтрак был лиловый инжир и козий сыр. Они сидели под вьющимися виноградными лозами, и Изабелла очищала инжир своими длинными лакированными ногтями и клала сочные круглые ягоды Рамону в рот. До сих пор единственным человеком, для которого она это делала, был отец.

Когда одна из хозяйских дочерей принесла дымящийся кофейник, Рамон извинился и поднялся в спальню. Через маленькое окно в ванной он видел Изабеллу, сидевшую внизу во дворе, слышал ее голос и смех, когда она пыталась изъясняться на своем еще весьма несовершенном испанском.

Сегодня утром опять проглотила противозачаточную таблетку, когда они вместе стояли у раковины. Она превратила это в какой-то дурацкий ритуал, чокаясь с ним стаканом с водой. «Чтобы еще много раз повторить то же самое». Тем не менее пачка оставшихся таблеток, которая утром лежала на полочке над умывальником, куда-то исчезла.

Он вернулся в спальню. Кровать занимала почти всю комнату, их багаж был втиснут в занавешенную нишу у самой двери. Большая мягкая кожаная сумка Изабеллы валялась на одном из чемоданов.

На минуту замер, прислушиваясь; ее голос слабо доносился через открытое окно. Отнес сумку на кровать и стал быстро распаковывать, раскладывая содержимое в строгом порядке, чтобы затем положить все обратно точно так, как было прежде. В то первое утро на его кенсингтонской квартире, когда она еще спала, он обыскал ее усеянную блестками сумочку и запомнил название противозачаточных таблеток. Потом проконсультировался на этот счет у посольского врача.

«Если женщина перестанет их принимать до десятого дня цикла, восприимчивость к мужской сперме почти наверняка резко повысится, соответственно, повысятся и ее шансы забеременеть во время овуляции», – заверил тот Рамона.

Он нашел тоненькую пачку таблеток в одном из отделений черного кошелька из крокодиловой кожи, который лежал на самом дне сумки. Рамон еще раз прислушался. Не услышал голосов во дворе и бросился к окну. Изабелла по-прежнему сидела за столом; теперь все ее внимание было занято черным хозяйским котом, который с гордым видом устроился на коленях и милостиво позволял щекотать его за ушами.

Рамон отошел от окна. В специальных ячейках упаковки, помеченных датами, не было семи таблеток. Из потаенного кармана Рамон вынул точно такую же упаковку ованона, которой его снабдил посольский врач. Вытащил таблетки из первых семи ячеек и бросил их в унитаз. Затем положил обе упаковки рядом и сравнил их. Теперь они были абсолютно идентичны, если не считать того, что во второй находились всего-навсего таблетки аспирина, искусно обработанные, так что их невозможно было отличить от противозачаточных.

Он положил пачку бесполезных таблеток в кошелек Изабеллы и вернул сумку на прежнее место. Затем засунул настоящую упаковку в карман и спустил воду в унитазе; убедившись, что все семь таблеток отправились по назначению, тщательно вымыл руки и спустился по узкой лестнице во двор, где его ждала Изабелла.

Когда они добрались до Гранады, Рамон повел ее на корриду; им невероятно повезло: в тот день на арене выступал сам Эль Кордобес.

Если бы отец Рамона не был в свое время покровителем самого знаменитого из всех матадоров, когда тот ходил еще в начинающих, разумеется, не удалось бы достать билеты на его выступление без предварительного заказа. А так в то утро им доставили два билета прямо в гостиницу. Их не только усадили у самой арены, справа от президентской ложи, но даже пригласили за кулисы наблюдать за тем, как Эль Кордобес одевается перед корридой.

Конечно, Изабелла читала «Смерть после полудня» Хемингуэя и понимала, какую высокую честь им оказали. Тем не менее для нее оказались неожиданными то глубочайшее

уважение, с каким Рамон приветствовал Мануэля Бенитеса по прозвищу Эль Кордобес, а также торжественность самого ритуала одевания, напоминавшего какую-то религиозную церемонию.

– Чтобы понимать корриду, нужно родиться испанцем, – сказал ей Рамон, когда они заняли отведенные места; и в самом деле, она впервые видела его столь возбужденным. Его увлеченность происходящим была настолько сильна и заражительна, что она невольно ощутила такое же волнение.

От звука труб, возвестивших начало парада-алле, по ее спине пробежали мурашки; зрелище было поистине великолепным: лошади, костюмы, украшенные серебром, золотом, мелким жемчугом, матадоры, важно вышагивающие в своих коротких вышитых камзолах и плотно облегающих штанах, которые вызывающе обрисовывали их ягодицы и мошонки. Даже коралловые, розовые, алые оттенки развевающихся атласных плащей полностью соответствовали цвету влажной, поблескивающей женской плоти в ее самых сокровенных местах, как бы подчеркивая глубоко сексуальный характер того возбуждения, что охватило многоярусную зрительскую толпу.

И когда бык ворвался на арену, с высоко поднятой головой, увенчанной страшными рогами, огромным горбом спины, ходящим ходуном от ярости, мощными копытами, из-под которых во все стороны разлетался белый песок, и налившейся кровью мошонкой, бешено раскачивающейся в такт его тяжелым шагам, Изабелла вскочила, и ее визг слился с общим ревом толпы.

Пока Эль Кордобес исполнял свои вступительные манипуляции, Рамон схватил ее за руку, нагнулся и стал объяснять смысл и значение каждого грациозного движения, от простой изящной «вероники» до более сложного «квите». Слушая Рамона, она стала воспринимать происходящее как начало некоего волнующего и прекрасного ритуала, восходящего к обычаям глубокой древности, который даже не пытался скрыть свою жестокую и трагичную суть.

Когда трубы приветствовали появление на арене пикадоров, Изабелла громко застонала и прижала костяшки пальцев к стиснутым зубам; она страшно боялась за лошадей. Ей приходилось читать о растерзанных лошадях, с кишками, обмотавшимися вокруг ног, и о прочих ужасах. Чтобы успокоить ее, Рамон указал на толстый защитный слой из спрессованной ваты, парусины и кожи, покрывавший все тело животных. В результате лошади оставались невредимыми даже тогда, когда бык на полном ходу врзался в них рогами и швырял на заграждения, окружающие арену.

Пикадор наклонился в седле, стальное острие вонзилось в спину быка, кровь розовым фонтаном ударила вверх и растеклась по плечам животного, сверкая на солнце, как металлическое покрытие.

Изабелла содрогнулась; зрелище было ужасное и захватывающее одновременно. Рамон прошептал ей на ухо:

– Это настоящая кровь, здесь все настоящее, как сама жизнь. Да, это и есть жизнь, моя дорогая, со всей ее красотой, жестокостью и страстями.

Она поняла его, согласилась и, уже ни о чем не думая, всецело отдалась захлестывающим эмоциям.

Эль Кордобес взял свои бандерильи. Стоя в ослепительных лучах полуденного солнца, он принял горделивую позу и поднял длинные дротики, обернутые разноцветными бумажными лентами, высоко над головой. Окликнул быка и, когда тот повернулся, побежал ему навстречу легкими, танцующими шагами. Они сошлись, Изабелла охнула, а маэстро молниеносным движением вонзил бандерильи в быка и отскочил в сторону. Бык наклонил голову и взбрыкнул, почувствовав боль от стальных лезвий у себя в загривке, но инерция броска уже унесла его прочь от обидчика.

Настал момент истины; трубы протрубили в последний раз, и новые чувства охватили всю огромную аудиторию. Эль Кордобес и бык закружились в величественном и сокровенном танце смерти. Их разделял только развевающийся плащ; матадор позволял быку проноситься мимо в такой опасной близости, что яркая кровь, покрывавшая плечи животного, испачкала ему штаны.

Наконец Эль Кордобес остановился у президентской ложи и снял свою шапочку, украшенную черными шелковыми помпонами; это означало, что он просит разрешения выбрать ту, которой посвятит быка. И Изабелла едва не задохнулась от переполнявших чувств, когда он подошел к тому месту, где она сидела, и посвятил свою победу ее красоте. Он бросил ей свою шапочку, повернулся и пошел навстречу быку.

Свои заключительные манипуляции Эль Кордобес выполнял в самом центре арены, с каждым разом двигаясь все изящнее и ближе к бычьим рогам. И каждый раз толпа издавала единый первобытный вопль, ее громовой рев разрывал мертвую тишину, которая сопровождала последний акт этой драмы.

В конце концов матадор приготовился покончить с быком прямо напротив того места, где сидела Изабелла. Пока он изучал быка, держа перед собой длинный серебристый клинок, Рамон вцепился ей в руку и горячо зашептал:

– Смотри! Он убьет его «ресибиенто» – самым опасным приемом!

И когда бык в последний раз отчаянно бросился на него, Эль Кордобес, вместо того чтобы бежать ему навстречу, ждал, выпрямившись во весь рост, и поразил свою жертву одним ударом, вонзив шпагу прямо поверх рогов. Остро отточенный клинок рассек большую артерию, и кровь хлынула сплошным потоком.

На обратном пути в гостиницу оба не произнесли ни слова, ибо были в каком-то трансе, их охватил экстаз, мистическое, почти религиозное чувство. Кровавое, жестокое и в то же время трагически-прекрасное зрелище не только не утомляло или опустошало, но и обостряло эмоции до такой степени, что они оказались во власти мучительной, невыносимой душевной агонии, требовавшей немедленной разрядки. И Изабелла чувствовала, что желание Рамона еще сильнее и неудержимее, чем ее собственное.

Когда они остались вдвоем в спальне, двойные двери и обитый железом балкон которой выходили в сад, окружавший старинный мавританский дворец, Рамон поставил ее в самом центре комнаты. Раздел под тихое гудение старомодного вентилятора, вращавшего свои лопасти высоко над их головами. Казалось, что это еще один ритуал, столь же древний, как и коррида. Она стояла перед ним нагая, он опустился на колени у ее ног, обхватил руками бедра и уткнулся лицом в густые и теплые заросли мягких лобковых волос.

Изабелла гладила его по голове с нежностью, какой никогда прежде не испытывала ни к одному живому существу, но в этой нежности была великая печаль и смирение. Ибо чувствовала, что такая любовь священна и она не достойна ее. Слишком тяжелая ноша для простого смертного.

Наконец он поднялся, взял ее на руки, как ребенка, и отнес на кровать. И все произошло как будто впервые, казалось, что он проник в самые тайные глубины ее естества, ее тела и души, открыл в ней нечто такое, о существовании чего она даже не подозревала.

Все законы мироздания, время и пространство потеряли всякий смысл в его объятиях. Вечность и миг слились воедино. Подобно пылающей комете, она неслась и неслась по вечному кольцу небес, где не было ничего, кроме райского блаженства. А когда смотрела в зеленые глаза, с неземной радостью видела, что их души слились столь же неразрывно, как их плоть, и вместе совершают все это невероятное путешествие. И когда показалось, что путь этот пройден до конца, что жизненные силы покидают ее, внутри произошло извержение, и горячий, обильный поток затопил ее целиком подобно вулканической лаве.

Погас последний солнечный луч, вечерняя тень заполнила комнату, и она почувствовала себя столь опустошенной, что не могла ни говорить, ни двигаться; хватило сил лишь на то, чтобы заплакать от изнеможения и беспредельного удовлетворения, и она плакала и плакала, пока сон наконец не овладел ею.

Теперь, когда у нее был Рамон, весь мир стал светлее и радостнее.

Лондон, и без того самый очаровательный и жизнелюбивый из всех городов, превратился в настоящий земной рай. Он сиял перед ее восхищенным взором, будто окутанный сверкающей золотой пеленой. А каждая проведенная с Рамоном минута становилась бесценным бриллиантом в этой золотой оправе.

Когда они с отцом три года назад прибыли в Лондон, Изабелла возобновила свои университетские занятия и получила степень бакалавра. Отец, приятно удивленный столь неожиданной тягой к знаниям, посоветовал поступить на Афро-Азиатский факультет Лондонского университета, где она начала готовить докторскую диссертацию на тему «Помощь постколониальной Африке». Работа продвигалась успешно, и Изабелла надеялась в основном завершить ее до окончания срока пребывания отца на его посту и возвращения в Кейптаун.

Но все это было до того, как в ее жизни появился Рамон. С этого времени она превратилась в бессовестную прогульщицу. За все недели, прошедшие после возвращения из Испании, ни разу не заглянула к своему научному руководителю, да и к книгам практически не прикасалась.

Вместо того чтобы работать над диссертацией, она вставала спозаранку и спешила к Рамону, чтобы покататься с ним верхом в парке или пробежаться по набережной. Иногда вместе занимались в стареньком спортзале в Блумсбери, принадлежавшем одному венгерскому эмигранту, который покинул свою родную страну после неудачного восстания. Там Рамон начал посвящать ее в тайны дзюдо и прочих боевых искусств, в которых сам достиг прямо-таки пугающего совершенства.

Иногда они бродили рука об руку по музеям и картинным галереям. Любовались полотнами Тернера в Тейте или высмеивали творения новоиспеченных членов Королевской академии. Но все прогулки неизменно завершались в постели на кенсингтонской квартире Рамона. Ей даже в голову не приходило поинтересоваться у него, почему он столько времени проводит с ней, а не в своем банке. Просто с благодарностью принимала это как должное.

– Ты превратил меня в форменную наркоманку. Ты нужен мне, как ежедневная доза.

И в самом деле, когда он на восемь дней уехал из Лондона по каким-то таинственным делам своего банка, она хандрила, чахла и по-настоящему заболела, вплоть до того, что ее рвало по утрам, как при ломке. Постоянно держала у него на квартире с полдюжины разных комплектов одежды и полный набор духов и косметики; взяла себе за правило каждый день покупать цветы и продукты. Она была отличным кулинаром, и ей очень нравилось его кормить.

Она стала пренебрегать своими обязанностями в посольстве. Всеми правдами и неправдами уклонялась от официальных приемов и часто бросала шеф-повара на произвол судьбы. Отец сделал ей выговор за изменившееся поведение.

– Тебя теперь никогда не бывает дома, Белла. На тебя абсолютно нельзя положиться. Няня говорит, что на прошлой неделе ты только два раза ночевала дома.

– Няня неисправимая сплетница – да к тому же еще и врунья.

– Ну и что же происходит, юная леди?

– Па, дорогой, я уже совершеннолетняя, ведь мы договаривались, что я не должна буду перед тобой отчитываться в своей личной жизни.

– Да, но мы договаривались и о том, что ты будешь время от времени появляться на моих приемах.

– Па, ну не дуйся. – Она поцеловала его. – Через несколько месяцев мы вернемся в Кейптаун. И там тебе уже не нужно будет меня опекать.

Тем не менее в тот вечер она спросила Рамона, не мог бы он прийти на коктейль, который Шаса устраивал в посольстве на Трафальгарской площади в честь приезда в Лондон известного южноафриканского писателя Алана Пейтона.

Рамон целую минуту сосредоточенно обдумывал это предложение, прежде чем отрицательно покачать головой.

– Нет, мне еще рано знакомиться с твоим отцом.

– Почему, дорогой? – До сих пор она не придавала этому значения, но сейчас его отказ задел ее.

– На это есть причины. – Иногда он бывал так чертовски загадочен. Ей очень хотелось вытянуть из него все секреты, но она хорошо знала, что это бесполезно. Единственный мужчина, на которого не действовали ее чары. За прекрасной внешностью скрывалась стальная натура.

«В этом-то и заключается его привлекательность», – уныло усмехнулась про себя. Белла, впрочем, по большому счету ни с кем не хотела его делить, даже с отцом. И была абсолютно счастлива, когда они оставались вдвоем и наслаждались своей любовью, не нуждаясь ни в чьем обществе.

Правда, время от времени обедали в «Лез Эй» или «Белом слоне» с Харриет или с кем-либо еще из бесчисленных знакомых, которых Изабелла приобрела за эти три года. Пару раз сходили в «Аннабел» потанцевать вместе со всей честной компанией, но чаще всего сбегали от всех, чтобы остаться вдвоем. Что касается Рамона, то у него, похоже, вовсе не было друзей, или, во всяком случае, он никогда с ними не знакомил. А ее это совершенно не волновало.

По уик-эндам, когда ей удавалось отвертеться от официальных посольских мероприятий, они с Рамоном кидали свои спальные мешки и теннисные ракетки в багажник «миникупера» и отправлялись за город. Возвращались, как правило, поздно ночью в воскресенье.

В начале августа решили изменить своим отшельничьим привычкам и взяли билеты на поезд в Шотландию. Они были приглашены Харриет Бошан в родовое поместье на открытие сезона тетеревиной охоты. Сам граф ревностно соблюдал правила этикета, согласно которым дамам не позволялось стрелять в первый день сезона. Тем не менее им было разрешено подбирать убитых птиц или присоединиться к загонщикам. К тому же граф не слишком жаловал иностранцев, особенно тех из них, кто предпочитал двустволки со стволами, расположенными один над другим, а не параллельно, да к тому же стрелял из итальянских ружей, а не английских.

Так что во время первого гона он поставил Рамона на самый край линии стрелков. Внезапно сразу три выводка вылетели справа; они неслись как угорелые на скорости тридцать миль в час, причем так низко, что едва не задевали верхушки вереска. Изабелла заряжала Рамону ружья. Он уложил по четыре птицы из каждого выводка. Сначала подстрелил по две, когда они были перед ним. Затем, когда птицы пролетали над головой, Изабелла передала ему второе ружье. И вновь – по две птицы, но уже за линией стрелков. Всего двенадцать птиц двенадцатью выстрелами. Даже старший егерь удивленно покачал седой головой.

– Я не видел ничего подобного за последние тридцать три сезона, – мрачно сообщил он графу. – Бьет дичь, как Грей или Уолсингам, – наповал прямо в воздухе, так что она даже не трепыхается. – Сравнение с лучшими стрелками в истории Англии представляло собой высшую похвалу.

Граф незамедлительно пересмотрел свои правила, и при втором гоне Рамон занял один из лучших номеров в самом центре линии. А вечером, за длинным обеденным столом, он удостоился высочайшей чести беседовать с графом лично, причем его сиятельство по большей части адресовал свои реплики именно ему, через головы сидевших между ними епископа и баронета. Словом, начало уик-энда удалось на славу. Харриет устроила так, чтобы Рамона и Изабеллу поселили в соседних комнатах в самом дальнем конце огромного старого загородного дома.

– Отец страдает бессонницей, – объяснила она. – А ваши с Рамоном концерты звучат как «Болеро» Равеля в исполнении оркестра Берлинской филармонии.

– Ты просто маленькая бесстыжая потаскушка, – парировала Изабелла.

– Кстати, о потаскушках, солнышко. Ты уже сообщила Рамону свой маленький сюрприз? – медовым голосом осведомилась Харриет.

– Я жду подходящего момента. – Изабелла моментально приняла защитную стойку.

– Мой богатый опыт подсказывает, что для подобных новостей подходящих моментов не бывает.

На сей раз Харриет оказалась права. В течение всего уик-энда удобного случая так и не представилось. И когда их поезд был уже на полпути к Лондону, Изабелла решила, что откладывать разговор больше нельзя. К счастью, они были вдвоем в купе, и никто не мешал.

– Знаешь, дорогой, в прошлую среду я ходила к врачу – не посольскому, а к другому, которого мне рекомендовала Харриет. Сдала анализы, а в пятницу был получен результат... – Она сделала паузу, чтобы понаблюдать за реакцией. Но не увидела на его лице ни малейших изменений; он все так же смотрел на нее слегка отрешенным взглядом своих зеленых глаз, и ее вдруг охватил необъяснимый ужас. Ну конечно, ничто не могло омрачить их чувств, ничто не могло повлиять на их безграничную любовь, и все же она кожей почувствовала в нем какую-то настороженность, как будто он отдаляется от нее. Помимо своей воли выложила ему все на едином дыхании.

– Я уже почти два месяца беременна. Это, должно быть, случилось в Испании, возможно, в тот день, в Гранаде, после боя быков... – Она вся дрожала, голос прервался, но тут же продолжила: – Я не знаю, как это могло произойти. То есть я ведь принимала таблетки, строго по рецепту, клянусь тебе, ты же сам видел... – Чувствовала, что оправдывается самым унижительным образом, забывая о всяком достоинстве, но ничего не могла с собой поделать. – Я понимаю, что была жуткой растяпой, дорогой, но ты ради Бога не волнуйся. Все будет хорошо. Харриет в прошлом году тоже залетела. И ездила в Амстердам к одному доктору; он все сделал быстро и без проблем. То есть улетела вечером в пятницу, а уже в воскресенье вернулась в Лондон – будто ничего и не было. Она дала мне его адрес и даже предложила поехать со мной, для поддержки...

– Изабелла! – Он резко оборвал ее. – Перестань. Помолчи и послушай меня! – Она осеклась и со страхом уставилась на него. – Ты сама не знаешь, что говоришь. – Голос его был холоден и беспощаден. – То, что ты предлагаешь, чудовищно!

– Прости меня, пожалуйста, Рамон. – Она была совершенно сбита с толку. – Мне, наверно, не нужно было посвящать тебя во все эти детали. Мы с Харриет могли бы сами...

– Харриет просто маленькая пустоголовая шлюшка. И если ты собираешься отдать в ее руки жизнь моего ребенка, то становишься ничуть не лучше ее.

Изабелла изумленно посмотрела на него. Такой реакции она никак не ожидала.

– Ведь это чудо, Изабелла, величайшее чудо и таинство во всей вселенной. А ты хочешь его уничтожить. Это же наш ребенок, Изабелла. Это новая жизнь, новая, прекрасная жизнь, созданная нашей любовью. Неужели ты этого не понимаешь? – Он наклонился к ней и взял за руку, и она увидела, как теплеют его глаза. – Это то, что мы вместе создали, наше общее чудо. И принадлежит нам обоим, нашей любви.

– Значит, ты на меня не сердишься? – спросила неуверенно. – Я думала, ты рассердишься.

– Я горд и признателен, – прошептал он. – Я люблю тебя. Ты мне бесконечно, бесконечно дорога. – Поднял ее руки, держа за запястья, и бережно положил их ей на живот. – И я люблю то, что там внутри; оно столь же дорого мне, как и ты. – Наконец-то он произнес эти слова. «Я люблю тебя», – он так и сказал.

– О Рамон, – слезы застилали ей глаза, – ты такой замечательный, такой нежный, такой добрый. Это настоящее чудо, что мне посчастливилось повстречать такого человека, как ты.

– И ты родишь мне ребенка, любимая моя.

– О да! Тысячу раз да, любимый. Я так счастлива и горда. – Вся ее нерешительность вмиг испарилась, уступив место столь радужным надеждам, что рядом с ними все прочее не имело никакого значения.

Все последующие дни Изабелла пребывала в состоянии безудержной эйфории. Отныне ее любовь к Рамону приобрела новое, более глубокое качество; то, что до сих пор было захватывающим, но ни к чему не обязывающим, теперь приобрело целенаправленность и смысл. В своем возбуждении она десять раз порывалась рассказать обо всем няне, и единственное, что еще удерживало от этого, так это простая мысль, что невоздержанная на язык старуха в двадцать четыре часа известит о грядущем событии все посольство, включая, разумеется, отца. Подобные соображения в конце концов заставили спуститься на землю и подумать о вещах чисто прозаических. Ведь она была уже на третьем месяце, а няня имела особый нюх на такие пикантные ситуации. Дома в Велтевердене, их родовом поместье, ни одна из горничных, служанок или работниц не могла укрыться от ее орлиного взгляда; их интересное положение определялось со сверхъестественной точностью. Если учесть, что няня каждый вечер купала ее – разумеется, когда она ночевала дома, то можно было только удивляться, как она до сих пор еще не обнаружила произошедшей с Изабеллой перемены.

На тот вечер Рамон достал билеты на фестиваль фламенко в «Друри-лейн», но она позвонила ему в банк по личному телефону.

– Рамон, любимый, мне что-то не хочется никуда сегодня идти. Я хочу побыть с тобой наедине. Приготовлю обед. Когда ты вернешься домой, он уже будет на столе, а потом мы послушаем новую запись фон Караяна.

По его голосу она поняла, что он не слишком-то обрадовался. Всю неделю предвкушал этот фестиваль. Иногда он вел себя как испанец. Даже настоял на том, чтобы она начала изучать испанский язык, и подарил ей набор пластинок с лингафонным курсом. Но она противилась, пустив в ход весь набор своих самых бессовестных уловок, и в конце концов он капитулировал.

По дороге из посольства к его квартире Изабелла дважды останавливалась, чтобы сделать покупки. Сначала прихватила бутылку «Поля Роджера» и бутылку «Монтраше» из личного погреба отца у «Братьев Берри», вино торговцев с Сен-Джеймс-стрит. Затем заехала в «Харродз» и отобрала дюжины уистабльских устриц и пару отличных телячьих отбивных.

Через окно, выходящее на улицу, она видела, как Рамон появился из-за угла и не спеша зашагал по тротуару к подъезду. В своем костюме-тройке он выглядел стопроцентным англичанином. Живя в Лондоне, даже носил с собой складной черный зонт, а на голову надевал котелок; и в таком виде был олицетворением молодого банковского служащего. Он обладал редкостным даром гармонично сливаться с окружающим; в каком бы месте он ни появлялся, производил впечатление человека, именно здесь родившегося.

Она открыла шампанское; едва услышав стук входной двери, наполнила бокалы и поставила их рядом с серебряным подносом, где с кубиками льда разложила открытых устриц. С трудом удержалась от того, чтобы не броситься навстречу ему в крохотную перед-

нюю, и торжественно встретила на пороге гостиной. Тут она дала волю своим чувствам, и поцелуй вышел долгим и страстным.

– У нас сегодня праздник? – осведомился он, все еще обнимая ее за талию, когда увидел поднос с устрицами и два бокала на высоких ножках, в которых мягко пенилось желтое вино. Она взяла один из них, подала ему, затем посмотрела на него поверх своего.

– Добро пожаловать домой, Рамон. Я просто хотела показать тебе, как все это будет, когда мы с тобой поженимся.

Что-то дрогнуло в его глазах; это было тем более заметно, что она никогда прежде не видела ничего подобного. Прежде взгляд всегда был ровным и уверенным.

Он не прикоснулся к вину, молча поставил бокал на место, и ужасное предчувствие катастрофы охватило ее.

– В чем дело, Рамон?

Не дав ей выпить, он взял у нее бокал с шампанским и поставил его на ореховый столик.

– Белла. – Он повернулся к ней и взял ее руки в свои. – Белла, – еще раз повторил он очень мягко, с глубокой печалью, затем поднес ее открытые ладони к губам и поцеловал их.

– В чем дело, Рамон? – Ужас стиснул ей грудь, не хватало воздуха, она задыхалась.

– Я не могу жениться на тебе, любимая.

Изабелла смотрела на него и чувствовала, как подкашиваются ноги.

– Я не могу жениться на тебе, любимая, во всяком случае, пока еще не могу.

Она высвободила руки и отвернулась. С трудом добралась до кресла и медленно опустилась в него.

– Почему? – Она спросила тихо, не глядя в его сторону; он подошел к ней и встал на колени у ее ног. – Ты хочешь, чтобы я родила тебе ребенка, тогда почему же ты не можешь жениться на мне?

– Белла, поверь, больше всего на свете я хотел бы быть твоим мужем и отцом нашего ребенка, но...

– Тогда почему? – повторила она почти машинально.

– Любимая, прошу тебя, выслушай меня. Не говори ничего, пока не выслушаешь меня до конца.

Теперь она подняла глаза и взглянула ему в лицо.

– Дело в том, что девять лет назад в Майами я женился на кубинской девушке.

Изабелла содрогнулась и закрыла глаза.

– Этот брак был обречен с самого начала. Мы прожили вместе всего несколько месяцев перед тем, как расстаться, но мы оба католики... – Замолчал и дотронулся до ее бледной щеки. Она отстранилась, и он тихо вздохнул. – Я все еще женат на ней.

– Как ее зовут? – спросила Изабелла, не открывая глаз.

– Зачем тебе это?

– Я хочу знать. – Ее голос стал тверже.

– Натали.

– А дети?

– Детей у нас нет. Твой ребенок будет моим первенцем. – Он видел, как ее щеки вновь порозовели. Через минуту она открыла глаза, но они были полны такого отчаяния, что из синих превратились в черные.

– О, Рамон! Что же нам теперь делать?

– Я уже начал предпринимать все, что в моих силах. Когда мы вернулись из Испании, еще до того как ты рассказала мне о ребенке, я уже тогда знал, что ты должна стать моей женой, и я добьюсь этого, чего бы мне это ни стоило.

– О, Рамон! – Она смахнула ресницами набежавшую слезу и стиснула его руки.

– Натали все еще живет в Майами со своей семьей. Мне удалось связаться с ней. Мы несколько раз разговаривали по телефону. Она очень набожна. Она заявила, что ничто на свете не заставит ее развестись со мной.

Изабелла не отрываясь смотрела на него, а при этих словах горестно покачала головой.

– Я звонил ей три вечера подряд. И мы наконец нашли нечто более важное для нее, чем ее духовник и сам Господь Бог.

– И что же это?

– Разумеется, деньги, – сказал он с ноткой презрения в голосе. – У меня еще сохранилась большая часть денег, которые я выиграл во время той стрельбы по голубям. И она наконец согласилась за пятьдесят тысяч долларов переехать в Рино и подать там на развод.

– Любимый мой! – прошептала Изабелла; радость вновь засияла в ее глазах. – Слава Богу! Когда же? Когда она поедет туда?

– В этом-то и загвоздка. Придется подождать. Я не могу слишком ее торопить. Я хорошо знаю Натали. Если она пронюхает что-то про тебя и догадается, зачем мне нужен развод, то выжмет из нас все соки. Обещала поехать в Рино в начале следующего месяца. Говорит, что должна позаботиться о работе и о своей семье. У нее больная мать.

– Все это понятно, – нетерпеливо перебила его Изабелла. – Но сколько времени все это займет?

– В штате Невада существует определенный порядок, связанный с цензом оседлости. Ей нужно будет прожить в Рино три месяца, чтобы получить развод.

– К тому времени я буду уже на шестом месяце. – Изабелла задумчиво грызла костяшки собственных пальцев, затем выражение ее лица изменилось. – Послушай, ведь мы же с отцом скоро должны улететь в Кейптаун. Боже, Рамон, какая получается путаница!

– Ты не можешь вернуться в Кейптаун, – решительно заявил Рамон. – Я не смогу жить без тебя, к тому же скоро все твои близкие и друзья заметят, что ты беременна.

– Так что же мне делать?

– Остаться со мной, пока я не получу развода. Я слишком люблю тебя, чтобы дать тебе уехать. И я не хочу пропустить ни дня из жизни моего сына.

Она наконец смогла улыбнуться.

– Значит, это точно будет сын?

– Конечно. – Он кивнул с деланной серьезностью. – Нужно же кому-то передать титул. Ну что, Белла, ведь ты останешься со мной, да?

– Но что же я скажу отцу и бабушке? Ладно, папу я как-нибудь уговорю, но вот бабушка!.. – Изабелла закатила глаза. – Сантэн Кортни-Малькомесс – это наш семейный дракон. Она извергает пламя и пожирает свои жертвы с потрохами, так что даже костей не остается.

– Ну что ж, я укрошу вашего дракона.

– А знаешь, я думаю, что у тебя может получиться. – Изабелла почувствовала огромное облегчение, ее охватило легкомысленное веселье. – Ибо если кому-то и удастся покорить бабюлю, так это будешь именно ты, дорогой.

То, что Сантэн Кортни-Малькомесс находилась в шести тысячах миль отсюда, несколько облегчало ее задачу. Изабелла готовила почву с величайшей тщательностью. Сначала она занялась отцом. В мгновение ока вновь превратилась в послушную дочь и гостеприимную хозяйку. С головой и прежним рвением ушла в организацию всевозможных мероприятий, отмечавших последние недели пребывания Шасы Кортни в должности посла.

– Поздравляю тебя с возвращением, не знаю, правда, откуда, – сухо сказал ей Шаса после окончания одного из наиболее удавшихся ей приемов. – Знаешь, мне тебя очень не хватало.

Они стояли рука об руку у парадного подъезда Хайвелда, наблюдая за отъезжающим лимузином, который увозил последнего из гостей.

– Час ночи. – Шаса взглянул на часы, но Изабелла опередила его:

– Еще рано. – Она стиснула его руку. – Как раз время пропустить на ночь стаканчик и выкурить последнюю сигару. К тому же за весь вечер у нас не было ни единой возможности поговорить.

Днем «Давидоффс» прислали ему дюжину сигар из его личного запаса, хранившегося на их складе со специальной системой увлажнения на Сен-Джеймс. Изабелла поднесла одну из них к уху и покатала между пальцами.

– Отлично, – пробормотала она.

Шаса устроился поудобнее в обитом кожей кресле в другом конце комнаты. В этот вечер хозяева и гости в полной мере отдали дань уважения бордо и портвейну, но его единственный глаз был по-прежнему чист и ясен. А черная шелковая повязка, закрывавшая второй, имела столь же девственно-чистый вид, как и безукоризненная по форме бабочка у воротника белоснежной сорочки.

Он рассматривал дочь с нескрываемым восхищением, как будто она была чистокровной кобылой из его конюшен или жемчужиной его картинной галереи. И пришел к решительному выводу, что Изабелла не имеет себе равных по красоте во всем роде Кортни.

Его мать в молодости считалась несравненной красавицей. Шаса плохо помнил, как она выглядела в зените своей красоты, но в гостиной Велтерведена висел ее портрет того времени кисти Аннигони. Даже сделав скидку на льстивую кисть художника, можно было понять, что перед тобой необыкновенная женщина. В темных глазах читалась огромная внутренняя сила. И теперь, в шестьдесят девять лет, она еще была великолепна, сохранив и красоту, и жизненную энергию; и все же не могла сравниться со своей внучкой, чья юная красота только приближалась к своему расцвету.

Изабелла отрезала кончик сигары золотым ножом для бумаг, лежавшим на рабочем столе отца. Затем зажгла кедровый фитиль и держала его, пока он раскуривал сигару. После чего потушила фитиль, достала круглую хрустальную рюмку и налила в нее немного коньяку.

– Сегодня утром профессор Симмондз прочел очередную главу моей диссертации.

– А, ты все еще достаиваешь университет своим посещением? – Шаса внимательно рассматривал обнаженные плечи дочери в мягком свете камина. Да, эту безупречную кожу, чистую и блестящую, как слоновая кость, она унаследовала от своей матери.

– Ему понравилось. – Изабелла проигнорировала иронию.

– Ну, если она того же качества, что и первые сто страниц, которые ты мне давала читать, то Симмондз, возможно, и прав.

– Он хочет, чтобы я осталась здесь и закончила работу. – Она не смотрела на него. Шаса почувствовал, как что-то оборвалось внутри.

– Здесь, в Лондоне, одна? – Реакция была машинальной.

– Одна? С пятью сотнями друзей, сотрудниками лондонского представительства «Кортни энтерпрайсес», собственной матерью!.. – Она поднесла ему рюмку с коньяком. – Согласись, я буду не слишком-то похожа на маленькую девочку, брошенную на произвол судьбы в незнакомом городе.

Шаса промычал что-то неопределенное и глотнул коньяку, отчаянно пытаясь найти какой-нибудь более убедительный аргумент в пользу того, что ей следует вернуться с ним в Кейптаун.

– А где ты будешь жить? – пробурчал он наконец.

– Ну, это явная осечка. – Изабелла открыто рассмеялась и взяла у него сигару. Глубоко затянулась и выпустила колечко дыма через вытянутые в трубочку губки прямо ему в лицо. –

Как тебе хорошо известно, на Кадогэн-сквер есть одна квартирka, которая обошлась тебе почти в миллион фунтов. И при этом стоит совершенно пустая. – И она вернула ему сигару.

Разумеется, она была права. Поскольку они жили в официальной резиденции посла, семейная квартира все эти годы пустовала. Он растерянно замолчал; увидев, что он прижат к канатам, Изабелла нанесла решающий удар:

– Па, ведь ты же так мечтал о моей докторской степени. Неужели теперь ты хочешь, чтобы все мои труды пошли насмарку?

Шаса храбро бросился в контратаку:

– Поскольку ты, как я вижу, все так тщательно продумала, ты, наверное, уже обо всем договорилась с бабушкой.

Изабелла подошла к креслу, нагнулась и поцеловала его в макушку.

– Па, дорогой, я надеялась, что с бабушкой договоришься ты.

Шаса глубоко вздохнул.

– Маленькая ведьма, – пробормотал он. – Ты хочешь, чтобы я сам себя зарезал.

Итак, теперь можно было рассчитывать, что бабушку отец возьмет на себя; оставалось уломать няню. К этой операции Изабелла приступила заблаговременно; перед тем как сообщить печальную новость, она дня два без конца перечисляла ей имена и достоинства всех семнадцати внуков, с нетерпением ожидавших ее возвращения в Велтеверден. Няня не видела их целых три года, три долгих английских зимы, и эти разговоры были как бальзам для души.

– Ты только представь себе, няня. Когда корабль причалит к берегу, там у нас на Мысе будет уже весна, и Йоханнес будет ждать тебя на пирсе. – Йоханнес был главным конюхом в Велтевердене и любимым сыном няни. Старуха слушала с сияющими глазами. Когда же Изабелла наконец выложила главную новость, няня воздела руки к небесам, причитая о неблагодарности и утрате чувства долга современной молодежью. Затем она два дня дулась, но этим все и ограничилось.

Изабелла поехала провожать их в Саутгемптон. Новый «астон-мартин» Шасы был поднят на борт лайнера компании «Юнион касл» жирафоподобным краном; слуги все как один выстроились на пирсе, чтобы проститься с ней. Она по очереди обняла их всех – от малайца шеф-повара до шофера Клонки. Затем поцеловала няню, и та разрыдалась.

– Ты, может быть, никогда больше не увидишь эту старую клячу. Вот увидишь, тебе будет меня не хватать. Вспомни, как я нянчила тебя...

– Да будет тебе, няня. Ты еще понянчишь всех моих детей. – Она затронула весьма опасную тему, но в данный момент нянины чувства были явно притуплены. Напротив, такая перспектива заставила ее отбросить мрачные мысли о грядущей кончине, и она заметно приободрилась.

– Возвращайся поскорее, девочка моя, а уж дома твоя старая няня о тебе позаботится. Все дело в этой горячей крови Кортни – ничего, мы подыщем тебе хорошенького южноафриканского мальчика.

Когда Изабелла подошла проститься с Шасой, то неожиданно для себя почувствовала, что никак не может сдержать слез. Шаса вручил ей белоснежный носовой платок, хранившийся в кармане его двубортного блейзера. Когда же она вытерла слезы и вернула ему платок, он громко высморкался и потерял им свой единственный глаз.

– Чертов ветер! Все глаза запорошил.

Пока лайнер отчаливал от набережной и выходил на речной форватер, Изабелла ясно видела его высокую, элегантную фигуру на верхней палубе у самых перил; но он стоял один, слегка поодаль от остальных пассажиров. После развода так и не женился. Она знала, что с той поры он встречался с десятками женщин, красивых, талантливых, в самом соку, и тем не менее по-прежнему оставался один.

«Неужели ему никогда не бывает одиноко?» – думала она и махала вслед до тех пор, пока отец не превратился в едва различимую точку на верхней палубе.

Когда она возвращалась в Лондон, дорога перед ней то и дело расплывалась из-за влажной, горячей пелены на глазах.

«Это все из-за ребенка. Из-за него я становлюсь слезливой и сентиментальной. – Похлопала себя по животу, пытаясь нащупать выпуклость, и с некоторым разочарованием обнаружила, что он по-прежнему плоский и твердый. – Боже, что, если все это просто ложная тревога?»

От этой мысли ее меланхолия усилилась, и она потянулась за пачкой «клинексов», всегда бывшей под рукой в ее «мини».

Но когда поднялась по лестнице, дверь сама распахнулась, и Рамон прямо на пороге заключил ее в объятия. И слезы моментально высохли.

Квартира на Кадогэн-сквер занимала два первых этажа красного кирпичного дома викторианской эпохи. В ней было пять больших спален, а стены хозяйских апартаментов обшиты зеленовато-голубыми и серебристыми старинными панелями, которые, по некоторым сведениям, когда-то украшали будуар мадам де Помпадур. На потолке изображены хороводы обнаженных лесных нимф и злобно скалящихся сатиров. К вящему огорчению Шасы, Изабелла называла всю красоту не иначе, как «борделем в стиле Людовика Пятнадцатого».

Она использовала эту квартиру исключительно как официальное прикрытие и приходила сюда по пятницам, чтобы забрать почту и попить чайку в буфетной на первом этаже с постоянно жившей здесь экономкой. Экономка была ее сообщницей и в качестве таковой отвечала на все телефонные звонки из Велтевердена и других отдаленных мест.

Свой настоящий дом Изабелла устроила в маленькой квартирке Рамона. Когда выделенный ей гардероб оказался слишком мал для ее вещей, она стала поочередно привозить туда свои наряды из бездонного хранилища на Кадогэн-сквер. В антикварном магазинчике на Кенсингтон-Черч-стрит откопала маленький изящный письменный стол, который идеально вписывался в угол комнаты у самой кровати, и устроила там нечто вроде рабочего кабинета.

Их жизнь потекла размеренно и буднично, как у обычной семейной пары. Вставали рано утром, делали зарядку или катались верхом; бегать Изабелле запретил гинеколог. «Там внутри у тебя плод, моя дорогая, а не сливки, которые нужно взбивать». Затем, когда Рамон уходил в банк, она усаживалась за письменный стол и добросовестно работала над диссертацией до ленча. Ели они вместе в «Джастин де Бланк» или в диет-баре в «Харродз», так как ради здоровья ребенка Изабелла отказалась от алкоголя и села на строгую диету.

– Я не желаю раздуться, как жаба. Не хочу вызывать в тебе отвращение.

– Ты самая соблазнительная женщина в мире, а беременность сделала тебя еще прекрасней, – возразил он и дотронулся до ее груди.

– Я советовалась с врачом, и он сказал, что у меня все в порядке и нам вовсе не нужно поститься, – хихикнула она. – Надеюсь, что в «скорой помощи», которая отвезет меня в роддом, найдутся удобные двуспальные носилки, на которых мы могли бы по-быстрому перепихнуться по дороге.

После ленча она навещала своего научного руководителя или до вечера сидела в читальном зале Британского музея. Потом на всех парах мчалась домой на «мини», чтобы успеть приготовить обед Рамону. К счастью, перед отъездом отец сумел договориться, чтобы ей оставили дипломатические номера, и теперь она парковала машину прямо у тротуара напротив входной двери, мило улыбаясь при этом озадаченному дорожному инспектору.

По вечерам они все чаще оставались дома, разве что время от времени заглядывали в театр или обедали где-нибудь с Харриет и ее очередным увлечением. Обычно же сваливали на пол все имеющиеся в доме подушки, растягивались на них перед телевизором и принимались спорить, обсуждать всевозможные проблемы, ворковать и целоваться, как два голубка, не обращая ни малейшего внимания на бессмысленную болтовню героев одного из бесконечных телесериалов или нудные спортивные репортажи.

Когда ее упругий плоский живот начал наконец округляться, она распахнула свой шелковый халатик и с гордостью продемонстрировала свои достижения.

– Ну пощупай! – упрасивала она Рамона. – Разве это не прелесть?

– Да, – кивнул с видом знатока. – Определенно это мальчик.

– С чего ты взял?

– А вот. – Он взял ее руку и прижал к животу. – Разве ты не чувствуешь?

– Ах да, вроде что-то выпирает. Наверняка пошел в отца. Забавно, одна мысль об этом тянет меня в постель.

– Тебе хочется спать?

– Вряд ли.

Шаса оставил ей фирменный каталог «Харродз», и она приобрела там большую часть необходимой в нынешнем положении одежды, хотя Харриет регулярно таскала ее по многочисленным модным магазинчикам, специализирующимся на нарядах для будущих матерей. Облачившись в новый просторный халат, она отправилась записываться на предродовые курсы, которые настоятельно рекомендовал гинеколог. Неожиданно для себя обнаружила, что общество и разговоры беременных сокурсниц, которые совсем недавно показались бы смертельно скучными, теперь ей безумно нравились.

По меньшей мере раз в месяц Рамону приходилось улетать из Лондона по делам банка, и каждый раз он отсутствовал неделю или даже больше. Правда, он звонил отовсюду при первой возможности. И хотя она переносила его отлучки болезненнее, чем готова была признаться даже самой себе, зато, когда он возвращался, счастье ее бывало неопишимо.

После одной из таких поездок она встретила его в Хитроу и отвезла прямо домой. Он оставил свой чемодан в прихожей, бросил пиджак на спинку стула и направился в ванную.

Его испанский паспорт выпал из внутреннего кармана пиджака и плюхнулся на ковер. Она подняла и стала перелистывать, пока не дошла до фотографии. Недурна, но никакая фотография не могла сравниться с самим оригиналом. Перевернула страницу и взглянула на дату рождения. Это напомнило, что до дня рождения осталось всего две недели. Она решила устроить незабываемый праздник и уже присмотрела стеклянную статуэтку в антикварном магазине в Мейфере; маленькая изящная фигурка обнаженной женщины работы Рене Лалика. С удивлением обнаружила, что статуэтка как две капли воды похожа на нее, вплоть до чрезвычайно длинных ног и упругих мальчишеских ягодиц. Если бы не тот факт, что Лалик создал ее в период своей наибольшей популярности, пришедшейся на 20-е годы, можно было бы подумать, что позировала ему именно Изабелла. Правда, цена шокировала даже ее, и она все еще собиралась с духом, чтобы сделать покупку.

Повернула еще несколько страничек его паспорта, и ее взгляд упал на визу. Та была проставлена этим утром в Москве; Изабелла пораженно уставилась на нее.

– Дорогой, – окликнула она его из-за двери в ванную, – я думала, что ты был в Риме. Как же ты оказался в Москве? – Все, чему ее когда-либо учили, все ее южноафриканское воспитание указывало на Россию как на воплощение антихриста. От одного вида серпа и молота, слов, написанных кириллицей и отпечатанных в его паспорте, по телу пробежали мурашки отвращения.

За запертой дверью на целую минуту воцарилась мертвая тишина; затем она резко распахнулась, Рамон выскочил в одном нижнем белье и выхватил паспорт у нее из рук. Холодная ярость исказила его лицо; выражение глаз ужаснуло ее.

– Никогда больше не лезь в мои дела, – тихо произнес он.

Хотя он впоследствии ни разу не упоминал об этом инциденте, прошла почти неделя, прежде чем она почувствовала, что прощена. Этот случай так напугал ее, что она постаралась забыть о нем как можно скорее.

Однажды, в начале ноября, когда Изабелла заглянула на Кадогэн-сквер, экономка вручила ей последнюю почту. Как обычно, было письмо от отца, но под ним еще один конверт, отправленный из Йоханнесбурга, и с радостью она узнала почерк своего брата Майкла.

Все трое ее братьев так не похожи друг на друга – и внешне, и по характеру, и по своей индивидуальности, что просто нельзя отдать предпочтение ни одному из них.

Старший, Шон, был бесшабашным искателем приключений. До встречи с Рамоном она считала его самым красивым мужчиной из всех, кого знала. Свободолюбивая и необузданная натура заставляла его стать солдатом и охотником. Он уже удостоился Серебряного креста за отвагу, проявленную во время неприметной, но жестокой войны в родезийском буше. А когда не выслеживал террористов, то управлял огромными охотничьими угодьями «Кортни энтерпрайсес» в долине Замбези. Изабелла обожала его.

Второй брат, Гарри, был гадким утенком семьи Кортни. Это близорукий астматик, которого на протяжении всего несчастного детства называли не иначе, как Бедный Гарри. И тем не менее, несмотря на свою природную физическую ущербность, он в полной мере унаследовал силу духа, решительность и проницательность рода Кортни. А позже натренировал свое некогда тщедушное тело так, что оно обросло совершенно немыслимыми мускулами, грудь и плечи так раздались, что все костюмы приходилось шить по индивидуальному заказу. Вдобавок ко всему этот близорукий человек в очках в толстой роговой оправе, не наделенный от природы никакими спортивными талантами, развил в себе столь исключительную способность концентрировать все свои моральные и физические ресурсы, что смог стать результативным игроком в поло, достойным соперником мастера гольфа и непревзойденным стрелком из винтовки и дробовика.

Именно он сменил отца на посту президента и главного управляющего «Кортни энтерпрайсес». Несмотря на то что ему не исполнилось еще и тридцати лет, руководил корпорацией с многомиллиардным оборотом с теми же вдумчивостью, целеустремленностью и невероятным трудолюбием, с какими добивался всех поставленных перед собой целей. Но при этом никогда не забывал поздравить ее с днем рождения и немедленно откликался на любую просьбу Изабеллы, сколь бы обременительной или, наоборот, пустяковой она ни была. Она звала его Плюшевым медведем, потому что он был большим, волосатым и уютным, и нежно любила.

Наконец, Майкл. Милый, добрый Майкл, семейный миротворец, вечно задумчивый, легко ранимый романтик, единственный из Кортни, кто, невзирая на уговоры и личный пример отца и обоих братьев, за всю свою жизнь не убил ни одной птицы, ни одного животного. Вместо этого он написал и опубликовал одну за другой три книги: сборник стихов и исследования по истории и политике Южной Африки. Две последние были запрещены усердными южноафриканскими цензорами за неподобающий подход к расовым вопросам и дух политического радикализма. К тому же Майкл был известным журналистом и заместителем главного редактора «Голден сити мейл», многотиражной англоязычной газеты, которая упрямо и открыто выступала против националистического правительства Джона Форстера и проводимой им политики апартеида. Разумеется, восемьдесят процентов акций «Мейл» принадлежали «Кортни энтерпрайсес», иначе Майкл не смог бы занять столь ответственный пост в столь юном возрасте.

В детстве Майкл был главным защитником, советчиком и доверенным лицом Изабеллы; к тому же после бабушки – любимым рассказчиком. Она доверяла Майклу больше, чем кому бы то ни было, и если бы Шон не был таким замечательным, а Гарри таким милым и уютным, то Майкл наверняка стал бы ее самым любимым братом. А так она вынуждена была поровну распределять свою любовь между всеми тремя; однако в любом случае любила Майкла не меньше, чем остальных, и теперь, увидев его почерк на конверте, ощутила прилив нежности и одновременно острое чувство вины. Дело в том, что она не написала ему ни разу за последние шесть месяцев, с тех пор, как повстречала Рамона.

Второй абзац на первой странице письма тут же привлек ее внимание, как только она распечатала конверт; пропустила обычные приветствия и перешла прямо к нему:

Отец говорит, что ты живешь затворницей на Кадогэн-сквер и денно и ночно трудишься над своей диссертацией. Я очень рад за тебя, Белла. Тем не менее я уверен, что ты не занимаешь сразу все пять спален, и надеюсь, что смогу где-нибудь пристроиться. Пятнадцатого я прилетаю в Лондон и рассчитываю пробыть недели три. Не беспокойся, я практически все это время буду бегать по своим делам. Я уже составил график встреч и интервью, так что не буду обузой и не помешаю твоим занятиям...

Ситуация несколько осложнилась; теперь ей придется по-настоящему поселиться на Кадогэн-сквер на время пребывания Майкла в Лондоне. К счастью, этот период совпадал с очередной зарубежной поездкой Рамона. В любом случае предстояла разлука с ним. Так что общество Майкла оказывалось даже кстати.

Она отправила телеграмму на адрес редакции «Мейл» в Йоханнесбурге и взялась за обустройство квартиры на Кадогэн-сквер, чтобы придать ей мало-мальски обжитой вид. До приезда Майкла оставалась ровно неделя.

– Придется дать кое-какие объяснения, – заявила она Рамону, похлопав по своему аккуратно выпирающему животу. – К счастью, Майкл всегда все понимает. Я уверена, что вы двое прекрасно ладили бы. Я хотела бы вас познакомить.

– Хорошо, я попробую закончить свои дела пораньше и вернуться в Лондон, пока твой брат еще здесь.

– О, Рамон, дорогой, это было бы чудесно. Пожалуйста, попробуй.

Изабелла с нетерпением ждала, пока Майкл провезет свою тележку с багажом через ворота сектора международных линий аэропорта Хитроу; разглядев его в толпе, издала восторженный визг. Он сгреб ее в охапку, закружил, затем выражение его лица изменилось, он чрезвычайно осторожно поставил ее на землю; одного соприкосновения с животом было достаточно, чтобы понять, что к чему.

По дороге домой, сидя за рулем своего «мини», она во все глаза рассматривала его. Он был очень загорелым – это особенно бросалось в глаза жителю Лондона, отрастил длинные волосы по сегодняшней моде. Они ниспадали на воротник зеленой вельветовой куртки. Однако улыбка была такой же по-детски открытой, а взгляд синих, как и всех Кортни, глаз был лишен властной жестокости, свойственной остальным членам семьи, и взамен излучал какой-то мягкий задумчивый свет.

Она засыпала его вопросами о домашних делах, частично из неподдельного интереса, но главное – чтобы разговор не касался ее округлившегося живота. По словам Майкла, отец всецело посвятил себя своим новым обязанностям президента «Армскора». Бабушка с каждым днем становилась все более энергичной и деспотичной, правя Велтеверденом железной рукой. Дошла до того, что лично занялась выращиванием охотничьих собак и их обучением. Шон по-прежнему уничтожал отряды партизан и стада буйволов. Недавно он был назначен

капитаном запаса «Баллантинских скаутов», одного из элитных родезийских полков. Гарри только что осчастливил своих акционеров рекордными прибылями – уже шестой год кряду. Его жена Холли должна вот-вот родить. Все семейство на сей раз мечтало о девочке.

В этом месте своего рассказа Майкл многозначительно посмотрел на ее живот, но Изабелла, чтобы избежать объяснений, сделала вид, что полностью поглощена дорожным движением, и в конце концов благополучно довела «мини» до гаража, расположенного позади площади.

Майкл все еще не отошел от длительного перелета, так что она приготовила ему пенную ванну и принесла виски с содовой. Пока он нежился, она сидела рядом на крышке унитаза и болтала о всякой всячине. Ей никогда не приходило в голову находиться в ванной с Шоном или Гарри, но с Майклом они совершенно не стеснялись друг друга.

– Ты помнишь этот глупый детский стишок? – наконец перебил ее Майкл. – Как это там?

И сказал папа: «Точка,
В животе моем, дочка,
Есть еще что-то, кроме еды».

Изабелла прыснула, ничуть не смутившись.

– Вот что значит натренированный журналистский глаз. От него ничего не укроется, правда, Микки?

– Не укроется? – рассмеялся он вслед за ней. – Да при виде твоего пуза мой натренированный журналистский глаз чуть на лоб не вылез!

– Прелесть, не правда ли? – Изабелла выпятила живот как только могла и с гордостью по нему похлопала.

– Потрясающе! – охотно согласился Майкл. – И я не сомневаюсь, что отец с бабушкой при виде его были бы потрясены не меньше.

– Но ведь ты им не скажешь, Микки?

– Ну, мы ведь никогда не выдавали секретов друг друга. Так было и так будет. Весь вопрос в том, что ты, собственно говоря, собираешься делать с... как бы это выразиться... окончательным продуктом?

– Продуктом? Это ты так обозвал моего сына и собственного племянника? Как тебе не стыдно, Микки. А вот Рамон называет это величайшим чудом и таинством мироздания.

– Ах Рамон! Значит, так зовут этого злоумышленника. Что ж, я надеюсь, что на нем окажутся пуленепробиваемые штаны, когда бабуля поймает его со своим верным дробовиком, набитым картечью.

– Микки, он маркиз. Маркиз де Сантьяго-и-Мачадо.

– Ну, тогда совсем другое дело. На такого сноба, как наша бабушка, это наверняка произведет впечатление. Может быть, она сменит картечь на дробь.

– К тому времени когда бабушка об этом узнает, я уже буду маркизой.

– Ага, значит, коварный Рамон намеревается сделать из тебя порядочную женщину? Очень благородно с его стороны. И когда же это произойдет?

– Ну, здесь есть одна маленькая загвоздка.

– То есть он уже женат.

– Откуда ты знаешь, Микки? – Она разинула рот от удивления.

– А его жена не дает ему развод.

– Микки!

– Лапочка, это самая банальная и прокисшая лапша, которую в таких случаях вешают на уши. – Майкл встал во весь рост; мыльная вода ручьями стекала с него, и он потянулся за полотенцем.

– Микки, ты же его совсем не знаешь. Он не такой.

– Ты хочешь, чтобы я расценил это как абсолютно беспристрастное и строго объективное суждение? – Майкл вылез из ванны и начал энергично вытираться.

– Он любит меня.

– Это я вижу.

– Фу, как пошло.

– Слушай, Белла, обещай мне одну вещь. Если у тебя что-то будет не так, сначала сообщи мне. Обещаешь?

Она кивнула:

– Обещаю. Я по-прежнему считаю тебя своим лучшим другом. Но ты зря беспокоишься, у меня все будет хорошо. Вот увидишь.

Она повела его обедать в «Ма Квизи» на Уолтон-стрит. Этот ресторан пользовался такой популярностью, что они ни за что туда бы не попали, если бы Изабелла не заказала там столик в тот же день, когда она узнала о приезде Майкла в Лондон.

– Больше всего на свете мне нравится сопровождать дам в положении, – заявил Майкл, когда они уселись за свой столик. – Все мне улыбаются так сочувственно, будто переживают за меня.

– Не мели чепухи. Они улыбаются тебе просто потому, что ты такой красивый.

Поговорили о ее работе. Изабелла взяла с него слово прочесть труд и сделать замечания. Затем Майкл объяснил ей, что главной целью его приезда в Лондон было написать серию статей о движении против апартеида и о политических эмигрантах из Южной Африки, живущих в Великобритании.

– Я уже договорился об интервью с некоторыми из известных деятелей: Оливером Тамбо, Денисом Брутусом...

– Неужели ты думаешь, что наша цензура пропустит эту твою статью? – спросила Изабелла. – Они скорее всего опять запретят весь выпуск, и Гарри будет в бешенстве. Он всегда приходит в бешенство, когда корпорация несет убытки.

Майкл усмехнулся:

– Бедный старина Гарри. – Это прозвище так и пристало к нему, хотя теперь оно звучало, мягко говоря, неуместно. – В жизни для него существуют только два цвета – не черный и белый, как в морали, а черный и красный, как в финансовом отчете.

За десертом Майкл неожиданно спросил:

– А как мама? Ты давно с ней не виделась.

– Не мама, не мать и даже не мамуля, – язвительно поправила его Изабелла. – Ты прекрасно знаешь, что она считает все эти слова ужасно буржуазными. Что касается твоего вопроса – нет, с Тарой я давно не виделась.

– Белла, это наша мать.

– Ей следовало бы помнить об этом, когда она бросила отца и всех нас, сбежала с каким-то черномазым революционером и родила ему коричневого ублюдка.

– А тебе следовало бы быть чуть потерпимей, когда речь заходит о рождении маленьких ублюдков, – спокойно сказал Майкл и тут же заметил боль в ее глазах. – Прости меня, Белла, но ведь не только в твоем случае бывают особенные обстоятельства. И мы не должны судить ее слишком строго. Согласись, отца вряд ли можно назвать идеальным мужем, с которым так легко и просто жить; к тому же не всякий может приспособиться к бабушкиным правилам игры. Видишь ли, у некоторых из нас хищные инстинкты недостаточно сильно развиты. Мне кажется, что Тара с самого начала совершенно не вписывалась в нашу семью. Она никогда не

ощущала свою принадлежность к элите. Ее симпатии всегда были на стороне обездоленных, а затем она повстречала Мозеса Гаму...

– Дорогой мой Микки, – Изабелла наклонилась через столик и взяла его за руку, – ты самый добрый, самый понимающий человек на свете. Всю свою жизнь ты только и занимаешься тем, что находишь оправдания всем нашим поступкам и отводишь от нас Божью кару. Я так тебя люблю. И у меня нет ни малейшего желания с тобой спорить.

– Вот и чудно. – Он крепко стиснул ее руку. – Значит, мы вместе навестим Тару. Она регулярно писала мне. Изабелла, она просто обожает тебя и страшно по тебе скучает. И ей очень больно, что ты ее избегаешь.

– Черт тебя подери, Микки, ты меня обвел вокруг пальца, как ребенка. – Несколько секунд она сосредоточенно размышляла. – Но как я покажусь ей в таком виде? Я-то рассчитывала соблюдать все меры предосторожности.

– Тара – твоя мать, она любит тебя; к тому же наша Тара напрочь лишена всякого рода предрассудков. И ты прекрасно знаешь, что она не сделает ничего такого, что могло бы причинить тебе вред.

– Только ради тебя, – со вздохом капитулировала Изабелла. – Только ради тебя, Микки.

Итак, следующим субботним утром они вдвоем шагали вниз по Бромптон-роуд, и Майклу приходилось быстрее перебирать своими длинными ногами, чтобы успевать за ее легкой спортивной походкой.

– Ты тренируешься для души или в расчете на олимпийское золото? – ухмыльнулся он.

– Все дело в том, что ты слишком много куришь, – подначивала его Изабелла.

– Это мой единственный недостаток.

Тара Кортни, или Тара Гама, как она теперь себя называла, управляла маленькой гостиницей неподалеку от Кромвелл-роуд; ее постояльцами были почти сплошь экспатрианты и новые иммигранты из Африки, Индии и стран Карибского бассейна.

Изабелла не переставала изумляться, что подобный район может существовать всего в двадцати минутах ходьбы от великолепия и роскоши Кадогэн-сквер. Отель «Лорд Китчер» был столь же запущен и жалок, как и его управляющая. Изабелла просто не могла поверить, что это и есть та самая женщина, что когда-то царила в огромном замке Велтевердена. Самым ранним детским воспоминанием Изабеллы была ее мать в длинном бальном платье, с желтыми бриллиантами из копей Кортни в Хани, сверкающими на гладкой белоснежной шее и в мочках ушей, с высокой пирамидой темно-каштановых волос, венчающей прелестную головку; она величественно спускалась по крутой мраморной лестнице. Изабелле прежде в голову не могло прийти, какое ужасное разочарование, какие душевные муки скрывались за этой царственной внешностью.

Теперь же некогда восхитительные волосы Тары поседели, и она сама красила их дешевыми красителями, придававшими им всевозможные оттенки, от рыжевато-бронзового до темно-фиолетового. Безупречная шелковистая кожа, унаследованная Изабеллой, высохла, пожелтела и покрылась морщинами; видно было, что за ней совсем не ухаживали. Между носом и щеками образовались толстые складки, лицо усеяно черными точками грязи, застрявшей в увеличенных порах, а вставные зубы были слишком велики для ее рта и портили изящную линию губ.

Она бросилась вниз по ступенькам от двери гостиницы навстречу Изабелле в облаке едких одеколонных паров. Изабелла обняла ее; чувство вины явно увеличивало силу объятий.

– Дай-ка я посмотрю на мою дорогую доченьку. – Тара отстранилась от Изабеллы, и взгляд ее тут же упал на живот. – Ты стала еще красивей, Белла, если, конечно, это вообще возможно; впрочем, в причине этого сомневаться не приходится. Ведь ты носишь в себе маленький комочек радости и счастья.

Улыбка Изабеллы заметно скривилась, но она постаралась сдержать свое раздражение и никак не отреагировала на подобный комплимент.

– Ты хорошо выглядишь, мамочка, – то есть, я хотела сказать, Тара.

Тара была одета как типичный воинствующий левак: бесформенный серый кардиган поверх длинного ситцевого старушечьего платья и открытые коричневые мужские сандалии.

– Уж сколько месяцев прошло, – жаловалась Тара, – почти что год, а ведь ты живешь в двух шагах отсюда. Ты совсем забыла свою старую мамулю.

Майкл ловко вмешался в их беседу и прервал поток ее жалоб, обняв с неподдельной теплотой и искренностью. Она театрально высказала ему свою материнскую любовь:

– Микки, ты всегда был самым нежным и любящим из всех моих детей.

Изабелла почувствовала, что ее улыбка становится все более натянутой. «Интересно, – думала она, – сколько еще мне придется здесь проторчать и когда наконец представится случай улизнуть». Она знала, что это будет нелегко и вряд ли она может рассчитывать на помощь Майкла. Тара взяла их обоих под руки – Майкл по одну сторону от нее, Изабелла по другую – и торжественно повела в гостиницу.

– Я приготовила для вас чай и печенье. Я просто места себе не находила с той самой минуты, когда Майкл позвонил и сказал, что вы приедете.

В это субботнее утро гостиная отеля «Лорд Китченер» была переполнена постояльцами. В воздухе висело густое облако табачного дыма и слышался монотонный гул голосов, что-то лопотавших на суахили, гуджарати и коса. Тара по очереди представила их всем присутствующим, включая тех, кого Изабелла уже встречала во времена предыдущих визитов.

– Мой сын и дочь из Кейптауна, из Южной Африки.

И она замечала, как многие из них вздрагивали, услышав название страны.

«Ну и черт с ними», – вызывающе подумала Изабелла. Забавно, что дома она считала себя либералом, но как только оказывалась за границей и сталкивалась с подобной реакцией, то тут же испытывала прилив патриотических чувств.

В конце концов Тара усадила их в углу гостиной и, разливая чай, весело и непринужденно спросила, так что ее слышали в самых отдаленных концах большого зала:

– А теперь, Белла, расскажи мне о ребенке. Когда ты собираешься рожать и кто его отец?

– По-моему, это явно неподходящее время и место для такого разговора, Тара. – Изабелла аж побледнела от возмущения, но Тара только рассмеялась.

– Да брось ты, мы все здесь в «Лорди» как одна большая семья. Чувствуй себя как дома.

На этот раз Майкл не выдержал и вполголоса произнес:

– Белла в самом деле не хочет, чтобы весь мир знал о ее личных делах. Мы поговорим об этом позже, Тара.

– Эх ты, старомодная барышня. – Тара наклонилась через стол и попыталась еще раз обнять Изабеллу, но пролила чай на свою ситцевую юбку и отказалась от этого намерения. – У нас никто не забивает себе голову всеми этими буржуазными условностями.

– Хватит, Тара, – решительно заявил Майкл и попробовал отвлечь ее от скользкой темы: – А где Бенджамин? Как он поживает?

– О, Бен – это моя радость и гордость. – Тара с готовностью заглотила наживку. – Он только что выскочил на пару минут. Ему нужно было отнести в школу сочинение. Такой умный мальчик, учится на одни пятерки, ему всего шестнадцать, а директор говорит, что это самый блестящий, самый способный ученик в Рэйхэме за последние десять лет. Все девушки от него просто без ума. Ведь он такой симпатичный. – Тара трещала без умолку, и Изабеллу это вполне устраивало, поскольку от нее не требовалось поддерживать разговор. Вместо этого она расслабленно слушала рассказ о несравненных достоинствах сводного брата.

Бенджамин Гама был одной из многих причин того, что Изабелла чувствовала себя крайне неудобно в этом странном мире, где теперь жила ее мать. Позор, который Тара навлекла на семью Кортни, был столь велик, а скандал имел столь неприятные последствия, что само ее имя никогда не упоминалось в Велтевердене. Бабушка запретила произносить его вслух.

Один Майкл разговаривал с ней об этом, и то в самых общих выражениях.

– Извини, Белла. Я не собираюсь повторять всякие злобные сплетни и пересуды. Если тебе это интересно, поговори с кем-нибудь другим. Я могу сообщить тебе только факты, а они состоят только в том, что когда Тара уехала из страны после ареста Мозеса Гамы, ей не было предъявлено никаких обвинений, а впоследствии не было представлено никаких доказательств ее участия в какой бы то ни было преступной деятельности.

– Но может быть, отец специально все так устроил, чтобы спасти репутацию семьи?

– Тогда почему бы тебе не спросить его самого?

Она в самом деле как-то попыталась затронуть этот вопрос в беседе с отцом, но Шаса тут же сделался непривычно холоден и наотрез отказался обсуждать эту тему. После чего Изабелла почувствовала какое-то странное облегчение. У нее хватило честности признать собственную трусость. На самом деле ей не очень-то и хотелось узнать всю степень вины матери. В глубине души она боялась получить доказательство того, что мать принимала участие в печально знаменитом заговоре своего любовника Мозеса Гамы, пытавшегося взорвать южноафриканский парламент; в результате этой попытки погиб дедушка Изабеллы, отец самой Тары. Так что ее мать, возможно, была предательницей и убийцей, более того, отцеубийцей. И уж во всяком случае, она была виновата в самой подлой супружеской измене и межрасовой связи, что само по себе по южноафриканскому законодательству являлось преступлением; Изабелла в очередной раз задалась вопросом, что она, собственно, здесь делает.

Внезапно лицо Тары прояснилось и даже на какое-то мгновение приобрело отдаленное подобие ее прежней, давно утраченной красоты.

– Бен! – воскликнула она. – Посмотри, кто к нам пришел, Бенджамин. Твои брат и сестра. Не правда ли, очень мило с их стороны?

Изабелла резко повернулась на стуле; ее сводный брат стоял в дверях гостиной прямо за спиной. За год, прошедший со дня их последней встречи, он заметно вырос и, судя по всему, уже преодолел тот невидимый барьер, что отделяет подростка от взрослого мужчины.

– Привет, Бенджамин! – крикнула она с явно преувеличенным энтузиазмом; он улыбнулся, но за этой улыбкой ощущалась внутренняя сдержанность, и темные глаза смотрели холодно и настороженно.

Нужно было признать, что материнские чувства Тары не слишком сказались на ее объективности. Бенджамин в самом деле был очень красивым парнем. Его природная африканская грация отлично сочеталась с изящными чертами лица, унаследованными от матери. Кожа имела медный оттенок, а на голове красовалась копна темных курчавых волос, похожая на аккуратную шерстяную шапочку.

– Привет, Изабелла. – Сочный акцент уроженцев Южного Лондона в устах этого сына Африки заставил ее вздрогнуть. Она не сделала никакой попытки обнять его. С самой первой встречи они заключили своего рода негласный договор: не демонстрировать каких-либо притворных чувств. Они наскоро пожали друг другу руки и тут же сделали по шагу назад. Прежде чем Изабелла смогла выдавить из себя что-то еще, Бенджамин повернулся к Майклу. Теперь уже улыбка его была ослепительна, а темные глаза радостно светились. – Микки! – с чувством произнес он и сделал два легких шага навстречу старшему брату. Они крепко обнялись и похлопали друг друга по плечам.

Изабелла всегда завидовала исключительному умению Майкла внушать доверие и любовь всем окружающим. Судя по всему, Бенджамин на самом деле воспринимал его как

брата и друга, без той настороженности, которая проявлялась у него в отношении Изабеллы. Вскоре трое – Тара, Бен и Микки – уже оживленно болтали между собой. Изабелла почувствовала себя лишней в их маленьком тесном кругу.

Наконец один из чернокожих африканских студентов пересек гостиную, подошел к Таре и что-то сказал ей. Она вздрогнула, испуганно посмотрела на него, затем перевела взгляд на часы.

– Боже мой, как хорошо, что ты мне напомнил, Нельсон. – Она улыбнулась студенту. – Так мы заболтались, что совершенно забыли о времени. – Тара вскочила на ноги. – Если мы хотим добраться сегодня до Трафальгарской площади, нам нужно поспешить.

Публика разом двинулась к выходу; Изабелла протиснулась к Майклу.

– Что все это значит, Микки? Ты, кажется, в курсе того, что происходит. Мог бы и меня просветить.

– На Трафальгарской площади должен состояться митинг.

– О Боже, только не это! Еще одно сборище этих борцов против апартеида. Чего же ты меня заранее не предупредил?

– Это дало бы тебе повод уклониться от нашего визита, – ухмыльнулся Майкл. – Почему бы тебе не пойти с нами?

– Благодарю покорно. Мне уже осточертела вся эта чушь за те три года, что отец руководил здесь посольством. Какого черта ты связываешься со всей этой ерундой?

– Белла, радость моя, это моя работа. Я специально приехал в Лондон, чтобы писать об этой, как ты выражаешься, ерунде. Пойдем, а?

– С какой стати?

– Ну, хотя бы для того, чтобы взглянуть на другой мир, который ты совсем не знаешь, приобрести новые впечатления, побыть со мной, наконец. Ведь нам всегда было весело вместе.

Она заколебалась. Несмотря на отвращение к подобным мероприятиям, ей нравилось его общество. Им в самом деле было весело вместе, к тому же в отсутствие Рамона она чувствовала себя одинокой.

– Ладно, но только если мы поедем на верху автобуса, а не на метро. Я обожаю кататься на автобусе.

Всего набралось человек двадцать из числа тех, кто был там, включая Нельсона Литалонги, того самого южноафриканского студента. Майкл усадил ее на верхнем ярусе красного автобуса и втиснулся рядом с ней вместе с Нельсоном. Тара и Бенджамин уселись прямо перед ними, но постоянно оборачивались, чтобы поучаствовать во всеобщем веселье. Настроение у всех было приподнятое и беззаботное, и вскоре Изабелла обнаружила, что все это, как ни странно, доставляет ей удовольствие. Майкл был душой компании, и они с Нельсоном начали петь. У обоих были прекрасные голоса, и все остальные незамедлительно подхватили мотив песни «Это мой солнечный остров». Нельсон уморительно подражал Гарри Белафонте и вообще был на него очень похож, если, конечно, не обращать внимания на кожу иссиня-черного цвета, блестящую, как древесный уголь. Они с Майклом как-то сразу отлично спелись.

Когда автобус остановился возле Национальной галереи, демонстранты уже собирались на площади у высокой колонны, и Майкл отпустил шутку о Нельсоне и Горацио. Все рассмеялись и нестройной толпой побрели через дорогу на площадь, вспугивая голубей, шумными стаями взмывавших ввысь из-под ног.

В конце площади, прямо напротив Южно-Африканского посольства, была сооружена временная трибуна и веревками отгорожена зона, в которой уже собрались несколько сот демонстрантов. Их группа влилась в задние ряды митингующих; Тара вытащила из полиэтиленовой сумки самодельный транспарант и высоко подняла его над головой.

«Апартеид – это преступление против всего человечества».

Изабелла отодвинулась от нее подальше и сделала вид, что они незнакомы.

– Ей в самом деле нравится, чтобы все на нее глазели как на ненормальную? – прошептала она на ухо Майклу, и тот весело рассмеялся:

– Видишь ли, в этом как раз весь смысл данного мероприятия.

И тем не менее Изабелле было интересно ощущать себя частью этого разношерстного собрания. Много раз она с неприязнью разглядывала эти толпы из высоких окон посольства напротив, но сейчас все выглядело совсем по-другому. Собравшиеся были весьма добродушны и дисциплинированы. Четверо полицейских в синей форме стояли неподалеку, наблюдая за происходящим, и снисходительно улыбнулись, когда один из ораторов в запале обозвал Лондон столицей полицейского государства, ничем не отличающегося от режима Претории. Изабелла, стремясь выразить свою солидарность полицейским и отмежеваться от этого выпада, послала самому симпатичному из них воздушный поцелуй, и тот моментально расплылся в довольной улыбке, явно не похожей на прежнюю.

На трибуне один оратор сменял другого, их речи монотонно текли под аккомпанемент уличного гула и шума проезжающих мимо лиловых автобусов. Изабелла все это слышала уже неоднократно, впрочем, так же как и все остальные, если судить по вялости и апатии толпы. Публика оживилась, только когда пролетающий высоко над трибуной голубь выпустил белую струю, удивившую точно на сверкающую лысину очередного оратора, и Белла громко провозгласила:

– Позор фашистской птице, агенту расистов Претории!

Все долго смеялись.

Митинг закончился голосованием по резолюции, требующей немедленной отставки незаконного режима Джона Форстера и передачи всей власти народно-демократическому правительству Южной Африки. Согласно заявлению организаторов митинга, резолюция была принята единогласно, и Майкл заметил, что теперь Джон Форстер наверняка умрет от страха. Затем митингующие разошлись куда более мирно, чем футбольные болельщики после матча.

– Давай заскочим в бар, – предложил Майкл. – У меня малость пересохло в горле, пока мы сбрасывали все эти фашистские режимы.

– Тут есть неплохое местечко на Стрэнд, – отозвался Нельсон Литалонги.

– Так веди нас туда, – распорядился Майкл.

Когда они расположились у стойки, он заказал всем выпивку.

– Ну что ж, – подытожила Изабелла, потягивая имбирное пиво, – все это самая что ни на есть пустая трата времени. Пара сотен горлопанов, умеющих только сотрясать воздух, никогда и ничего не изменят.

– На твоём месте я не был бы так уверен в этом. – Майкл тыльной стороной ладони вытер пену с верхней губы. – Пока это всего лишь первая, еле заметная рябь на воде, плывущей у подножия дамбы, но, возможно, скоро она перерастет в маленькую волну, затем в прилив и в конце концов во всепоглощающий девятый вал.

– Да брось ты, Микки, – бесцеремонно отмахнулась Изабелла, – Южная Африка слишком сильна и богата. Америка и Великобритания слишком много в нее вложили. Они никогда нас не предадут; и они вовсе не заинтересованы в том, чтобы мы отдали наши неотъемлемые права своре дикарей, свихнувшихся на марксизме.

Она повторяла прописные истины, которые так часто слышала от отца за последние три года; он говорил это буквально в каждом своем выступлении. И она совершенно не ожидала столь бурного и язвительного натиска со стороны своей матери, сводного брата, Нельсона Литалонги и двух десятков цветных обитателей отеля «Лорд Китченер», который последовал вслед за ее заявлением. Их аргументы буквально сбили ее с толку. Это были явно

не лучшие минуты ее жизни. И когда они с Майклом вечером вернулись на Кадогэн-сквер, она была потрясена и подавлена.

– Они с такой яростью и злобой обрушились на меня, Микки.

– Это и есть та самая новая волна, что надвигается на нас, Белла. И нам, чтобы устоять, нужно попытаться понять это и договориться с ними.

– Но ведь они не могут сказать, что с ними плохо обращаются. Вспомни няню, Клонки, Гамьет, да и всех остальных наших людей в Велтевердене. Я хочу сказать, Микки, ведь им живется гораздо лучше, чем большинству белых в этой стране.

– Я прекрасно тебя понимаю, Белла. Можно до бесконечности взвешивать все «за» и «против», но в конце концов ты неизбежно придешь к одному, самому главному выводу. Что они люди, такие же, как и мы сами. А некоторые из них куда лучше нас. А раз так, то по какому праву, божескому или человеческому, можем мы отказаться разделить с ними все, что есть в нашей родной стране?

– Все это очень замечательно в теории, но сегодня они говорили о вооруженной борьбе. А ведь это женщины и дети, разорванные на куски. Это кровь и смерть, Микки. Это то, что делают ирландцы. Об этом ты подумал?

– Честно говоря, я не знаю, что тебе ответить, Белла. Иногда мне кажется: нет! Убийствам, насилию, поджогам нет и не может быть оправдания. А в другие моменты я думаю: а, собственно, почему бы и нет? Миллионы лет люди убивали друг друга, чтобы защитить себя и свои права. Отец просто рвет и мечет при одной мысли о вооруженной борьбе в Южной Африке, а ведь это тот самый человек, который в 1940 году влез в «харрикейн» и полетел расстреливать из пулеметов итальянцев и немцев, причем совершенно добровольно, защищая то, что считал своей свободой. Бабушка, непоколебимая поборница законности и священного права частной собственности, всю жизнь отстаивала идею свободного предпринимательства, довольно кивала и приговаривала: «Очень хорошо!» – узнав о самом ужасающем зверстве за всю кровавую и жестокую историю человечества, бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Так можно ли назвать Тару, Бенджамина и Нельсона Литалонги более безнравственными и кровожадными, чем мы и наша собственная семья? Кто же прав, а кто виноват, Белла?

– У меня от всех твоих рассуждений ужасно разболелась голова. – Белла поднялась на ноги. – Я иду спать.

В шесть часов утра ее разбудил телефонный звонок; она сняла трубку, услышала голос Рамона, и все ее переживания разом улетучились.

– Дорогой, где ты?

– В Афинах.

– А... – Ее настроение тут же упало. – Я-то думала, что ты уже в Хитроу.

– Меня задержали. Мне придется пробыть здесь еще минимум дня три. А почему бы тебе не прилететь ко мне?

– Куда, в Афины? – Она все еще полностью не проснулась.

– Ну да, а почему бы и нет? Ты еще успеешь на десятичасовой рейс «БЕА». Мы могли бы провести эти три дня вместе. Ты когда-нибудь видела Акрополь при лунном свете? Потом мы бы съездили на острова, к тому же я хочу тебя познакомить с кое-какими нужными людьми.

– Хорошо! – закричала она в трубку. – В самом деле, почему бы и нет! Дай мне номер твоего телефона. Я тебе перезвоню, как только куплю билет на самолет.

Все телефоны Британской европейской авиакомпании были заняты, у нее оставалось мало времени, и Майкл отвез ее на «мини» в Хитроу, высадив у входа в аэровокзал.

– Я подожду, пока ты не закажешь билет, – предложил он.

– Нет, Микки, это очень мило с твоей стороны, но в это время года у меня не может быть никаких проблем; сезон отпусков уже закончился. Отправляйся брать свое интервью, а когда мы с Рамоном будем возвращаться, я позвоню тебе на квартиру.

Однако когда она вошла в здание аэровокзала, то сразу поняла, что ее оптимизм был явно преждевремен. Толпы удрученных и измученных пассажиров загромождали своим багажом все проходы. Когда же удалось наконец пробиться к справочному бюро, отстояв предварительно в длинной очереди, ей сообщили, что неожиданная забастовка французских авиадиспетчеров привела к задержке всех вылетов минимум на пять часов, а на рейс до Афин не было ни одного свободного места. Так что придется записаться в список очередников на возможные вакансии даже для того, чтобы рассчитывать на место в первом классе.

Пришлось отстоять в еще одной очереди, чтобы добраться до телефона-автомата и позвонить Рамону по его афинскому номеру. Когда она наконец дозвонилась, он был разочарован.

– Я так ждал твоего приезда. Я уже всю разрекламировал тебя перед людьми, с которыми ты должна была познакомиться.

– Я не намерена так просто сдаваться, – заявила она. – Даже если мне придется сидеть здесь до вечера.

Это был ужасный день, полный неудобств, разочарований и огорчений. Когда вылет в конце концов объявили, было уже пять вечера, и она направилась к регистрационной стойке, моля Бога о том, чтобы он помог ей получить какое-нибудь вакантное место. Но в списке очередников перед ней стояло еще с полдюжины преисполненных надежды претендентов, и когда подошла ее очередь, кассир сокрушенно покачала головой:

– Мне очень жаль, мисс Кортни.

Следующий рейс до Афин был назначен на завтра, на десять часов утра, но он, конечно, тоже будет задержан и свободных мест на нем тоже не предвиделось. В конце концов Изабелла все-таки сдалась и в совершенно расстроенных чувствах побрела к телефону, чтобы вновь дозваниваться до Афин. Рамона на месте не оказалось, и она постаралась растолковать ситуацию какому-то типу на том конце провода, говорившему по-английски с кошмарным акцентом. Оставалось только надеяться, что Рамон поймет главное, а именно, что она не прилетит.

Поймать такси было невозможно: сотни ее товарищей по несчастью также потеряли всякую надежду и пытались выбраться из этого ужасного места. Сгибаясь под тяжестью дорожной сумки, она доплелась до автобусной остановки и стала в еще одну очередь. В общем, до города она добралась уже после восьми, поймала наконец такси и вскоре оказалась дома на Кадогэн-сквер.

У нее жутко болела спина, она была готова разрыдаться от отчаяния. Войдя в квартиру, тут же ощутила восхитительный аромат, доносящийся с кухни, и только тогда поняла, насколько проголодалась. Бросила сумку в прихожей, скинула туфли и направилась прямо на кухню. Судя по всему, Майкл обедал дома. В посудомойке стояли еще теплые тарелки, духовка набита всякой всячиной. Как и она, Майкл был превосходным кулинаром. Изабелла с аппетитом разделалась с цыплятами по-киевски и большим куском творожного пудинга. На сушилке под раковиной заметила две рюмки и пустую бутылку отцовского «Нью Сен-Жоржа» разлива 1961 года. В тот момент она не обратила на них должного внимания. Слишком устала, настроение отвратительное, хотелось, чтобы Майкл развеселил ее.

Она услышала музыку, доносившуюся из его спальни наверху, сентиментальные звуки Мантовани, одного из любимых композиторов Майкла. Не надевая туфель, поднялась по лестнице, прошла по коридору и распахнула дверь его комнаты.

Какое-то время она даже не могла понять, что происходит, настолько открывшаяся ей картина была далека от всего, что можно только вообразить в самых безудержных и диких фантазиях.

Сначала подумала, что на Майкла напали; крик рванулся из горла, и ей пришлось зажать себе рот обеими ладонями, чтобы его сдержать. И тут наконец Изабелла все поняла.

Совершенно голый Майкл стоял на четвереньках в самом центре двуспальной кровати. Атласное стеганое одеяло и простыни сползли на пол, вся постель была разворочена. Она так хорошо знала его гибкое, изящное, мускулистое тело; африканское солнце придало ему цвет спелого табачного листа везде, кроме узкой полоски бледной и какой-то по-детски беззащитной кожи, обычно прикрытой плавками.

Подле него стоял на коленях также абсолютно голый Нельсон Литалонги. Его торс являл собой выразительный контраст с телом Майкла; весь покрытый потом, он блестел, как свежедобытый уголь; казалось, что он только что намазался оливковым маслом.

Дорогие, любимые черты Майкла были искажены грубой, невыносимой мукой. Страдальческий оскал, застывший на его лице, потряс ее до глубины души. На мгновение он напомнил ей загнанное животное, заглянувшее в самые глаза ужасной и близкой смерти.

Затем взгляд его прояснился, пелена спала, и он увидел ее. На глазах его лицо стало расплываться, подобно плавящемуся воску; прежнее выражение сползло, и на этом месте возникла гримаса невыносимого ужаса и смертельного стыда. Отчаянным рывком он освободился от того, кто его обнимал, откатился в сторону и, схватив смятую подушку, прикрылся ею.

Изабелла резко повернулась и бросилась вон из комнаты.

В ту ночь, несмотря на дику усталость, спала очень беспокойно; снились обрывочные, путанные сны, в которых она видела Майкла, барахтающегося в лапах какого-то жуткого черного чудовища; однажды так громко закричала во сне, что сама себя разбудила и никак не могла уснуть снова. Было еще темно, когда она оставила свои тщетные попытки хоть немного отдохнуть, встала и спустилась на кухню. Бросилось в глаза, что вся посуда вымыта и убрана в буфет, так что ничто не напоминало о вчерашней трапезе. Пустые рюмки и бутылка также исчезли, и кухня сияла первозданной чистотой.

Изабелла включила кофейник и пошла проверить почтовый ящик. Газету еще не принесли, да и не могли принести в такую рань; вернулась на кухню и налила себе чашку кофе. Знала, что кофеин вреден для ребенка, но в это утро ей было просто необходимо взбодриться.

Она едва успела сделать первый глоток, как почувствовала запах сигаретного дыма и быстро подняла голову. Майкл стоял в дверях с неизменной сигаретой в зубах и, чуть скосив глаза, наблюдал за кольцами дыма, плавно поднимающимися к потолку.

— Этот кофе прекрасно пахнет. — На нем был шелковый халат. Свинцовые круги под глазами; сами глаза, казалось, потемнели от чувства вины, притаившегося в их глубине. Уголки губ дрожали, когда он неуверенно и робко проговорил: — Я думал, что ты в Афинах, — извини.

В течение нескольких секунд они молча смотрели друг на друга; для обоих эти секунды показались вечностью. Затем Изабелла встала и подошла к нему. Приподнялась на цыпочки, обняла его и поцеловала прямо в губы. Потом крепко прижалась к нему и потерлась щекой о его отросшую за ночь щетину.

— Я люблю тебя, Микки. Ты самый дорогой и близкий мне человек на свете. И я люблю тебя, что бы там ни было.

Он глубоко вздохнул:

— Спасибо тебе, Белла. Я не должен был сомневаться в твоём великодушии и понимании, я просто очень боялся. Ты не представляешь себе, как я боялся тебя потерять. Я бы этого не пережил.

— Ну, что ты, Микки. Тебе не следовало так волноваться.

– Я собирался обо всем рассказать тебе. Я просто ждал подходящего момента.

– Ты ничего не должен рассказывать ни мне, ни кому-то другому. Это касается только тебя одного.

– Нет, я хотел, чтобы ты все знала. Ведь у нас никогда не было секретов друг от друга. К тому же я знал, что рано или поздно ты все равно все узнаешь. Я хотел – о Господи, я бы все на свете отдал, – чтобы ты не стала свидетельницей этой сцены. Для тебя это, наверное, был страшный удар.

Она зажмурилась и еще крепче прижалась к его щеке, чтобы он не смог увидеть выражения ее лица. Попыталась изгнать ту жуткую картину из своей памяти. Но, невзирая на все усилия, лицо Майкла, искаженное сладкой мукой, по-прежнему стояло у нее перед глазами, как кадр из фильма ужасов.

– Это не важно, Микки. Это не имеет никакого значения для нас обоих.

– Нет, имеет, Белла, – возразил он и бережно отстранил ее от себя, чтобы заглянуть в лицо. То, что он там увидел, заставило его огорчиться еще больше.

Он обнял ее за плечи, отвел обратно к столу, усадил на место и сам сел рядом на табуретку.

– Странно, – сказал он. – Ты знаешь, я даже испытываю какое-то облегчение. Конечно, мне безумно жаль, что ты узнала об этом таким способом, но теперь по крайней мере на свете есть человек, с которым я могу быть самим собой, перед кем мне не нужно лгать и притворяться.

– Микки, послушай, но зачем тебе это скрывать? Ведь на дворе тысяча девятьсот шестьдесят девятый год. Если ты так устроен, почему бы тебе не заниматься этим открыто? В наше время это никого не шокирует.

Майкл выудил пачку «Кэмела» из кармана своего халата и закурил. С минуту он разглядывал горящий кончик сигареты, затем медленно произнес:

– Может, для других это и так, но только не для меня. – Он покачал головой. – Не для меня. Видишь ли, что бы там ни было, а я все-таки Кортни. Подумай о бабушке, об отце, Гарри, Шоне, о всей нашей семье, о моей фамилии, наконец.

Ей хотелось возразить, но она тут же поняла, что это бесполезно.

– Да, бабушка и отец, – повторил Майкл. – Это убьет их. Неужели ты думаешь, что я не рассматривал этот вариант – перестать прятаться под одеялом. – Он грустно усмехнулся: – Вот уж действительно выразился так выразился.

Она крепко сжала его руку, только теперь начиная сознавать всю серьезность положения, в которой оказался ее брат. Да, он, несомненно, прав. Он не мог рассказать об этом бабушке и отцу. Для них это было бы ужасно – еще хуже, чем в случае с Тарой. Тара по крайней мере пришла в семью извне; в Майкле же текла кровь семейства Кортни. Они бы этого не пережили. Это разбило бы им сердце, а Майкл был слишком добр, слишком любил своих близких, чтобы когда-либо допустить такое.

– И когда ты узнал – ну, о том, что ты не такой, как все? – тихо спросила она.

– Еще в младших классах, – честно признался он. – С тех первых детских игр и тисканий под душем и в туалетах... – Его голос осекся. – Я пытался бороться с собой. Мне удавалось подолгу удерживаться от этого. Иногда месяцами, даже целый год – но во мне словно зверь какой-то сидит, Белла, бешеный, дикий зверь, с которым я не в силах совладать.

Она снисходительно усмехнулась:

– Как говорит няня, это горячая кровь Кортни, Микки. У нас у всех те же самые проблемы; никто из нас не может толком совладать с ней – ни отец, ни Гарри, ни Шон, ни мы с тобой.

– Тебе, наверное, неприятно все это обсуждать? – робко спросил он. – Просто у меня столько всего накопилось за эти годы.

– Ты можешь говорить столько, сколько захочешь. Я готова выслушать тебя до конца.

– Все это тянется вот уже пятнадцать лет и, боюсь, будет тянуться еще лет пятьдесят. Самое странное – и самое ужасное с точки зрения нашей семьи – заключается в том, что меня в первую очередь привлекают цветные мужчины. Разумеется, это только усугубляет мою вину и степень моего морального разложения в глазах бабушки, отца, не говоря уже о нашем правосудии. Боже мой, ты только представь себе, какой разразится скандал, если меня поймают и будут судить по тому самому Акту о нарушении общественной морали, изданному нашим просвещенным правительством! – Он содрогнулся, затушил сигарету и тут же вытащил из скомканной пачки еще одну. – Я не знаю, почему меня так тянет к черным. Я много думал об этом. Скорее всего я в чем-то похож на Тару. Может быть, что-то вроде чувства расовой вины, какое-то подсознательное желание угодить им, смягчить их гнев. – Он саркастически хмыкнул: – Мы их так долго имели. Почему бы теперь не предоставить им возможность поиметь нас?

– Перестань! – тихо сказала Изабелла. – Не унижай себя подобными разговорами, Микки. Ты прекрасный и очень порядочный человек. Никто из нас не отвечает за наши инстинкты и пристрастия.

Изабелла вспомнила, каким Майкл был в детстве: тихий застенчивый мальчик, очень скромный и в то же время с безграничной любовью и сочувствием относящийся ко всем окружающим; но всегда в нем ощущалась какая-то мягкая, задумчивая печаль. Теперь ей стало ясно, откуда бралась эта печаль. Она поняла, какие душевные муки терзали его и терзают до сих пор. И почувствовала такую нежность к нему, какой никогда не испытывала прежде. Последние остатки ее физического отвращения исчезли. Она знала, что увиденное там, наверху в спальне, больше никогда не рассердит и не оскорбит ее. Она будет думать теперь только о тех страданиях, что еще предстоят этому бесконечно дорогому ей человеку; и страстно захотелось защитить его, заслонить от столь безжалостной к нему действительности.

– Мой бедный дорогой Микки.

– Теперь уже не бедный. У меня есть такие сокровища, как твои любовь и понимание.

Два дня спустя, когда Майкл умчался брать очередное интервью, а Изабелла сидела за своим рабочим столом, заваленным раскрытыми книгами и разбросанными бумагами, в квартире раздался телефонный звонок. Она рассеянно потянулась за трубкой и не сразу узнала прозвучавший в ней хриплый голос; смысл услышанных слов тоже не сразу дошел до нее.

– Рамон? Это ты? Что-нибудь случилось? Ты где? В Афинах?

– Я на квартире...

– Здесь, в Лондоне?

– Да. Ты можешь сейчас приехать? Ты мне очень нужна.

Изабелла гнала «мини» на пределе возможного, продираясь сквозь полуденный поток машин; добравшись до их дома, она помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и вскоре, совершенно запыхавшись, оказалась на лестничной площадке перед дверью квартиры Рамона. Долго возилась с ключами, но дверь в конце концов открылась.

– Рамон!

Ответа не последовало, и она бросилась в спальню. Его чемодан лежал открытый на кровати, а посередине комнаты на полу валялась скомканная рубашка. Вся в пятнах крови – старой, высохшей крови темно-красного, почти черного цвета, и более свежей, поярче.

– Рамон! Боже мой! Рамон! Ты меня слышишь?

Она подбежала к ванной. Та была заперта изнутри. Отступила чуть назад и ударила в дверь каблуком. Это был один из ударов, которым он ее научил; непрочный замок отлетел и дверь распахнулась.

Рамон лежал на кафельном полу возле унитаза. Должно быть, падая, он ухватился за полочку над раковиной, и ее косметика полетела вниз, в раковину и на пол, рассыпавшись повсюду. Он был голым по пояс, грудь перевязана бинтами. С первого взгляда она определила, что перевязывала опытная, умелая рука. Как и брошенная рубашка, белые бинты тоже пропитались кровью; на них легко можно было различить темные и свежие, еще влажные пятна.

Изабелла опустилась подле него на колени и повернула его голову.

Кожа была бледной, почти молочного цвета, лоснящейся от холодного пота. Она приподняла и положила голову себе на колени. Затем схватила полотенце, висевшее на краю ванны. Не вставая с пола, с трудом дотянулась до крана с холодной водой, намочила полотенце и вытерла им пот с его лица и шеи.

Веки дрогнули, глаза открылись и взглянули на нее.

– Рамон!

Его взгляд прояснился.

– Кажется, я упал, – пробормотал он.

– Любимый мой, что с тобой случилось? Ты весь в крови.

– Помоги мне добраться до кровати.

Стоя перед ним на коленях, она бережно приподняла его и придала сидячее положение. В силе Изабелла не уступала многим мужчинам; мышцы ее рук и спины были очень развиты благодаря теннису и верховой езде. Тем не менее она прекрасно понимала, что дотащить Рамона до кровати без посторонней помощи будет не под силу даже ей.

– Ты сможешь встать на ноги, если я буду тебя поддерживать?

Он что-то пробурчал и попытался подняться, но тут же скривился и судорожно вцепился в окровавленные бинты, ибо боль пронзила его, как раскаленный нож.

– Спокойно, спокойно, – шептала она; с минуту он так и стоял, согнувшись пополам, затем медленно выпрямился.

– Порядок. – Он стиснул зубы; она осторожно повела его в спальню, подпирая плечом и пытаясь принять на себя большую часть веса, и бережно опустила на кровать.

– Ты что, в таком состоянии проделал весь путь от Афин до Лондона?

Он кивнул. Разумеется, это была ложь. Он вызвал Изабеллу в Афины в качестве курьера. Возникла чрезвычайная ситуация, причем совершенно неожиданно, и у него под рукой не оказалось ни одного агента. Кроме того, пора было ей принимать боевое крещение. Она уже вполне созрела для этого. Была приучена без лишних вопросов выполнять все его распоряжения, а на первый раз он собирался поручить ей очень легкое задание. Она идеально подходила для него: молодая, привлекательная женщина, к тому же беременная, сразу располагающая к себе. К тому же ничем не запятнана и, соответственно, неизвестна ни одной из секретных служб мира, включая МОССАД. Одним словом, на профессиональном жаргоне такие именовались «девственницами». Вдобавок ко всему у нее был южноафриканский паспорт, а Израиль поддерживал с этой страной дружеские – если не сказать более – отношения.

Ей предстояло слетать из Афин в Тель-Авив, забрать бумаги из тайника и тут же вернуться обратно. Все это можно было проделать за один день. К несчастью, план рухнул, поскольку ей не удалось добраться до Греции. А бумаги эти нужно было добыть во что бы то ни стало. Они содержали подробности сотрудничества между израильскими и южноафриканскими учеными в разработке систем тактического ядерного оружия. Так что Рамон

был вынужден сам отправиться в Тель-Авив, даже несмотря на весьма высокую вероятность того, что его личность была хорошо известна МОССАД.

Он как мог изменил внешность и, разумеется, не взял с собой никакого оружия. Было бы безумием пытаться пронести оружие через израильскую таможню. Он воспользовался мексиканским паспортом на вымышленное имя. И все же его засекли в аэропорту Бен Гурион, сели на хвост и шли за ним до самого тайника.

Заметил, попытался оторваться, но они загнали его в угол. Сломал шею одному из сотрудников МОССАД и взамен получил этот свинцовый гостинец. Несмотря на тяжелое ранение, удалось добраться до конспиративной квартиры ООП в Тель-Авиве. За двенадцать часов они переправили его по своим каналам в Сирию.

Тем не менее лишь в Лондоне он мог почувствовать себя в полной безопасности. К тому же у него было слишком много дел, чтобы оставаться в Дамаске. Глава местной резидентуры КГБ лично посадил его на рейс «Аэрофлота» до Лондона. Он позвонил Изабелле, как только перешагнул порог своей квартиры. После чего, едва успев добраться до ванной, рухнул на пол и потерял сознание.

– Нужно вызвать врача!

– Никаких врачей! – Несмотря на свою слабость, он произнес это тем холодным, властным тоном, которому она привыкла беспрекословно повиноваться.

– Что я должна сделать?

– Принеси мне телефон, – приказал он, и она поспешила в гостиную.

– Рамон, ты ужасно выглядишь. По крайней мере позволь мне тебя чем-нибудь накормить – хотя бы супом, а, милый?

Он кивнул, не отрывая глаз от телефонного диска. Пока набирал номер, она пошла на кухню и подогрела банку густого овощного супа. С кухни слышала, как он с кем-то говорит по телефону на испанском языке. Однако знаний, приобретенных ею с помощью лингафонного курса, было явно недостаточно, чтобы уяснить суть этого разговора. Когда он повесил трубку, она принесла ему поднос с супом и сухим печеньем.

– Дорогой, так что же с тобой случилось? И почему ты не хочешь, чтобы я вызвала врача?

Он скорчил гримасу. Если бы английский врач увидел его раны, то должен был бы сообщить об этом куда следует. А если бы сюда явился врач из кубинского посольства, эту квартиру почти наверняка можно было считать проваленной. Так что ему пришлось принять иные меры. Однако он не дал прямого ответа на ее вопрос.

– Я хочу, чтобы ты немедленно поехала на станцию метро «Слоун-сквер». Выйдешь на платформу, ведущую в западном направлении, и медленно пойдешь по ней от начала до конца. По дороге тебе в руку вложат конверт...

– Кто вложит? Как я узнаю?

– Тебе не надо узнавать, – резко оборвал он ее. – Он сам тебя узнает. Ты не должна говорить с ним и вообще обращать внимание. В конверте найдешь рецепт и подробные указания, как нужно меня лечить. Рецепт отнесешь в дежурную аптеку на Пиккадилли-серкус, получишь лекарства и принесешь их сюда.

– Хорошо, Рамон, но ты мне еще не рассказал, что с тобой случилось.

– Привыкай делать то, что тебе говорят, – безо всяких этих нудных вопросов. Пошевеливайся!

– Хорошо, Рамон. – Она взяла куртку и шарф, затем склонилась над кроватью и поцеловала его. – Я люблю тебя, – прошептала и быстро вышла из квартиры. Стала спускаться по лестнице и вдруг остановилась на полпути. Никто – ну, может быть, кроме бабушки – никогда не осмеливался говорить с ней таким тоном с самого детства. Даже отец всегда просил, а

не приказывал. И после этого она бежит вприпрыжку выполнять его поручение, как ручная собачонка. Белла надула губки, но тут же сорвалась с места и выбежала на улицу.

Не успела она дойти до конца платформы, как сзади кто-то легко коснулся ее запястья, и в ее руке оказался конверт. Она оглянулась через плечо, но посыльный уже быстрым шагом удалялся. На нем была синяя шерстяная шапочка и длинный, темного цвета плащ, но лица ей разглядеть не удалось.

В аптеке фармацевт прочел рецепт и поинтересовался:

– Кто-то, вероятно, серьезно пострадал?

Но она покачала головой:

– Я просто работаю регистратором у доктора Алвеса. Так что я не в курсе.

И он без дальнейших расспросов выдал ей все нужные лекарства.

Рамон, казалось, спал, но как только она вошла в спальню, тут же открыл глаза. При виде его лица Изабелла вновь испытала то же чувство страха за него, что и тогда в ванной. Глаза глубоко запали и превратились в два черных провала; кожа была мертвенно-бледной, как у трупа двухдневной давности. Однако она быстро взяла себя в руки и, отбросив дурные предчувствия, спокойно и методично приступила к делу.

В университете она посещала курсы по оказанию первой медицинской помощи, организованные Красным Крестом. В Велтевердене часто помогала врачу в больнице для цветных работников поместья. Так что она достаточно навидалась оторванных пальцев, раздробленных стоп и прочих повреждений, причиняемых всевозможными сельскохозяйственными механизмами, чтобы теперь испытывать какую-либо безгливость.

Первым делом выложила на стол медикаменты, принесенные из аптеки, и быстро пробежала глазами несложные указания, которые были напечатаны на листке бумаги. Затем тщательно вымыла руки в тазике, добавив в воду полчашки «Деттола», усадила Рамона в постели и стала осторожно разматывать бинты.

Кровь давно высохла, и бинты прочно пристали к краям раны. Он закрыл глаза; пот выступил на лбу и подбородке, когда она попыталась их отодрать.

– Прости. Я постараюсь сделать так, чтобы тебе не было больно.

Наконец бинты отошли; она увидела его раны и с трудом сдержала возглас изумления и ужаса. В нижней части груди, чуть сбоку, было глубокое точечное отверстие, а в гладких мышцах спины вторая рваная рана прямо напротив первой, забитая черным сгустком запекшейся крови. Кожа вокруг обеих ран воспалилась, чувствовался слабый тошнотворный запах, характерный при заражении.

Изабелла моментально поняла, что это были за раны. Когда в последний раз гостила в охотничьих владениях Шона в долине Замбези, соседняя деревня племени батонка подверглась нападению террористов, и они поспешили на помощь. И там впервые увидела раны от пули, прошедшей навылет: маленькое входное отверстие и второе, расширенное, в том месте, где пуля вышла наружу. Рамон внимательно наблюдал за ней, так что она промолчала и постаралась сохранить на лице бесстрастное выражение; затем обработала раны дезинфицирующим раствором и заново перевязала их чистыми, белоснежными бинтами.

Знала, что все сделала, как надо; он тоже это понял и, когда она бережно опускала его на подушки, тихо пробормотал:

– Хорошо. Ты свое дело знаешь.

– Я еще не закончила. Тебе нужно сделать укол. Так велел доктор. – Она даже попыталась пошутить: – Ну-ка, покажи мне свою восхитительную задницу, приятель!

Стоя около кровати, сняла с него туфли и носки, затем взялась за манжеты брюк и стала их осторожно стягивать, он же выгнул спину и слегка приподнялся на локтях.

– А теперь трусы. – Спустила их до колен и с деланным облегчением вздохнула. – Ну что ж, по крайней мере ты не повредил мое самое драгоценное достояние. А то я бы этого не пережила.

На этот раз он улыбнулся и осторожно перевернулся на бок.

Изабелла наполнила одноразовый шприц сильнодействующим антибиотиком и всадила в гладкую, упругую поверхность ягодицы. Затем тщательно укутала его в пуховое одеяло.

– А теперь выпей эти две пилюли – и баиньки.

Он без возражений принял снотворное, она поцеловала его и выключила настольную лампу у изголовья.

– Если я тебе понадобится, я буду в гостиной.

К утру он выглядел уже намного лучше; щеки порозовели, антибиотик, судя по всему, сделал свое дело. Температура спала, и его взор был ясен и чист, как прежде.

– Ну, как тебе спалось?

– Таблетки просто зверские. Я моментально отрубился. Теперь хорошо бы принять ванну.

Она напустила воду и помогла ему добраться до ванной. Усадив его по пояс в горячую воду, протерла губкой участки кожи возле края бинтов; затем ее внимание переключилось на нижнюю часть его туловища, причем орудовала намыленной губкой более чем успешно.

– Ага, сверху-то тебя малость повредили, зато внизу дела обстоят весьма недурственно, должна тебе сказать.

– Разрешите полюбопытствовать, сестра, что вы в данный момент делаете – работаете или развлекаетесь?

– Я совмещаю приятное с полезным, правда, приятного все-таки больше.

Вновь оказавшись в постели, он попытался было протестовать, когда Изабелла наполнила шприц очередной дозой антибиотика, но она строго оборвала его:

– И почему это все мужчины такие трусы? Ну-ка, зад вверх! – И он послушно перевернулся. – Умница, – она кивнула удовлетворенно, вытащив иглу и смазав уколочное место спиртом. – Вот теперь ты заслужил завтрак; пожалуй, я дам тебе копченой рыбки, если, конечно, будешь хорошо себя вести.

Ей нравилось ухаживать за ним. Наконец-то можно приказывать, а он вынужден подчиняться. Пока она возилась на кухне, Рамон говорил по телефону, опять же на испанском и так быстро, что ничего не удавалось разобрать. Тем не менее Изабелла внимательно вслушивалась, пытаясь хоть что-то понять, и мало-помалу вчерашние опасения начали возвращаться к ней. Чтобы отогнать мрачные мысли, она тихонько выскользнула из квартиры и сбегала к ларьку на углу, прямо напротив входа в метро, где продавались цветы и фрукты.

Выбрала розу, темно-красный бутон сорта «Папаша Мейон», и великолепный золотистый персик и поспешила обратно домой, пока ее не хватились. Когда вошла, Рамон все еще говорил по телефону.

Роза и персик украсили поднос с завтраком. Когда он торжественно был внесен в спальню, Рамон оторвался от телефона и одарил ее своей редкой и потому столь драгоценной для нее улыбкой.

Она присела на край кровати и стала кормить его, аккуратно отделяя вилкой сочную лососину от костей и по кусочку засовывая ему в рот, а телефонный разговор все продолжался. Когда Рамон поел, унесла поднос на кухню, принялась за мытье посуды и только тогда услышала, что он наконец повесил трубку.

Быстро вернулась в спальню и уселась на своей половине кровати, поджав под себя ноги, в той типично женской позе, которая совершенно недоступна для мужчины.

– Рамон, – произнесла спокойно и серьезно, – это пулевое ранение.

Его глаза мгновенно превратились в два куска зеленого льда; лицо будто окаменело.

– Как это случилось?

Он по-прежнему молча смотрел на нее. Она почувствовала, что решимость покидает ее, но все же заставила себя продолжать:

– Ты ведь не банкир, не так ли?

– Большую часть времени я действительно банкир.

– А меньшую?

– Я патриот. Я служу своей стране.

У нее словно гора свалилась с плеч. Всю ночь она воображала себе одну картину страшнее другой: он представлялся ей то торговцем наркотиками, то банковским грабителем, то членом какого-нибудь преступного синдиката, воюющего со своими конкурентами.

– Испания, – осенило ее. – Ты работаешь на испанскую разведку, ведь так?

Рамон опять помолчал, внимательно наблюдая за ней и просчитывая свои дальнейшие шаги. Он был непревзойденным мастером постепенного саморазоблачения. Жертву следовало вовлекать медленно, шаг за шагом, чтобы она этого не замечала, а значит, и не сопротивлялась, как насекомое, которое село на разлитый мед и с наслаждением барахтается в этой сладкой луже, не ведая, что ему уже не суждено выбраться из липкой, безжалостной трясины.

– Ты сама понимаешь, Белла, что даже если бы ты и была права, я все равно не мог бы тебе в этом признаться.

– Ну разумеется. – Она счастливо кивнула.

Ей уже приходилось встречать человека из этого опасного и увлекательного мира шпионажа и политических интриг. То был единственный мужчина до Рамона, в которого, как ей тогда казалось, она была по уши влюблена. Служил он в южноафриканской службе безопасности в чине бригадира и тоже обладал властной и жесткой натурой, способной подчинить и удержать в узде самые бурные порывы ее чувств. Они с Лотаром де Реем прожили шесть счастливых и безумных месяцев, как муж и жена, в уютной йоханнесбургской квартире. Когда он внезапно и безо всякого предупреждения разорвал их отношения, она была совершенно подавлена. Теперь-то понимала, это было всего-навсего легкое, несерьезное увлечение, не идущее ни в какое сравнение с той страстью, что она испытывала к Рамону Мачадо.

– Рамон, милый мой, я все понимаю, ты можешь на меня положиться. Я не буду больше задавать глупых вопросов.

– Я уже доверил тебе свою жизнь. Ведь ты была первой, к кому я обратился за помощью.

– И я горжусь этим. И поскольку ты испанец и при этом дорогой для меня человек, отец моего ребенка, я тоже чувствую себя во многом испанкой. Я хочу помочь тебе всем, чем только могу.

– Да. Я понимаю. И я как раз думал о нашем ребенке. – Протянул руку и дотронулся до ее живота; рука была твердой и холодной. – Я хочу, чтобы мой сын родился в Испании; тогда он тоже будет испанцем и сможет с полным правом унаследовать титул.

Это заявление застигло ее врасплох. Она была абсолютно уверена, что будет рожать в Лондоне. Ее гинеколог уже зарезервировал за ней место в одном из родильных домов.

– Ты выполнишь мою просьбу, Белла? Ты согласна, чтобы наш сын был настоящим испанцем? – Он спросил так, что все сомнения улетучились.

– Да, конечно, любимый. Я сделаю все, что ты хочешь. – Она нагнулась и поцеловала его. Затем пристроилась рядом на подушке, очень осторожно, чтобы не потревожить его раны. – И если ты хочешь, чтобы я рожала в Испании, нам нужно все это как следует устроить.

– Я уже все продумал, – признался он. – В окрестностях Малаги есть превосходная частная клиника. Мой друг, он работает в управлении нашего банка в Малаге, подыщет нам квартиру с горничной. Я уже договорился о своем переводе в управление, так что когда ребенок появится на свет, я буду рядом с тобой.

– Все это очень здорово, – согласилась она. – Но если уж ты выбираешь место, где родится наш ребенок, тогда я буду решать, где мы поженимся, когда наконец сможем это сделать. Это будет по-честному, разве не так?

Он улыбнулся:

– Да, это будет по-честному.

– Я хочу, чтобы мы поженились в Велтевердене. В поместье есть старая церковь; построили для рабов сто пятьдесят лет назад. Моя бабушка распорядилась, чтобы ее полностью отреставрировали и обновили к свадьбе моего брата Гарри. Знаешь, там так красиво, и бабушка велела все наполнить цветами для Гарри и Холли. А у меня на свадьбе будут лилии. Некоторые считают, что они не приносят счастья, но это мои любимые цветы, и к тому же я не суеверная, ну, во всяком случае, не очень суеверная...

Он терпеливо слушал ее болтовню, время от времени поддакивая и дожидаясь подходящего момента для очередного хода; вскоре она сама предоставила ему удобный случай.

– Но, Рамон, дорогой мой, нас уже сильно поджимает время. Бабушке понадобится минимум шесть недель для того, чтобы все подготовить, а к тому времени я уже не буду пролезать в двери. И когда пойду к алтарю, впору будет играть не свадебный марш, а песенку «Слоненок на прогулке».

– Нет, Белла, – возразил он. – На свадьбе ты будешь стройной и прекрасной – потому что уже не будешь беременной.

Она резко приподнялась и села в постели.

– Что ты хочешь этим сказать, Рамон? Что-то случилось?

– Да. Ты угадала. Боюсь, что моя новость тебя не обрадует. Я получил известие от Натали. Она все еще во Флориде. Она заупрямилась, и все дело застопорилось.

– Ах, Рамон!

– Мне это столь же неприятно, как и тебе. Я делаю все, что от меня зависит, поверь мне.

– Я ненавижу ее, – прошептала она.

– Да, иногда у меня возникает такое же чувство. Но в конце концов, здесь нет ничего ужасного, это всего лишь маленькое неудобство. Ведь мы в любом случае поженимся, и все будет так, как ты хочешь, – и маленькая церковь для рабов, и твои любимые лилии. Просто наш сын родится до того, как все это произойдет.

– Рамон, обещай мне, поклянись, что мы поженимся, как только ты будешь свободен.

– Клянусь.

Изабелла вновь улеглась рядом с ним, положила голову на его здоровое плечо и уткнулась в него лицом, чтобы скрыть всю степень своего разочарования.

– Я ее ненавижу, но тебя я очень люблю, – призналась она, и на губах Рамона промелькнула мрачная самодовольная ухмылка, но, увы, незамеченная.

* * *

Рана приковала его к постели на целую неделю, и у них было много времени для разговоров. Белла рассказала Рамону о Майкле, и ей польстил тот интерес, который он проявил к брату.

Она долго расписывала ему достоинства Майкла и их особые, доверительные отношения. Рамон слушал и понемногу вытягивал из нее все новые и новые сведения. С ним было так просто разговаривать. Он казался ей продолжением ее самой. Незаметно для себя

перешла на другие темы, рассказала о других членах семьи, о том, что скрывалось за тем блестящим фасадом, который выставлялся на всеобщее обозрение: об их семейных тайнах, слабостях и скандалах, о разводе Шасы и Тары. Даже упомянула о некоей давней и темной истории, согласно которой ее бабушка будто бы когда-то произвела на свет незаконнорожденного сына где-то в глуши южноафриканских пустынь.

– Разумеется, все это только слухи, никто никогда не пытался этого доказать. И я не думаю, что у кого-то хватило бы смелости попытаться. Бабушка – это страшная сила. – Рассмеялась. – Это еще слабо сказано. И тем не менее тогда, в двадцатые годы, с ней определенно была связана какая-то очень сомнительная история.

В конце концов Рамон вновь перевел разговор на Майкла:

– Если он сейчас здесь, в Лондоне, почему бы тебе нас не познакомить? Ты что, стыдишься меня?

– Ой, а можно? Мне в самом деле можно привести его сюда, Рамон? Я ему немного рассказывала о тебе, о нас. Знаешь, он очень хочет познакомиться с тобой, и я уверена, что он тебе понравится. Он единственный милый и приятный человек из всех Кортни. Что же касается всех остальных... – Она комично закатила глаза.

Майкл заявился с бутылкой отцовского бургундского под мышкой.

– Сначала я хотел принести цветы, – объяснил он, – но потом решил захватить с собой что-нибудь более полезное.

Они с Рамоном пожали руки, в то же время внимательно изучая друг друга. Изабелла, в свою очередь, взволнованно наблюдала за ними, надеясь, что они друг другу понравятся.

– Как твои ребра? – спросил Майкл.

Изабелла сказала ему, что Рамон упал с лошади и сломал три ребра.

– Твоя сестра держит меня под замком. В сущности, у меня нет ничего такого, чего нельзя было бы вылечить стаканом этого прекрасного бургундского. – Рамон буквально излучал то особое очарование и обезоруживающее дружелюбие, против которых устоять не мог никто. Изабелла почувствовала огромное облегчение. Было ясно, что два самых дорогих и важных для нее человека легко найдут общий язык.

Она взяла бургундское и пошла на кухню за штопором. Когда вернулась с открытой бутылкой и двумя бокалами, Майкл сидел на стуле возле кровати, и оба были уже целиком поглощены разговором.

– В нашем банке мы получаем твою газету «Голден сити мейл» авиапочтой, – говорил ему Рамон. – Больше всего мне нравятся в ней статьи, посвященные финансовым и экономическим вопросам.

– А, так, значит, ты занимаешься банковским делом, – кивнул Майкл. – Белла мне об этом не рассказывала.

– Да, я работаю на коммерческий банк. Мы специализируемся на странах Африки южнее Сахары.

И они тут же принялись обсуждать проблемы этого региона, Белла сбросила туфли, закатала штанины джинсов и пристроилась на кровати рядом с Рамоном. Она не принимала участия в разговоре, но слушала очень внимательно.

Прежде она понятия не имела, что Рамон так прекрасно разбирается в африканских делах и реалиях, что он настолько глубоко знает людей, места и события, из которых складывалась красочная и причудливая мозаика ее родины. По сравнению с этой дискуссией все ее предыдущие разговоры с ним казались поверхностными и банальными. Сейчас, слушая, она узнавала все новые и новые факты и открывала для себя идеи, которые никогда раньше не приходили ей в голову.

Судя по всему, знания Рамона произвели на Майкла не меньшее впечатление, чем на нее. Было очевидно, что ему доставляет истинное наслаждение оттачивать свои представления и убеждения на столь сильном и в то же время доброжелательном оппоненте.

Было уже далеко за полночь; принесенная Майклом бутылка вина давно опустела, так же как и вторая, которую Изабелла извлекла из своих скромных кухонных запасов. Вся спальня насквозь пропиталась дымом сигарет «Кэмел»; наконец она взглянула на часы и воскликнула:

– Тебя приглашали всего-навсего на бокал вина, Микки, а вы уже выдули две бутылки, к тому же Рамон все еще болен. Так что пора и честь знать. – И принесла его пальто.

Помогала ему влезть в рукава, когда Рамон, приподнявшись с постели, негромко произнес:

– Если уж ты решил сделать серию интервью с политэмигрантами, то твоя коллекция будет неполной без Рейли Табаки.

Микки печально усмехнулся.

– Я бы отдал душу дьяволу, чтобы добраться до этого таинственного Табаки. Увы, это просто невозможно; как выражался старик Редьярд, «куда по утрам уходит туман, найдешь там его следы».

– Мне приходилось встречаться с ним в нашем банке по служебным делам. У нас есть досье на всех наших клиентов. Может быть, мне удастся устроить вашу встречу, – небрежно сказал Рамон; Майкл замер, еще не надев пальто, и потрясенно уставился на него.

– Я уже пять лет разыскиваю его. Если бы тебе удалось...

– Позвони мне завтра, часов в двенадцать. Я попробую что-нибудь придумать.

В дверях Майкл поцеловал Изабеллу.

– Насколько я понимаю, домой ты сегодня не собираешься?

– А я и так дома. – Она чмокнула его в щеку. – Я временно поселилась на Кадогэн-сквер лишь для того, чтобы ты не сразу обо всем догадался, но теперь, я думаю, это уже ни к чему.

– Твой Рамон потрясный мужик, – заявил Майкл, и она совершенно неожиданно почувствовала острый приступ ревности, как будто другая женщина пыталась претендовать на внимание Рамона. Постаралась избавиться от этого наваждения, но тщетно. За всю жизнь это было первым нехорошим чувством по отношению к Микки; она вернулась в спальню, но оно все никак не проходило, более того, еще усилилось, когда Рамон произнес:

– Знаешь, а твой брат мне очень понравился. Он один из тех незаурядных личностей, что встречаются весьма редко.

Ей стало стыдно за свои недобрые чувства к Микки. Ну как она могла хоть на секунду усомниться, что Рамон самый настоящий мужчина, без всяких отклонений. Конечно, Майкл понравился ему благодаря своему обаянию и острому уму и еще потому, что он ее брат – и все же, все же это грязное, подленькое чувство не покидало ее.

Она наклонилась над кроватью и поцеловала Рамона с такой страстью, что даже сама удивилась. Он на мгновение оторопел, но его губы тут же распахнулись ей навстречу, их языки сплелись, обволакивая друг друга, как два скользких спаривающихся угря.

В конце концов она оторвалась от него и пристально посмотрела ему в лицо.

– Ты, значит, неделями шляешься где-то по Европе, я тут изнываю вся, а когда ты возвращаешься, то валяешься без толку в постели и только лопаешь и спишь, – упрекнула его голосом, севшим от охватившего ее желания. – И тебе абсолютно наплевать на свою няньку или, точнее, прислугу. Ну что же, мистер Рамон, заявляю вам со всей ответственностью, что сегодня день полочки и я намерена потребовать с вас плату за все это время.

– Тебе придется мне немного помочь.

– Лежи спокойно. Не двигайся. Это приказ. Мы сами обо всем позаботимся.

Она приподняла одеяло, сунула руку, и ее голос превратился в томное воркование.

– Мы обо всем позаботимся с ним вдвоем. А ты ни во что не вмешивайся.

Потом осторожно взобралась на него, стараясь не задеть перебинтованной груди. Когда член оказался внутри ее, Белла увидела в зеленом зеркале глаз Рамона отражение своего собственного желания и почувствовала, как все ее сомнения разом улетучились. Он принадлежал ей, и только ей.

Потом она лежала, прижавшись к его здоровому плечу, умиротворенная и счастливая, и они лениво переговаривались в темноте, балансируя на тонкой грани между сном и бодрствованием. Когда он снова упомянул Майкла, ей стало совестно за свои недавние подозрения. Было так хорошо, так спокойно, она доверяла Рамону, как самой себе. Ей захотелось все ему объяснить, поделиться своими переживаниями.

– Бедный Микки, я и не подозревала, как он страдал все эти годы. Я была самым близким ему человеком, и тем не менее даже я ничего не знала. И только несколько дней назад, и то совершенно случайно, я узнала, что он гомосексуалист...

Эти слова слетели с губ прежде, чем она успела их остановить, и Изабелла вдруг ужаснулась тому, что сделала. Микки доверился ей, а она... Содрогнулась, ожидая реакцию Рамона. Однако услышала совсем не то, чего ожидала услышать.

– Да, – спокойно подтвердил он. – Я догадался. Есть определенные признаки, по которым нельзя ошибиться. Я знал это уже через полчаса после его прихода.

Она почувствовала огромное облегчение. Рамон сам догадался, значит, можно не упрекать себя в предательстве.

– И тебя это не отталкивает?

– Абсолютно, – заверил Рамон. – Многие из них весьма талантливые, творческие и умные люди.

– Да-да, Майкл именно такой. Сначала я была шокирована, но теперь мне на это наплевать. Я по-прежнему его очень люблю. И все же я беспокоюсь, как бы его не привлекли к суду за такие дела.

– Ну, не думаю, что в наше время такое возможно. Общество уже признало...

– Ты не понимаешь, Рамон. Майкл предпочитает черных, а живет он в Южной Африке.

– Это другое дело. Тогда у него в самом деле могут быть неприятности.

Майкл позвонил из телефонной будки на Флит-стрит без нескольких минут двенадцать; Рамон поднял трубку уже на втором звонке.

– У меня для тебя хорошие новости. Рейли Табака в Лондоне, и он знает о тебе. Это ты в шестидесятом году написал серию статей под заголовком «Ярость»?

– Да, шесть статей для «Мейл»; из-за них газета была запрещена службой безопасности.

– Ну так вот. Табака их читал, и они ему понравились. Он согласился с тобой встретиться.

– Боже мой, Рамон. Я просто не знаю, как тебя благодарить. Это самый чудесный случай...

Рамон бесцеремонно оборвал его излияния:

– Он встретится с тобой сегодня вечером, но на определенных условиях.

– Я готов принять любые.

– На встречу ты придешь один. Разумеется, без оружия, и никаких магнитофонов или фотоаппаратов. Он не хочет, чтобы его снимали или записывали голос. На Шепард-Буш есть небольшая пивная. – Он продиктовал Майклу адрес. – Ты должен быть там сегодня в семь. В руках у тебя будет букет гвоздик. Тебя встретят и проводят к нему.

– Отлично, я все понял.

– И еще одно условие. Табака хочет прочесть запись этого интервью, прежде чем ты его опубликуешь.

Майкл замолчал на пять долгих секунд. Это требование противоречило всем его журналистским принципам. Оно было равносильно цензуре и бросало тень на профессиональную репутацию. Тем не менее ценой этому было интервью с одним из самых неуловимых людей во всей Африке.

– Хорошо, – скрепя сердце согласился он. – Я дам прочесть текст. – Затем голос повеселел. – За мной должок, Рамон. Завтра вечером я зайду к тебе и обо всем расскажу.

– Не забудь прихватить бутылку.

Не теряя ни минуты, Майкл помчался обратно на Кадогэн-сквер. Добравшись до телефона, он тут же отменил все остальные встречи, назначенные на этот день, и принялся разрабатывать план предстоящего интервью. Задача перед ним стояла не из легких. Вопросы должны были быть прямыми и нелицеприятными, но в то же время важно было не обидеть Табаку, чтобы у того не пропало желание беседовать. Нужно было продемонстрировать искренность и понимание и одновременно должную суровость, ибо он имел дело с человеком, намеренно вступившим на путь насилия и жестокости. Чтобы внушить ему доверие, вопросы должны звучать сдержанно и нейтрально, но при этом заставлять его полностью раскрываться. Больше всего он не хотел, чтобы интервью вылилось в пересказ бесчисленных радикальных лозунгов и упражнения в революционной риторике.

«Термин «террорист» обычно обозначает человека, который в каких-либо политических целях совершает акт насилия против гражданского объекта, и при этом существует высокая вероятность гибели или ранения невинных людей. Согласны ли вы с таким определением, и если да, то можно ли назвать «Умконто ве Сизве» террористической организацией?»

Это должно было стать первым вопросом; Майкл закурил новую сигарету и еще раз просмотрел напечатанный текст.

«Пожалуй, сойдет». Это называется сразу взять быка за рога, правда, формулировку можно было бы слегка отшлифовать. Он продолжил работу и к половине шестого смог подготовить двадцать вопросов, которые в целом его устроили. Подкрепился бутербродом с копченой лососиной, выпил бутылку «Гиннеса», еще раз пробежал глазами свои наметки и немного порепетировал.

Затем накинул плащ, пошел на угол к цветочному киоску и вооружился букетом гвоздик. Моросил мелкий противный дождь. Он поймал такси на Слоун-стрит.

В пивной было душно; воздух буквально пропитался испарениями, исходившими от разгоряченных человеческих тел. Влага осаждалась на грязных оконных стеклах и сползала вниз радужными ручейками. Майкл выставил перед собой гвоздики на всеобщее обозрение, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь сизую пелену табачного дыма. Не прошло и минуты, как аккуратно одетый индус, в синем шерстяном костюме-тройке, отошел от стойки бара и протиснулся сквозь толпу к тому месту, где он стоял.

– Мистер Кортни, меня зовут Гован.

– Вы из Наталя. – Майкл узнал характерный акцент.

– Из Стангера. – Незнакомец улыбнулся. – Но с тех пор прошло уже шесть лет. – Он посмотрел на плащ Майкла: – Кажется, дождь уже кончился? Хорошо, тогда мы можем идти. Это недалеко.

Проводник быстро зашагал вниз по оживленной улице. Через сотню ярдов он резко повернул в узкий боковой переулок и еще более ускорил шаг. Майклу, чтобы не отстать, пришлось перейти на рысь. Когда они дошли до поворота, он уже изрядно запыхался.

– Чертовы сигареты – пора с этим завязывать.

Гован свернул за угол и внезапно остановился. Майкл раскрыл было рот, но Гован стиснул его руку, давая знак молчать. Пять минут они простояли, не двигаясь с места. Только убедившись, что за ними нет слежки, Гован ослабил свою хватку.

– Я вижу, вы мне не доверяете. – Майкл улыбнулся и бросил гвоздики в урну с надписью, грозившей всевозможными карами тем, кто мусорит на улице.

– Мы никому не доверяем. – Гован двинулся дальше. – Особенно бурам. Они каждый день придумывают какую-нибудь новую гадость.

Через десять минут они вновь остановились, теперь уже напротив современного многоквартирного дома, на широкой, хорошо освещенной улице. Несколько «мерседесов» и «ягуаров» были припаркованы у тротуара. Газон в небольшом скверике у парадного подъезда тщательно подстрижен. По всему было видно, что они находятся в весьма фешенебельном жилом районе.

– Здесь мы с вами расстанемся, – сказал Гован. – Входите. В холле вас встретит привратник. Скажите ему, что вы гость мистера Кендрика, проживающего в пятьсот пятой квартире.

Холл полностью соответствовал фасаду здания: пол из итальянского мрамора, обитые деревом стены и позолоченные двери лифта. Привратник в красивой униформе сердечно приветствовал его.

– Разумеется, мистер Кортни, мистер Кендрик ждет вас. Поднимитесь, пожалуйста, на пятый этаж.

Когда двери лифта распахнулись, перед ним возникли двое неулыбчивых молодых людей с темным цветом кожи.

– Следуйте за нами, мистер Кортни.

Его повели по ковровой дорожке к 505-й квартире, открыли перед ним дверь и вошли следом.

Когда дверь захлопнулась, они встали по обеим сторонам от него и принялись быстро, но тщательно обыскивать. Майкл с готовностью поднял вверх руки и широко расставил ноги. Пока шарили по его карманам, он профессиональным взглядом окинул помещение, в котором находился. Квартира была обставлена с большим вкусом и большими затратами.

Наконец его конвоиры завершили свой осмотр, и один из них распахнул двойные двери, находившиеся прямо перед ним.

– Прошу вас, – произнес он, и Майкл вошел в просторную, прекрасно обставленную комнату. Диваны и кресла были обиты кремового цвета кожей от Конноллы. Весь пол покрыт толстым шоколадного цвета ковром. Столы и бар для напитков сверкали хромом и стеклом. На стенах висели четыре большие картины кисти Хокнея из его «купального» цикла.

«Пятьдесят тысяч фунтов каждая, не меньше», – прикинул Майкл, и глаза его обратились к человеку, стоящему посередине комнаты.

Последних фотографий этого человека в природе не существовало, но Майкл тем не менее моментально его узнал по нечеткому газетному снимку из архивов «Мейл», сделанному в шарпевильский период, когда он впервые попал в поле зрения южноафриканской полиции.

– Мистер Табака. – Ростом тот был не ниже Майкла, где-то метр восемьдесят пять, но шире в плечах и уже в талии.

– Мистер Кортни. – Рейли Табака шагнул навстречу с протянутой рукой. Он двигался подобно боксеру, пружинисто, упруго, всегда готовый защищаться или нападать.

– У вас хороший вкус. – Майкл придал своему голосу вопросительную интонацию, и Рейли Табака слегка нахмурился.

– Эта квартира принадлежит одному из наших сторонников. Я не любитель всей этой мишуры. – Его голос был твердым и в то же время глубоким; в нем звучала та особая афри-

канская мелодичность, которую невозможно спутать ни с чем. Несмотря на последние слова, на нем был новый, с иголочки, шерстяной костюм, элегантно облегавший фигуру воина. Шелковый галстук украшал изящный рисунок с мотивами Гуччи. Да, это был весьма импозантный человек.

– Я благодарю вас за предоставленную мне возможность встретиться с вами.

– Я читал ваши статьи из цикла «Ярость». – Рейли изучающе оглядывал Майкла своими черными, как оникс, глазами. – Вы понимаете мой народ. Вы честно и непредвзято описали наши надежды и устремления.

– Боюсь, что с вами согласятся далеко не все – особенно те, кто находится сейчас у кормила власти в Южной Африке.

Рейли улыбнулся. Его зубы были ровными и белыми.

– К сожалению, то, что я смогу сообщить вам сегодня, тоже вряд ли им понравится. Но сперва не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Если можно, джин с тоником.

– Ах да, это то самое горячее, на котором работают все журналистские головы. – В голосе Рейли прозвучало нескрываемое презрение. Он подошел к бару, налил в бокал светлую жидкость из хрустального графина и впрыснул туда тоник через хромированный шланг, присоединенный к бару.

– Вы не пьете? – осведомился Майкл, и Рейли снова нахмурился.

– У меня много работы, зачем же мне туманить себе мозги? – Он взглянул на часы. – В вашем распоряжении один час, затем мне нужно будет уйти.

– Что ж, не будем терять ни минуты, – согласился Майкл. Они уселись друг напротив друга в кремовых кожаных креслах, и он приступил к делу: – У меня есть все ваши биографические данные: место и дата рождения, учеба в Уотерфордской школе в Свазиленде, ваше родство с Мозесом Гамой, а также ваше нынешнее положение в АНК. Могу я исходить из этих фактов?

Рейли наклонил голову в знак согласия.

– Термин «террорист» обычно обозначает... – Майкл повторил свое определение и заметил, как лицо собеседника исказилось от гнева.

– В Южной Африке нет и не может быть никаких невинных людей, – резко перебил он. – Идет война. И в этой войне никто не может оставаться нейтральным. Мы все в ней участвуем.

– Даже дети и старики? Даже те, что сочувствуют вашему народу, понимают его надежды и чаяния?

– Никто не может оставаться нейтральным, – повторил Рейли. – Мы все солдаты, с колыбели и до могилы. И мы все принадлежим к одному из двух лагерей: либо к угнетенным, либо к угнетателям.

– Значит, ни у кого нет выбора – ни у мужчины, ни у женщины, ни у ребенка?

– Напротив, выбор есть у каждого – стать на ту или другую сторону. Невозможно как раз уклониться от этого выбора.

– Хорошо, но ведь если, к примеру, вы взорвете бомбу в переполненном супермаркете, то при этом могут погибнуть и ваши сторонники, случайно оказавшиеся там. Будете ли вы тогда раскаиваться в содеянном?

– Чувство раскаяния революционерам чуждо; впрочем, так же как и защитникам апартеида. Любая смерть на войне – это либо вражеские потери, либо благородная и святая жертва на алтарь нашей борьбы. И то и другое неизбежно, более того, даже желательно.

Ручка Майкла судорожно металась по страницам блокнота, пытаясь как можно подробнее зафиксировать эти ужасающие откровения. Он был потрясен и возбужден одновременно; то, что услышал, вызывало какое-то смешанное чувство ужаса и восхищения.

Ему казалось, что беспредельная ярость этого человека вот-вот опалит его подобно тому, как пламя свечи опалает крылья неосторожного мотылька. Он понимал, что как бы точно ни записал его слова, ему никогда не удастся воспроизвести ту неистовую страсть, с которой они произносились.

Отведенный час пролетел слишком быстро, хотя Майкл старался использовать каждую секунду драгоценного времени; когда Рейли наконец взглянул на часы и встал, он предпринял отчаянную попытку хоть немного его продлить:

– Вы упомянули о детях, сражающихся в ваших рядах. Могу я узнать, сколько им лет?

– Я покажу вам семилетних детей, умеющих обращаться с оружием, и командиров боевых групп, которым всего десять лет.

– Вы мне их покажете? – переспросил Майкл, не веря своим ушам. – В самом деле – я могу на это рассчитывать?

Рейли пристально посмотрел на него. Судя по всему, информация, полученная им от Рамона Мачадо, была верна. Этот объект может быть полезен. При надлежащей обработке его можно превратить в стоящее оружие, годное для серьезного дела. Конечно, потребуется немало времени и усилий, чтобы довести начатое до конца, но эти затраты наверняка окупятся. Он явно принадлежит к числу тех, кого Ленин называл «полезными идиотами» и кого для начала можно заставить служить общему делу помимо их собственной воли. В дальнейшем, конечно, все будет по-иному. Ему будет отведена роль лопаты или плуга, вспахивающего поле; и только потом, когда плод окончательно созреет, плуг перекуют в боевой меч.

– Майкл Кортни, – тихо произнес он, – вы внушаете мне доверие. Я считаю вас порядочным и просвещенным человеком. И если вы оправдаете мое доверие, я распахну перед вами двери в такие места, о существовании которых вы даже не подозреваете. Я проведу вас по улицам и лачугам Соуэто. Перед вами откроются сердца нашего народа – и я покажу вам наших детей.

– Когда? – выпалил Майкл, понимая, что его время неумолимо истекает.

– Скоро, – пообещал Рейли, и в этот момент они услышали стук входной двери.

– Как мне вас найти? – настаивал Майкл.

– Никак. Я сам найду вас, как только придет время.

Двойные двери гостиной распахнулись, и в комнату вошел темнокожий мужчина. Даже несмотря на то что все мысли Майкла были заняты обещаниями, данными ему Рейли Табакой, этот человек тут же привлек внимание. Взглянув на него, Майкл испытал легкий шок. Он мгновенно узнал его даже в верхней одежде. Само имя Кендрик сразу должно было насторожить.

– А это наш гостеприимный хозяин, владелец этой квартиры, – сказал Рейли Табака и представил их друг другу: – Оливер Кендрик, Майкл Кортни.

– Я видел вас в роли Спартака, – проговорил Майкл с благоговейным трепетом в голосе. – Я трижды смотрел этот балет с вашим участием. Ваш танец – это воплощенная мужественность и потрясающий атлетизм.

Оливер Кендрик улыбнулся, легкой пружинистой походкой танцора пересек комнату и протянул Майклу руку. Его ладонь была на удивление узкой и прохладной, кости казались хрупкими, как у птицы. Он вообще был очень похож на птицу, недаром его прозвали Черным Лебедем. Шея была по-лебединому длинной и изящной, а глаза сияли, подобно горному озеру при лунном свете. Такое же свечение исходило и от черной глянцевої кожи.

Майкл решил, что вблизи он даже еще прекраснее, чем в романтическом свете юпитеров на театральных подмостках; у него перехватило дыхание. Танцор, не выпуская руки Майкла, повернул голову к Рейли.

– Прошу тебя, побудь с нами еще немного, – произнес он нараспев, с мелодичностью, характерной для уроженцев Вест-Индии.

– Я должен идти. – Рейли решительно покачал головой. – Я и так уже опаздываю на самолет.

Тогда Оливер Кендрик вновь повернулся к Майклу, по-прежнему держа его за руку.

– У меня был кошмарный день. Просто хочется лечь и умереть, честное слово. Не оставляй меня, Майкл. Пожалуйста, останься. Постарайся меня развлечь. Ведь ты же можешь быть очень милым и веселым, правда, Майкл?

Рейли Табака простился с ним и вышел из квартиры. Один из его людей ждал у дверей, однако к лифту они не пошли. Вместо этого он повел Рейли дальше по коридору и буквально через несколько шагов остановился перед куда менее импозантной дверью. За ней оказалась еще одна квартира, гораздо меньше первой, с простой, даже бедной обстановкой. Рейли, не останавливаясь, пересек прихожую и вошел во внутреннюю комнату; еще один из его людей, сидевших на стуле у освещенного окна, врезанного в боковую стену, привстал при его появлении.

Рейли сделал ему знак оставаться на месте и подошел к окну. Оно имело необычную форму и было похоже на высокое и узкое трюмо. Стекло было мутноватое, со слегка матовым оттенком, характерным для двусторонних зеркал, когда смотришь на них с обратной стороны.

Через него была видна спальня, столь же роскошно обставленная, как и все остальные апартаменты Оливера Кендрика. В окраске преобладали всевозможные бледные тона цвета шампиньонов и устричных раковин; атласное постельное покрывало идеально гармонировало с цветом толстого мягкого ковра. Скрытый свет струился по потолку, дрожа и переливаясь на зеркальных панелях. В нише напротив кровати красовался древний фаллический символ, вырезанный из желтого вулканического стекла, бесценная реликвия из индуистского храма.

Комната была пуста, и Рейли перевел взгляд на видеоаппаратуру; она была полностью готова к съемке, объектив камеры упирался прямо в зеркальное стекло.

Квартира и аппаратура также принадлежали Оливеру Кендрику. Он уже неоднократно предоставлял их в распоряжение Рейли. Казалось весьма странным, что столь талантливый и знаменитый человек, как Кендрик, соглашался принимать участие в подобного рода действиях. И тем не менее он не только охотно занимался этим, но и, по сути, сам предложил Рейли свою аппаратуру и собственные услуги. Причем проявлял неподдельный энтузиазм и изобретательность, не позволявшие сомневаться в том, что такие вещи явно приходились ему по вкусу. Единственное, что он требовал в качестве вознаграждения, так это копии видеофильмов и фотографий, которые присоединял к своей внушительной коллекции. Сама видеоаппаратура была высочайшего профессионального класса. Качество съемки всегда производило на Рейли большое впечатление, даже невзирая на царивший в спальне полумрак.

Табака вновь посмотрел на часы. Он мог спокойно предоставить все остальное своим телохранителям. Они уже много раз проделывали это. Однако какое-то извращенное любопытство удерживало его на месте. Прошло почти полчаса, прежде чем дверь спальни распахнулась. Они увидели Кендрика и Майкла Корни. Оба помощника быстро заняли свои рабочие места, один у видеомagniфона, а другой – у большой черной «хассельбладской» фотокамеры на треноге. Она была заряжена монохромной театральной пленкой чувствительностью 3000 АСА, позволявшей делать четкие снимки при самом слабом освещении.

Двое в соседней комнате обнялись и поцеловались враскоряку; это был долгий, страстный поцелуй; видеомagniфон издавал легкое электрическое жужжание. Гораздо громче хлопал затвор объектива «Хассельблада»; в тихой затемненной комнате щелчки его звучали подобно револьверным выстрелам.

Когда белый человек уже лежал на устричного цвета атласном покрывале в ожидании своего партнера, Кендрик, совершенно обнаженный, подошел к прозрачному зеркалу. Он делал вид, что рассматривает свое тело, хотя на самом деле нарочно демонстрировал его людям, смотревшим из-за зеркала. Долгие часы, проведенные у балетного станка, чрезвычайно развили мускулатуру. Икры и бедра казались непропорционально массивными.

Он вызывающе пялился в зеркало, бриллиантовые серьги в мочках ушей тускло поблескивали, он медленно поворачивал голову на длинной лебединой шее, принимая театральные позы. Затем провел кончиком языка по внутренней кромке раздвинутых губ и посмотрел через замутненное зеркало прямо в глаза Рейли. Это был самый похотливый, самый сладострастный жест, который тот когда-либо видел, и при этом в нем было что-то настолько недоброе и порочное, что на мгновение заставило содрогнуться даже Табаку. Кендрик отвернулся от зеркала и лениво, не торопясь пошел к кровати. Его бархатные черные ягодицы мерно раскачивались в нарочито жеманной, семенящей походке, и человек на кровати протянул к нему руки, раскрывая свои объятия.

Рейли отвернулся и быстро вышел из квартиры. Он спустился на лифте и шагнул в бодрящую вечернюю прохладу. Поплотнее запахнул пальто и глубоко вдохнул чистый, холодный воздух. Затем, решительно тряхнув головой, зашагал прочь уверенным, размашистым шагом человека, которого ждут неотложные дела.

Когда Майкл покинул Лондон, он увез с собой и частичку той особой радости, что наполняла жизнь Изабеллы все эти последние недели.

Она доставила его в Хитроу.

— У меня такое чувство, будто мы только и делаем, что прощаемся, Микки. Мне будет так не хватать тебя, впрочем, так же как и всегда.

— Увидимся на твоей свадьбе.

— До свадьбы, судя по всему, будут еще крестины, — заявила она; он отстранился и пристально посмотрел на нее.

— Ты мне ничего не говорила об этом.

— Это все из-за его жены. В конце января мы переезжаем в Испанию. Рамон хочет, чтобы ребенок родился именно там. Он должен признать его своим в соответствии с испанскими законами.

— Я хочу, чтобы ты регулярно сообщала мне, где ты находишься, — и не забывай о своем обещании.

— Не беспокойся, если мне понадобится помощь, я в первую очередь обращусь к тебе.

Уже в дверях зала вылета Майкл оглянулся и послал сестре воздушный поцелуй. Когда он скрылся, ее охватило острое чувство одиночества.

Впрочем, оно быстро испарилось на ярком иберийском солнце.

Рамон приглядел квартиру в крохотной рыбацкой деревушке на побережье в нескольких милях от Малаги. Она занимала два верхних этажа дома и имела широкую мощеную террасу, с которой открывался великолепный вид на голубое Средиземное море поверх верхушек прибрежных сосен. Днем, когда Рамон был в банке, Изабелла в своем самом эфемерном бикини лежала в защищенном от холодного ветра уголке террасы и писала последние главы диссертации, а солнце тем временем придавало ее лицу и телу темно-янтарный цвет. Как и каждый, кто родился в Африке, она обожала солнце, и ей ужасно не хватало его все эти проведенные в Лондоне годы.

Рамону приходилось столь же часто отлучаться по делам своего банка, как во время их жизни в Лондоне. Она люто ненавидела все эти поездки, однако в промежутках между ними нередко выпадали счастливые дни, которые они проводили вместе. В Малаге он не был перегружен работой, так что часто приходил из банка сразу после полудня, и они отправля-

лись в самые укромные и безлюдные местечки на побережье или в какой-нибудь из тихих ресторанчиков, где подавали местные морские деликатесы и вина.

Его рана полностью зажила.

– Неудивительно, ведь за мной ухаживала медсестра такой высокой квалификации, – заявил он ей. Осталось только два шрама, на груди и спине, два гладких, розовых рубца, отчетливо видных на фоне темной кожи. Его загар в целом был гораздо темнее, чем у нее; тело по цвету напоминало лоснящееся красное дерево. Этот загар являл собой разительный контраст его зеленым глазам, которые казались еще светлее и ярче.

Когда Рамон был в отъезде, Изабелла оставалась в обществе Адры.

Она понятия не имела, где Рамон ее отыскал. Тем не менее его выбор оказался на редкость удачным, ибо Адра Оливарес превосходно заменяла ей няню. В каком-то смысле даже превзошла свою предшественницу, так как не была столь болтлива, назойлива и любопытна, как та.

Адра была хрупкой на вид, но в то же время физически крепкой женщиной лет сорока с небольшим. У нее были блестящие черные волосы с несколькими седыми прядями; она собирала их сзади в пучок размером с крикетный мяч, который красовался на затылке. Темное лицо выглядело суровым, и в то же время его не покидала добрая, ласковая улыбка. Больше всего внимание Изабеллы привлекали ее руки; загорелые, сильные, с широкими ладонями, словно специально созданные для всякого рода тяжелой работы, они моментально становились быстрыми и легкими, когда она готовила или гладила белье Изабеллы, доводя его до безукоризненной, хрустящей чистоты; они были нежными и бесконечно заботливыми, когда массировали ноющую спину Изабеллы или смазывали ее большой загорелый живот оливковым маслом, чтобы мышцы сохраняли упругость, а кожа осталась гладкой и молодой, без растяжек, часто появляющихся после родов.

Помимо всего прочего, она взялась обучать Изабеллу испанскому языку, и они быстро достигли столь впечатляющих результатов, что удивили даже Рамона. Уже через месяц Изабелла без труда читала местные газеты, свободно беседовала с водопроводчиком и телевизионным мастером и активно поддерживала Адру, когда та торговалась на рынке с неуступчивыми продавцами.

Адра любила расспрашивать Изабеллу о ее семье и об Африке, однако о себе говорила очень неохотно. Изабелла долгое время полагала, что она местная, пока однажды утром не нашла в их почтовом ящике среди прочей корреспонденции конверт, адресованный Адре; штамп и марка свидетельствовали о том, что он был отправлен из Гаваны.

Когда она спросила: «Это от мужа или от родных, Адра? Кто тебе пишет с Кубы?» – женщина была немногословна:

– Это от знакомых, сеньора. Мой муж давно умер. – И в течение всего этого дня была замкнута и неразговорчива. Она вновь обрела душевное равновесие лишь к концу недели, и с тех пор Изабелла тщательно избегала всяких упоминаний о кубинском письме.

По мере того как неделя пробегала за неделей и время, когда Изабелла должна была разрешиться от бремени, приближалось, Адра все с большим нетерпением ожидала это событие. Она приняла активное участие в приготовлениях Изабеллы, в частности в подборе вещей для новорожденного. Первый вклад был сделан Майклом. Из Йоханнесбурга авиапочтой прибыла посылка с набором: шесть детских простынок и наволочек из чистейшего хлопка, окантованных шелковой голубой ленточкой, и пара изящных шерстяных кофточек. Каждый день Изабелла пополняла свою коллекцию, а Адра всячески ей в этом помогала. Вдвоем они обшарили всю округу в радиусе часа езды на «мини», не пропустив ни одного магазина, где можно было хоть что-то приобрести из детской одежды.

Каждый раз, когда Рамон возвращался из своих деловых поездок, он обязательно привозил что-нибудь из детских вещей. И хотя они зачастую скорее подходили для подростка,

чем для новорожденного, его забота так трогала Изабеллу, что ей не хватало духу указать ему на это несоответствие. Однажды он привез детскую коляску, размеры, ходовая часть и сверкающая полировка которой сделали бы честь заводам «Роллс-Ройса». Адра подарила Изабелле шелковое платье для крестин; она сама сшила его и отделала старинными кружевами, которые, по ее словам, когда-то украшали свадебное платье ее бабушки. Изабелла так расчувствовалась, что не выдержала и разрыдалась. Вообще по мере приближения родов она плакала все чаще и чаще и все больше тосковала по Велтевердену. Когда разговаривала по телефону с отцом или бабушкой, ей стоило огромных усилий удержаться от того, чтобы не сболтнуть лишнего о Рамоне или ребенке. Они-то думали, что она просто-напросто уединилась в Испании, чтобы спокойно закончить свой научный труд.

Несколько раз, до того как беременность не стала тому препятствием, Рамон просил ее выполнить кое-какие поручения во время его отсутствия. Каждый раз нужно было просто слетать в какое-либо место в Европе, Северной Африке или на Ближнем Востоке, встретиться там с кем-либо, получить конверт или небольшую посылку и вернуться с этим домой. Когда она летала в Тель-Авив, то пользовалась своим южноафриканским паспортом, а в Бенгази и Каире предъявляла британский паспорт. Все эти поездки занимали не более суток, ничего интересного во время них не происходило, но они давали ей свежие впечатления, а кроме того, прекрасную возможность сделать покупки для ребенка. Неделью спустя после ее поездки в Бенгази там произошел военный переворот под руководством полковника Муамара аль-Каддафи, свергнувший короля Идриса I и уничтоживший монархию; Изабелла была потрясена, когда осознала, что едва не оказалась застигнута революцией вместе со своим будущим ребенком. Рамон полностью разделял ее беспокойство и пообещал не обращаться к ней впредь с подобными просьбами до рождения ребенка. Она ни разу не спросила его, связаны ли ее путешествия с банковскими делами или же с другой, тайной, стороной его жизни.

Раз в неделю она ходила на осмотр в клинику, которую также подобрал для нее Рамон. Адра всегда сопровождала ее. Гинекологом был учтивый и предупредительный испанец с суровым аристократическим лицом и бледными искусными руками, приятно холодившими кожу, когда он ее осматривал.

– Все идет как нельзя лучше, сеньора. Природа делает то, что ей положено, а вы молоды, здоровы и полностью готовы к родам.

– Это будет мальчик?

– Разумеется, сеньора. Прелестный здоровый мальчик. Я лично вам это обещаю.

Клиника размещалась в старинном мавританском дворце; его реставрировали, обновили, и теперь это было великолепное медицинское учреждение, оснащенное самой современной аппаратурой. После того как врач устроил для нее что-то вроде экскурсии по клинике, Изабелла в очередной раз убедилась в мудрости принятого Рамоном решения. Несомненно, это лучшее из всего, что можно было найти во всей округе.

Во время одного из таких визитов в клинику, когда осмотр уже закончился и Изабелла одевалась за занавеской, она невольно подслушала разговор между врачом и Адрой, которые обсуждали ее состояние в приемной. К этому времени Изабелла уже достаточно овладела испанским, чтобы понять, что разговор касался весьма специфичных медицинских вопросов, понятных только профессиональному медику. Ее это удивило.

На пути домой остановила машину у одного из прибрежных ресторанчиков и, по заведенному обычаю, заказала мороженое в шоколаде для них обоих.

– Я слышала твою беседу с доктором, Адра, – заговорила Изабелла со ртом, набитым мороженым. – Ты, наверное, когда-то была медицинской сестрой; ты так хорошо во всем этом разбираешься – знаешь столько разных непонятных слов.

И вновь столкнулась с той же странной, враждебной реакцией своей собеседницы.

– Я слишком глупа для этого. Я простая служанка, – резко заявила та и погрузилась в угрюмое молчание, из которого Изабелла не смогла ее вывести.

По расчетам врача, ребенок должен был родиться в первой неделе апреля, и она ускорила работу над диссертацией, чтобы закончить ее к этому времени. В последний день марта отпечатала страницы и отправила свой труд в Лондон. Никак не могла решить, что же у нее в конце концов получилось – полная чепуха или же поистине гениальное произведение. Теперь задним числом ей без конца мерещились всевозможные упущения, ошибки, которые можно было бы исправить, и дополнения, которые стоило бы внести.

Тем не менее через неделю получила ответ из университета с приглашением прибыть для защиты диссертации на заседание ученого совета факультета.

– Им понравилось, – ликовала она, – конечно, понравилось, иначе они не стали бы тратить на меня время.

Несмотря на надвигающиеся роды, Изабелла на три дня слетала в Лондон. Защита прошла даже успешнее, чем она ожидала, но обратно в Малагу вернулась совершенно измотанной.

– Они обещали сообщить свое решение как можно скорее! – сказала она Рамону. – Но думаю, все будет в порядке – тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Она взяла с Рамона торжественное обещание с этой минуты не оставлять ее одну. Так что в ту ночь лежала в его объятиях под тонкой простыней, оба были нагие; лунный свет падал на них через широко открытую дверь, ведущую на террасу, с моря дул легкий ветерок, когда ее разбудили первые схватки.

Она лежала тихо, решив до поры до времени не будить его, и считала секунды между спазмами; чувствовала беспредельное удовлетворение от того, что этот долгий, захватывающий процесс вступает в свою заключительную фазу. Когда же наконец разбудила Рамона, тот проявил в высшей степени похвальную заботливость, в одной пижаме помчавшись на нижний этаж, чтобы позвать Адру, которая спала в комнате для прислуги.

Чемодан Изабеллы был заблаговременно собран, и они втроем забрались в «мини». Изабелла в гордом одиночестве расположилась на крохотном заднем сиденье, Рамон сел за руль, и вскоре они были уже в клинике.

Как и предсказывал врач, все прошло быстро и гладко. Хотя ребенок оказался довольно крупным, а таз у Изабеллы был относительно узкий, тем не менее обошлось без каких-либо осложнений. Когда врач, стоя между ее раздвинутыми коленями, велел ей предпринять последние усилия, она вложила все свои силы в этот завершающий рывок и, почувствовав, как что-то огромное скользкое выплескивается из нее наружу, издала победный торжествующий крик.

Она нетерпеливо приподнялась на одном локте и смахнула набухшую от пота прядь волос, которая лезла ей в глаза.

– Ну что? Мальчик?

Врач высоко поднял худенькое, мокрое, красное тельце, и все рассмеялись, услышав возмущенный крик новорожденного, его первый крик.

– Убедитесь сами. – Врач, все еще держа младенца за щиколотки, повернул его так, чтобы Изабелла могла получше рассмотреть.

Лиловое лицо ребенка было все в пухлых складках, веки плотно закрыты. Густые иссиня-черные волосы влажными прядями прилипали к головке, а его пенис величиной с половину ее указательного пальца гордо торчал на всеобщее обозрение; с точки зрения Изабеллы, правда, несколько пристрастной, это была весьма внушительная эрекция.

– Мальчик! – ахнула она и затем произнесла несколько раз как зачарованная: – Мальчик и настоящий Кортни!

Изабеллу полностью застигла врасплох та неистовая сила, с которой материнский инстинкт нахлынул на нее, когда первенца приложили к груди и он стиснул своими маленькими упругими деснами набухший сосок и дернул за него с какой-то животной страстью, тут же сочувственно отозвавшейся в ее растянутой матке и заставившей ощутить куда более глубокую, первобытную боль в сердце.

Это было самое прекрасное существо из всех, к кому она когда-либо прикасалась, столь же прекрасное, как и его отец. В те первые дни она просто не могла наглядеться на него, часто вставала по ночам, наклонялась над колыбелью и разглядывала при лунном свете крохотное личико; или, когда он сосал ее грудь, разжимала его розовые кулачки и изучала каждый прелестный маленький пальчик с почти религиозным благоговением.

«Он мой. Он принадлежит только мне», – снова и снова повторяла она, словно не в силах до конца осознать происшедшего с ней чуда.

Эти первые три дня Рамон большей частью провел с ними в большой и солнечной отдельной палате клиники. Казалось, что он испытывает те же чувства по отношению к ребенку, что и она. Они вновь, как и в предшествующие месяцы, принялись обсуждать, как его назовут. В конце концов после долгих споров, действуя методом исключения, отбросили имена Шаса и Шон с ее стороны и Хуеска и Магон со стороны Рамона и сошлись на Николасе Мигеле Рамоне де Сантьяго-и-Мачадо. Мигель представлял собой компромиссный вариант Майкла, на чем настаивала Изабелла.

На четвертый день Рамон вошел в ее палату в сопровождении трех мрачных господ в темных костюмах с солидного вида портфелями в руках. Первый оказался адвокатом, второй чиновником из Государственного регистрационного бюро, а третий местным мировым судьей.

Судья засвидетельствовал подпись Изабеллы на акте об усыновлении, согласно которому она передавала право опеки над Николасом маркизу де Сантьяго-и-Мачадо, и скрепил его официальной печатью. В свидетельстве о рождении, составленном регистратором, Рамон был указан отцом ребенка.

После того как гости выпили по большому стакану хереса за здоровье матери и ребенка и откланялись, Рамон нежно обнял Изабеллу.

– Теперь мой титул перейдет к твоему сыну, – прошептал он.

– К нашему сыну, – прошептала она в ответ и поцеловала его. – Мои дорогие мужчины, Никки и Рамон.

Когда Рамон забрал их из клиники и привез обратно на квартиру, Изабелла пожелала лично отнести Никки наверх. Адра приготовила к их приезду большие корзины цветов.

Она приняла ребенка из рук Изабеллы.

– Он мокрый. Я переменю пеленки. – И Изабелла почувствовала себя львицей, разлученной со своим детенышем.

В последующие дни между двумя женщинами развернулось скрытое, но тем не менее весьма острое соперничество. Хотя Изабелле и пришлось признать очевидное умение Адры обращаться с младенцем, она никак не могла смириться с любым вмешательством с ее стороны. Хотела, чтобы Никки принадлежал только ей одной, поэтому пыталась предугадать и исполнить каждое его желание раньше Адры.

Багровый оттенок, который имело лицо Никки при рождении, скоро плавно перешел в прелестный цвет, его густые темные волосы стали кудрявыми. А когда он впервые открыл глаза, они оказались точно такого же светло-зеленого цвета, как и у Рамона. Изабелла сочла это величайшим чудом, знаком особого расположения судьбы.

– Ты так же красив, как и твой отец, – сообщила она сыну, когда он сосал ее грудь. Во всяком случае, уж эту услугу Адра никак не могла оказать.

За месяцы, проведенные в этой деревушке, Изабелла стала всеобщей любимицей. Ее красота, открытость, радушие вкупе с беременностью и искренним желанием овладеть языком приводили в полный восторг местных торговцев и завсегдатаев рыночной площади.

В ответ на их настойчивые просьбы, когда Никки едва стукнуло десять дней, она уложила его в коляску и торжественно провезла через всю деревню. Это было поистине триумфальное шествие; они вернулись домой, нагруженные бесчисленными подарками и буквально оглохшие от громогласных поздравлений и похвал.

На Пасху она позвонила домой; бабушка говорила с ней весьма строгим тоном:

– Что это у тебя за дела в Испании, из-за которых ты не можешь приехать в Велтеверден?

– Бабуля, я так вас всех люблю, но это просто невозможно. Пожалуйста, не сердись.

– Любой, кто хорошо вас знает, юная леди, а я принадлежу к их числу, сразу поймет, что с вами что-то неладно, и это что-то носит брюки.

– Бабушка, ну ты даешь. Как это могло прийти тебе в голову?

– Двадцатилетний опыт, – сухо сообщила ей Сантэн Кортни-Малькомесс. – Только, ради Бога, будь поосторожнее, детка.

– Честное слово, я буду очень осторожна, – сладко пропела Изабелла, прижимая к груди свое ненаглядное чадо. «Если бы вы только знали, – подумала она. – Брюки-то он как раз не носит, во всяком случае, пока».

– Как твоя диссертация? – осведомился отец, дождавшись наконец своей очереди. Разумеется, она не могла сказать ему, что уже сдала свою работу, ибо тогда лишалась бы главного предлога для своего пребывания в Испании.

– Почти готова, – ответила дипломатично. Собственно говоря, после рождения Никки она ни разу не вспомнила о диссертации.

– Что ж, удачи тебе. – Шаса немного помолчал. – Кстати, ты не забыла о нашем разговоре и о том, что ты мне обещала?

– Что ты имеешь в виду? – Изабелла неловко попыталась выиграть время, на самом деле прекрасно зная, что именно он имеет в виду.

– Ты обещала, что если когда-нибудь у тебя возникнут проблемы, любые проблемы, ты не станешь решать их в одиночку, а обратишься ко мне за помощью.

– Да, я это помню.

– Белла, девочка, ты уверена, что у тебя все в порядке?

– Па, у меня все прекрасно, просто замечательно, честное слово.

Он услышал, как радостно зазвенел ее голос, и с облегчением вздохнул.

– В таком случае желаю тебе счастливой Пасхи, моя умная и прекрасная дочь.

В разговоре с Майклом ей наконец-то удалось отвести душу. Они болтали в течение сорока пяти минут, она в Малаге, он в Йоханнесбурге, она подносила Никки к телефонной трубке и щекотала его, чтобы его дядя на другом конце мог услышать счастливое гуканье.

– Когда ты собираешься вернуться домой, Белла? – спросил Майкл в конце разговора.

– К июню Рамон получит развод, это уже точно. Мы официально распишемся здесь, в Испании, а потом обвенчаемся в Велтевердене. Надеюсь, я увижу тебя на обеих церемониях.

– Нет такой силы, которая могла бы мне помешать, – заявил он.

Они отпраздновали Пасху, пообедав в своем любимом приморском ресторанчике; коляска Никки примостилась подле их столика. Жена хозяина связала ему кофточку.

Адра также была с ними. К этому времени она стала уже полноправным членом их семьи, и на обратном пути ей было доверено катить коляску. Изабелла шла под руку с Рамоном. Ее переполняли материнские и супружеские чувства; никогда еще она не была так счастлива.

Когда добрались до квартиры, Адра унесла Никки, чтобы сменить ему пеленки. На этот раз Изабелла ничего не имела против.

Она опустила ставни в спальне и подошла к Рамону.

– После родов прошло уже целых три недели. И я вообще-то не стеклянная. Так что можешь не бояться меня разбить.

Но когда они приступили к делу, он обращался с ней слишком уж осторожно и бережно, что никак не отвечало ее настроению. Она так долго ждала этой минуты.

– По-моему, ты забыл, как это делается, – заявила она и перевернула его на спину. – Сейчас я вам кое-что напомним, сэр.

– Только не повреди себе что-нибудь, – беспокоился он.

– Если кто-то и повредит себе что-нибудь сейчас, так это скорее всего будешь ты, дорогой мой. Так что пристегни ремни. Даю команду на взлет.

Позже, когда комната выглядела так, будто по ней пронесся тайфун, она лежала подле него в сладостном изнеможении, их покрытые любовным потом тела слегка прилипали друг к другу, и тогда он сказал:

– На следующей неделе мне придется уехать дня на четыре.

Изабелла быстро села в постели.

– Ах, Рамон, так скоро! – запротестовала было она, но тут же поняла, что ведет себя неразумно и эгоистично.

– Ведь ты будешь звонить мне каждый день?

– Я сделаю кое-что получше. Я буду в Париже и попробую устроить так, чтобы ты приехала ко мне. И мы вместе пообедаем в «Ласерре».

– Это было бы замечательно, но как же быть с Никки?

– Ну, на то есть Адра, – ухмыльнулся Рамон. – С Никки все будет в порядке, а Адра получит его на это время в полное свое распоряжение, что, несомненно, доставит ей большое удовольствие.

– Ну, не знаю... – нерешительно проговорила она. Сама мысль о том, чтобы хотя бы на час расстаться со своим бесценным сокровищем, приводила ее в смятение.

– Ведь это всего на одну ночь, и тебе не помешает немного расслабиться. К тому же все-таки ты нужна не только ему, но и мне, не забывай об этом.

– О, мой дорогой! – Его слова тронули ее. Молока у нее было более чем достаточно. Она легко могла выжать столько, сколько понадобится Никки на время краткого отсутствия. – Конечно, я с радостью побуду с тобой. Ты прав. Никки с Адрой уж как-нибудь одну ночь обойдутся без меня. Я приеду, как только ты меня позовешь.

* * *

– Женщина родила своего щенка вот уже почти месяц назад, – хрипло прошептал генерал Джозеф Сисеро. – В чем причина задержки? Вам следовало немедленно закончить операцию. Расходы на нее и так уже превысили все мыслимые пределы!

– Позволю себе напомнить вам, генерал, что эта операция финансируется за счет средств, добытых лично мной, а не из бюджета отдела, – спокойно заметил Рамон.

Сисеро откашлялся и стал перелистывать номер «Франс суар», который держал прямо перед лицом. Они сидели рядом в вагоне второго класса парижского метро. Сисеро вошел на станции «Конкорд» и сел возле Рамона. Оба делали вид, что не имеют друг к другу ни малейшего отношения. Стук колес поезда, мчавшегося по подземному тоннелю, не позволял кому-либо подслушать их разговор. К тому же они прикрывались раскрытыми газетами, так что никто не мог видеть губ, когда они говорили. Это был один из обычных способов, которые использовали для коротких встреч.

– Я имел в виду не только чисто денежные расходы, – просипел Сисеро. – Вы потратили на эту операцию почти год, причинив тем самым невосполнимый ущерб прочей важной работе отдела.

Рамон был доволен той быстротой, с которой болезнь разрушала организм его начальника. Казалось, что с каждой их встречей Джозеф Сисеро выглядел хуже и хуже. Ему явно оставались считанные месяцы, ждать было уже не долго.

– Эти несколько месяцев работы сторицей окупятся уже в самом ближайшем будущем, а затем мы будем пользоваться плодами долгие годы и даже десятилетия.

– Ничего себе работа, – фыркнул Сисеро. – Запускать свою ложку в горшок с медом. Если вы это называете работой, что же тогда, по-вашему, развлечение, маркиз? И почему вы постоянно откладываете завершение операции?

– Если мы хотим получить от этой женщины все, что она может нам дать, то крайне необходимо дождаться, пока она сильнее привяжется к ребенку, прежде чем приступить к следующему этапу операции.

– И когда же вы приступите к следующему этапу? – осведомился Сисеро.

– Я уже приступил. Плод созрел, и его пора срывать. Все готово. Но на последней стадии мне понадобится ваша помощь. Вот почему я хотел встретиться с вами именно в Париже.

Сисеро кивнул.

– Продолжайте, – потребовал он.

И Рамон все так же спокойно и сдержанно за пять минут изложил ему свой план. Сисеро слушал, не перебивая, но в конце концов скрепя сердце вынужден был признать, что план безукоризнен. Уже в который раз за последнее время подумал, что, кажется, оставляет свой отдел в надежных руках, несмотря на первоначальное предубеждение, которое испытывал к преемнику.

– Ну что ж, – прошептал он напоследок. – Я даю согласие на эту операцию. И согласно вашему предложению, я лично прослежу за развитием ситуации на месте. – Сисеро сложил газету и встал, ибо вагон, шурша обитыми резиной колесами, уже подъезжал к станции на площади Бастилии.

Когда двери открылись, он вышел на платформу и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Извещение из Лондонского университета пришло в тот же день, сразу после отъезда Рамона. Это было срочное письмо в конверте, на котором красовался университетский герб.

Ректор Лондонского университета и весь его учебно-преподавательский состав имеют честь поздравить Изабеллу Кортни с присвоением ей степени доктора философии нашего университета.

Изабелла немедленно позвонила в Велтеверден. Между Малагой и Кейптауном разница во времени была незначительна, и Шаса только что вернулся после игры в поло. Он даже не успел еще снять сапоги и бриджи и разговаривал с ней из кабинета на первом этаже, двусторчатые окна которого выходили прямо на игровое поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.